РОБЕРТ СОЙЕР

БЛЮЗ КРАСНОЙ ПЛАНЕТЫ

Он – единственный честный детектив на этой бесчестной планете.

FANZON

Блюз Красной планеты
Роберт Джеймс Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Блюз Красной планеты
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Благодарности
Об авторе

Аннотация

Номинант на премию «Аврора».

Нуарный детектив, действие которого происходит на Марсе будущего, где все стоит дешево, а жизнь – еще дешевле.

Алекс Ломекс – единственный и неповторимый частный детектив, работающий на грязных улицах марсианского Нью-Клондайка. Этот город возник после того, как Саймон Вайнгартен и Денни О'Райли обнаружили на Красной планете окаменелости. На Земле, где можно синтезировать все, что угодно, останки инопланетной жизни – самый ценный предмет коллекционирования, поэтому на Марс хлынули корабли с отчаянными искателями, запустив Великую марсианскую лихорадку.

Пытаясь честно зарабатывать в нечестном мире, Ломекс выслеживает убийц и похитителей среди неудачливых старателей, коррумпированных полицейских и растущей популяции трасферов – счастливчиков, которые, найдя палеонтологическое золото, загружают свой разум в бессмертные тела

андроидов. Но когда он обнаруживает ключи к разгадке убийств Вайнгартена и О'Райли, произошедших несколько десятилетий назад, а также дневник, который может привести их к легендарной жиле марсианских окаменелостей, одному богу известно, что он раскопает.

«Как будто Филип Марлоу попал в "Марсианские хроники"». – *The Mind Reels*

«Уверенный в себе автор со смелыми научными идеями». – *New York Times*

«Роберт Сойер – абсолютный мастер научной фантастики, а этот роман добавляет блеска в его и без этого уже высокую репутацию». – *Майк Резник*

«Автор нашел оригинальный и забавный способ отдать дань уважения великим крутым детективам прошлого». – *seattlepi*

«Этот роман сочетает в себе нуарный детектив, вестерн о золотой лихорадке и научно-фантастическое приключение, в результате чего получается уникальная история, которая держит вас в напряжении, заставляет переворачивать страницы и улыбаться каждые несколько абзацев. И это не считая экшена и приключений». – *Orson Scott*

Card's InterGalactic Medicine Show

«Открыть книгу такого автора – все равно что получить подарок от друга, который посещает все странные и неизвестные места в мире. И вам не терпится узнать, чем он удивит на этот раз». – *Джон Скальци*

«Автор исследует пересечения больших идей и реальных людей». – *SciFi Magazine*

«Потрясающий детективный роман в стиле нуар, полный чудес научно-фантастического мира автора». – *Эрик Райт*

«Это настоящий тур де-форс. Сплав двух жанров, в котором детектив крепко связан с элементами научной фантастики». – *Analog Science Fiction and Fact*

«Увлекательное чтение, местами смешное, захватывающее и полное неожиданных поворотов». – *The Daytona Beach News-Journal*

«Превосходный детективный роман, действие которого происходит на другой планете. Это смесь жанров, которая, вероятно, провалилась бы в менее умелых руках, однако у руля находился Сойер, и он прекрасно справился». – *The Maine Edge*

Роберт Сойер
Блюз Красной планеты

© Т. Чамата, перевод на русский, 2025
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Посвящается Шерри Питерс

Искатели богатств земли
На многое идут под солнцем Марса;
Хранят те ржавые пески
Истории ужасного коварства.
Но не видал картин странней
Бассейн былых времён,
Чем ночь, когда под ликом двух светил
Был трансфер устранён.

Глава 1

Дверь офиса отворилась.

— Здравствуйте, — произнёс я, поднимаясь из кресла. — Я так понимаю, вы ко мне на девять часов.

Я говорил так, будто клиенты должны были прийти и в десять, и в одиннадцать, но нет. На Марсе царил экономический кризис, и даже у меня, единственного частного детектива на планете, уже месяц не было дел.

— Да, — раздался высокий женский голос. — Кассандра Уилкинс.

Я окинул взглядом её фигуру. Отличная работа; даже интересно, была ли она такой идеальной до трансфера. Обычно, заказывая сменные тела, люди старались хотя бы в общих чертах сохранять вид оригинала, но мало кто мог удержаться от доработок. Мужчины добавляли мышечной массы, женщины — изгибов в нужных местах, и абсолютно все изменяли лица, убирая асимметрию, морщины и прочие недостатки. Я бы и сам, доведись мне загрузиться в новое тело, убрал бы седину из светлых волос и сделал бы нос таким,

каким он был до парочки переломов.

— Рад знакомству, мисс Уилкинс, — сказал я. — Я Александр Ломакс. Прошу, присаживайтесь.

Совсем крошка, не выше полутора метров ростом, она была одета в стильную серебристо-серую блузку и юбку, но не носила ни макияжа, ни украшений. Глядя на деликатные черты лица, я ожидал от неё плавных кошачьих движений, но она просто плюхнулась в кресло.

— Спасибо, — сказала она. — Надеюсь, вы сможете мне помочь, мистер Ломакс. Очень надеюсь.

Вместо того чтобы сесть самому, я подошёл к кофеварке. Налил кофе себе и предложил Кассандре — большинство искусственных тел поддерживали возможность приёма пищи как социальную функцию, — но она отказалась.

— И что же у вас случилось? — поинтересовался я, возвращаясь в кресло.

Считывать эмоции по лицам трансферов сложно: их мышечный каркас обычно отменный, но движения несколько скованны.

— Мой муж… ох, боже мой, мистер Ломакс, я даже говорить не хочу! — Она опустила взгляд на руки. — Мой муж… исчез.

Я приподнял брови; в Нью-Клондайке было

чертовски сложно исчезнуть. Весь город накрыт куполом диаметром четыре километра и высотой всего двадцать метров у центральной опорной колонны.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Три дня назад.

Несмотря на небольшие размеры, в моём офисе было окно. Оно выходило на разрушающееся здание по соседству и одну из пологих арок, поддерживающих полупрозрачный купол. За его пределами бушевала пыльная буря, заслоняющая солнце рыжими облаками. Недостаток света компенсировали дополнительные огни арки, но на Марсе редко бывало по-настоящему ясно.

— Ваш муж, кх-м, такой же, как вы? — спросил я.

— О да. Мы оба прилетели сюда в поисках лучшей жизни, как и все остальные.

Я покачал головой:

— Я не про то. Он тоже трансфер?

— Ах, простите. Да. На самом деле мы загрузились совсем недавно.

— Это дорогая процедура, — заметил я. — Он точно не уклоняется от оплаты?

Кассандра помотала головой:

— Нет, нет. Джошуа ещё в самом начале нашёл

парочку чудесных окаменелостей. На деньги от их продажи он купил местный филиал «Нового Ты». Так мы и познакомились — когда мне надоело копаться в земле, я устроилась туда в отдел продаж. В общем, в итоге нам удалось загрузиться по себестоимости, — рассказала она, заламывая искусственные руки. — Ах, мистер Ломакс, помогите мне, умоляю! Я не знаю, что буду делать без моего Джошуа!

— Вижу, вы его очень любите, — сказал я, глядя на её симпатичное личико не столько ради удовольствия, сколько чтобы оценить искренность ответа. В конце концов, люди часто сбегали от неприятностей в доме, но супруги редко говорили об этом открыто.

— О, конечно! — воскликнула Кассандра. — Не могу даже передать, как сильно. Джошуа чудесный, замечательный человек. — Она посмотрела на меня с мольбой: — Вы должны помочь мне его вернуть. Просто обязаны!

Я опустил взгляд на кофе; от чашки исходил пар.

— Вы обращались в полицию?

Смешок, который издала Кассандра, был сухим и шершавым, как марсианский песок.

— Да. Они… ох, мне бы так не хотелось говорить

о них дурно, мистер Ломакс! Я не такая, поверьте, но… из песни слов не выкинешь, согласитесь? Они ничего не сделали. Ничегошеньки!

Я слегка кивнул; эта история стара как мир. Своим мало-мальским заработком я был в значительной степени обязан равнодушию, с которым полиция Нью-Клондайка относилась к большинству преступлений. Как частная организация, нанятая Говардом Слэпкоффом для защиты тридцати лет инвестиций, вложенных в строительство города, копы предпринимали символические усилия по поддержанию порядка, но на этом всё.

— С кем вы разговаривали?

— С… детективом, я полагаю? Он был в гражданском. Я забыла, как его звали.

— Как выглядел?

— Рыжий, с…

— Это Мак, — сказал я. Она уставилась на меня в изумлении, и я назвал его полное имя: — Дугал Маккрей.

— Маккрей, точно, — кивнула Кассандра. Она содрогнулась и, видимо, заметила моё удивление. — Извините, — сказала она. — Мне просто не понравилось, как он на меня смотрел.

Я удержался, чтобы самому не пробежаться

взглядом по её телу; я и так помнил, что там увижу. Видимо, при переносе сознания она всё же изменила фигуру, иначе давно бы привыкла к восхищённым взглядам мужчин.

— Я поговорю с Маккреем, — пообещал я. — Узнаю, что уже было сделано. Подхвачу работу за копами.

— Правда? — Её зелёные глаза, казалось, танцевали. — О, спасибо вам, мистер Ломакс! Вы хороший человек — сразу видно!

Я передёрнул плечами.

— Две бывшие жены и полдюжины кредиторов с вами не согласятся.

— О нет, не говорите так! Вы правда хороший, уж я-то знаю. Поверьте, у меня на такое чутьё. Вы замечательный человек, вы меня точно не подведёте.

Наивная женщина; она, наверное, так же думала о своём муженьке, пока тот не сбежал.

— Итак, что вы можете рассказать мне о муже? Джошуа, правильно?

— Да, всё верно. Джошуа Коннор Уилкинс — именно Джошуа, а не Джош, спасибо большое.

Я кивнул. Опыт подсказывал, что парни, требующие называть их исключительно полным именем, щедростью не отличались и выпивкой

не угощали. Может, и хорошо, что этот клоун пропал.

— Конечно, — сказал я. — Продолжайте.

Никаких записей я не делал. Рабочий компьютер — небольшой зелёный кубик на столе — записывал всё услышанное и извлекал полезную информацию в сводный файл.

Кассандра задумчиво прокатила искусственную губу между искусственными зубами.

— Что сказать, он родился в Вичите, в Канзасе, и сейчас ему тридцать восемь. Сюда он приехал семь марсолет назад. — Марсогоды, они же марсианские годы, примерно вдвое дольше земных.

— У вас есть его фотография?

— Могу найти. — Она указала на мою пыльную клавиатуру: — Позволите?

Я кивнул, и Кассандра потянулась за ней. В процессе она умудрилась опрокинуть чашку, подписанную «Лучший детектив на планете», и пролить горячий кофе прямо на изящную руку. Она слабо вскрикнула от боли; я встал, схватил полотенце и принялся вытирать растекающуюся лужу.

— Удивлён, что вам больно, — заметил я. — Нет, конечно, я люблю кофе погорячее…

— Трансферы чувствуют боль, мистер Ло-

макс, — сказала она, — по той же причине, что и простые люди. Существам из плоти и крови нужна система, оповещающая о повреждениях; то же самое верно и для тех, кто загрузил свой разум в андроидов. Хотя, конечно, искусственные тела гораздо более долговечны.

— А.

— Простите. Я уже столько раз это объясняла — ну, вы знаете, на работе. Вы только простите, пожалуйста, за ваш стол.

Я пренебрежительно отмахнулся:

— Бумаг нет, и слава богу. Не волнуйтесь. — Я жестом указал на клавиатуру; к счастью, кофе не попал между клавишами: — Вы хотели найти фотографию?

— Да-да, точно. — Она произнесла несколько команд, и терминал ожил. Я успел задуматься, зачем ей понадобилась клавиатура, но потом она набрала длинный пароль; наверняка не хотела произносить при мне вслух. Она нахмурилась, несколько раз поправляя ошибки; произносить кодовые фразы было легко, а вот печатать, не привыкнув к клавиатуре, не очень — а чем больше людей заботила безопасность, тем длиннее пароли они использовали.

Она вошла в хранилище личных файлов и

открыла фотографию мужа. Учитывая, какой красоткой была миссис Уилкинс, не-Джош-а-Джошуа оказался не таким, как я ожидал. Серыми холодными глазами, обритым под ноль черепом и тонким, почти безгубым ртом он напоминал скорее рептилию, чем человека.

— Это до, — сказал я. — А сейчас? Как он выглядит после трансфера?

— Хм, в целом так же.

— Серьёзно? — Будь у меня такое хлебало, я бы точно его изменил. — У вас есть фотографии после загрузки?

— Фотографий нет, — ответила Кассандра. — В конце концов, мы буквально только что прошли процедуру. Но я могу зайти в базу данных «Нового Ты» и показать план, по которому изготавливалось его лицо.

Она вновь обратилась к терминалу, ввела очередной длинный пароль, и вскоре на экране появилось графическое изображение головы Джошуа.

— И правда, — удивлённо произнёс я. — Он ни капли не изменился. Можете передать копию?

Она кивнула и парой голосовых команд перенесла нужные файлы в локальное хранилище.

— Отлично, — сказал я. — Мой гонорар — две-

сти соларов в час плюс расходы.

— Хорошо, хорошо, конечно! Меня не волнуют деньги, мистер Ломакс, совсем не волнуют. Я просто хочу вернуть Джошуа. Умоляю, скажите, что вы его найдёте.

— Найду, — подтвердил я, улыбаясь своей самой обнадёживающей улыбкой. — Не беспокойтесь. Он не мог уйти далеко.

Глава 2

На самом деле, конечно, Джошуа Уилкинс мог уйти далеко, поэтому первым делом нужно было исключить такую возможность.

За последние двадцать дней Марс не покинуло ни единого корабля, значит, он не мог улететь с планеты. На юге находился огромный шлюз, через который звездолёты отправляли на работы в доке, но его не открывали уже с месяц. И хотя трансферы могли спокойно существовать на поверхности Марса, из купола вели всего четыре шлюзовых станции, и все они охранялись. Я прошёлся по ним, чтобы убедиться лично, но за последние три дня Нью-Клондайк покидали только обычные толпы незадачливых старателей, которых потом загнала обратно пыльная буря.

Я читал о периоде зарождения этого города: «Великая марсианская лихорадка», так его называли. Вайнгартен с О'Райли, частные исследователи, прилетевшие сюда за свой счёт, обнаружили на Марсе первые окаменелые ископаемые и сколотили на них состояние. Самые ценные и редкие находки всей Солнечной системы, они стоили

дороже благородных металлов — настоящие доказательства внеземной жизни! Хорошие экземпляры размером с кулак уходили с молотка за десятки тысяч; отличные, с футбольный мяч, стоили миллионы. В мире, где синтезировать можно практически всё, включая алмазы и золото, подлинные останки марсианских пентаподов и ризоморфов стали лучшим показателем статуса.

Вайнгартен с О'Райли не уточняли, где именно нашли ископаемые, но быстро выяснилось, что впервые они сели именно здесь, в бассейне равнины Исиды. За ними последовали другие охотники за сокровищами, а Говард Слэпкофф — миллиардер, основатель компании, которая совершила прорыв в области сканирования и загрузки сознания, — потратил львиную долю своего состояния на создание нашего города. Многие охотники, разжившиеся ископаемыми в первые дни, купили в Нью-Клондайке недвижимость. Для Слэпкоффа это было отличным вложением: продажа земли принесла ему втрое больше, чем он потратил на купол, а жители с тех пор исправно платили налоги на жизнеобеспечение. По крайней мере, биологические жители, но Слэппи и с деятельности «Нового Ты» получал жирненькие комиссионные, так что карманы

набил себе славно.

Жизнь на Марсе, по-видимому, в своё время не смогла широко распространиться; единственная экосистема, существовавшая здесь, ограничивалась этим бассейном. Некоторые старатели — ах да, простите, охотники за ископаемыми, — приехавшие по следам экспедиции Вайнгартена и О'Райли, обнаружили несколько замечательных образцов, но состояние большинства находок оставляло желать лучшего.

Но где-то скрывалась золотая жила окаменелостей: пласт, известный как Альфа-залежь, где ископаемые сохранились даже лучше, чем на Земле в сланцах Бёрджесс. Вайнгартен с О'Райли знали, где он находится, — наткнулись на него, видимо, по чистой случайности. Но они оба погибли, когда тепловой щит отделился от корабля при входе в атмосферу Земли после третьей экспедиции, и за прошедшие двадцать марсолет Альфу так и не обнаружили. Однако поиски не прекращались.

Рынок переноса сознания существовал везде: потенциально бесконечная жизнь привлекала многих. Но здесь, на Марсе, спрос был особенно велик, поскольку андроиды могли проводить на поверхности недели и даже месяцы в поисках

палеонтологического золота.

Как бы то ни было, не-Джош-а-Джошуа Уилкинс точно не сбежал за городские пределы и не улетел с планеты. Где бы он ни скрывался, это был Нью-Клондайк. Не скажу, что мы дышали с ним одним воздухом, потому что он не дышал. Но он был поблизости. Оставалось только найти.

Мне не хотелось заново повторять усилий полиции, хотя «усилия» были очень уж щедрой формулировкой для деятельности наших констеблей; зная Мака, «символические попытки» ближе к истине.

Под куполом Нью-Клондайка пролегали двенадцать радиальных дорог, служащих улицами девяти концентрическим кольцам зданий. Все кольца располагались на равном расстоянии друг от друга, за исключением восьмого и седьмого — там в гигантском промежутке были размещены сельскохозяйственные поля, верфь, склады, водо- и воздухоочистные сооружения и ещё много чего. Мой офис находился прямо у купола, с внешней стороны Девятого кольца; я мог добраться до центра на антигравитационном трамвае, но предпочитал ходить пешком. Хороший детектив должен знать, что творится на улицах, а трамваи, пусть и обветшалые, проносятся слишком быстро

для этого.

Когда я только приехал, то пошутил, что Нью-Клондайк нельзя назвать дырой — не таким уж он был захудалым. «Скорее, так, дырочкой», — сказал я. Но то было десять лет назад, сразу после Ванды, и уж если что-то среди огромной равнины и могло скатываться в бездну, так это Нью-Клондайк. Реголитовые улицы потрескались, здания — далеко не только в трущобах — осыпались, а вшивые бары и притоны были полны мошенников и бандитов, обездоленных и удручённых. Как говаривал персонаж одного из моих любимых фильмов: «Вы никогда не найдёте более жалкого скопления подонков и подлостей». На шлюзе в Нью-Клондайк должна висеть вывеска: «Город-побратим Мос-Эйсли с Татуина».

По пути я без зазрения совести глазел на подворачивающихся трансферов. Модели попадались самые разные — от изысканных, вроде Кассандры Уилкинс, до напоминающих Железного Дровосека из страны Оз. Последних заметить было легко, а вот первые иногда могли сойти за биологических, хотя и их можно определить по странному блеску синтетической кожи и неестественной плавности движений. На них чутьё срабатывало почти подсознательно; «нюх на деньги» — так в

народе называли умение распознавать купленные тела.

Конечно, те, кто довольствовался второсортными искусственными болванками, надеялись в будущем разжиться добротными ископаемыми и поменять тело. Бедняги; ничего выдающегося не находилось уже многие марсогоды, и охотники сдавались и возвращались на Землю, если могли позволить себе перелёт, или же погружались в жизнь, как сказал бы Торо, тихого отчаяния, и мечты их были так же мертвы, как и ненайденные останки.

Я лёгкой походкой пересёк улицу; притяжение Марса составляло всего тридцать восемь процентов земного. Некоторые застревали здесь, потому что их мышцы атрофировались и они бы просто не выдержали давления земной атмосферы. Я тоже застрял, но по своим причинам — к счастью, правительства на Марсе не было, а значит, не было и законов об экстрадиции. Но и спортом я занимался чаще остальных — ходил в зал Галли, что рядом с верфью, — а потому ноги были всё ещё крепкими; я мог спокойно провести на них весь день, появись такая необходимость.

По дороге я несколько раз наткнулся на роботов, как приземистых, так и тщедушных. Большин-

ство из них были тупы как пробка, и ни один не превосходил интеллектом четырёхлетку. В их задачи входили мелкие поручения и сизифов труд по ремонту дорог и зданий.

Полицейский участок представлял собой кособокую пятиэтажку — в центре высота купола позволяла строить здания в несколько этажей — с обшарпанными потрескавшимися стенами, некогда белыми, а сейчас розово-серого оттенка. Входные двери из чистого аллокварца — из такого же был выполнен купол — разъехались при моём приближении. В вестибюле справа стоял длинный красный стол, будто на Марсе не хватало красного цвета, а на стене за ним висела карта равнины Исиды; Нью-Клондайк был отмечен большим кругом у самого края.

Городская полиция состояла из восьми копов, младшие из которых по очереди исполняли обязанности дежурного. Сегодня дежурил дряблый узколоб по имени Хаксли, синяя форма которого вечно сидела так, будто была ему на размер меньше.

— Здорово, Хакс, — сказал я, направляясь к нему. — Мак тут?

Хаксли сверился с монитором и кивнул:

— Да, но никого не принимает.

— Я тебе не просто прохожий, Хакс. Я за вами, клоунами, весь бардак разгребаю.

Хаксли нахмурился, пытаясь придумать ответ.

— Да, но… — наконец родил он.

— У-у, — сказал я. — А ты молодцом, Хакс! Поставил меня на место.

Он сощурился.

— Думаешь, ты такой остроумный, Ломакс?

— Нет конечно. Куда мне до твоих высот. — Я кивнул на охраняемую внутреннюю дверь: — Пропускать меня собираешься?

— Только чтобы ты мне глаза не мозолил, — сказал Хаксли. Довольный собой, он даже повторил: — Чтобы ты мне глаза не мозолил.

Он пошарил рукой под столом, и внутренняя дверь — чёрная панель без опознавательных надписей — отъехала в сторону. Я сделал вид, что снимаю перед ним шляпу, и прошёл вглубь участка. Там я свернул в коридор, ведущий к кабинету Маккрея; дверь была открыта, так что я постучал костяшками по стальному косяку.

— Ломакс! — воскликнул Мак, подняв голову. — Сдаваться пришёл?

— Очень смешно. Вам с Хаксом впору турне устраивать.

Он фыркнул.

— Чего тебе, Алекс?

Мак был худощавым мужчиной с лохматыми рыжими бровями, закрывающими голубые глаза. На комоде за его письменным столом стояли голограммы жены и маленькой дочки, которая родилась всего пару месяцев назад.

— Я ищу одного парня. Зовут Джошуа Уилкинс.

Разговаривал Мак с сильным шотландским акцентом — сильным настолько, что я списывал его на притворство.

— А, да. Кто клиент? Жена?

Я кивнул.

— Красотка, — сказал он.

— Есть такое. Она обращалась по поводу мужа, этого Уилкинса…

— Мы навели справки, да. Он трансфер, ты в курсе?

Я кивнул.

— Ну, — сказал Мак, — она дала нам чертежи его нового лица, точные замеры, всё такое. Мы прогнали все видео с камер наблюдения через программу распознавания лиц. Пока безрезультатно.

Я улыбнулся. Обычно на этом детективная работа Мака заканчивалась: отрывать костлявую задницу от стула он не хотел.

— И что, много они покрывают? — спросил я.

— Сорок процентов общественных зон Нью-Клондайка.

Народ бил, крал и глушил камеры быстрее, чем люди Мака успевали их ставить; в конце концов, город был пограничным и здесь происходило много такого, чего не должны видеть посторонние глаза.

— Сообщишь, если что-нибудь появится?

Мак свёл на переносице лохматые брови.

— Законы конфиденциальности действуют даже на Марсе, Алекс, это требование начальства. Я не могу разглашать информацию с записей.

Я достал из кармана монету в пятьдесят соларов и подкинул. Она быстро поднялась вверх, но вниз упала будто в замедленной съёмке, хотя за десять лет на Марсе пора было привыкнуть; даже без искусственных рефлексов трансфера Мак легко перехватил её в воздухе.

— Конечно, — произнёс он, — всегда можно сделать исключение…

— Спасибо. Правоохранительные органы могут тобой гордиться.

Он улыбнулся. А потом спросил:

— Скажи-ка, что у тебя нынче за пушка? Всё носишься со своим смит-вессоном?

— Он зарегистрирован, — я прищурился.

— О, знаю, знаю. Но ты себя береги, а? Времечко-то меняется. Против трансферов с револьвером не попрёшь, а их с каждым днём всё больше и больше — цены на загрузку снижаются.

— Да, слышал. Не знаешь, случаем, как вырубить трансфера, если вдруг попадётся?

Мак помотал головой.

— Зависит от модели, а «Новый Ты» старается своевременно устранять уязвимости.

— И как вы с ними справляетесь?

— До недавнего времени — никак не справлялись, — ответил Мак. — Закрывали глаза, ну, сам знаешь.

— И с места вставать не нужно.

Он не обиделся.

— Именно. Но дай-ка я тебе кое-что покажу. — Мы покинули кабинет и прошли по коридору в другую комнату. Мак указал на стол: — Только с Земли. Последняя новинка.

Оружие напоминало широкий плоский диск диаметром около полуметра и толщиной сантиметров пять. К краям диска крепились две изогнутые рукояти.

— Что это?

— Широкополосный прерыватель, — ответил

Мак. Он поднял его и выставил перед собой, как щит гладиатора. — Он выпускает многочастотный колебательный электромагнитный импульс. Поджаривает мозг трансфера с четырёх метров; убивает так же надёжно, как пуля — человека.

— Я не собираюсь никого убивать.

— В прошлый раз ты говорил точно так же.

Ай. Ладно, в чём-то он, пожалуй, был прав.

— Подозреваю, запасного у вас не имеется?

Мак хохотнул.

— Смеёшься? Нам пока только один достался, да и тот прототип.

— Ну тогда, — сказал я, направляясь к двери, — на рожон придётся не лезть.

Глава 3

Следующей остановкой стало здание «Нового Ты». Чтобы добраться до него, я прошёл по Третьей авеню — одной из городских радиальных улиц — до Пятого кольца. Как и большинство здешних домов, двухэтажка «Нового Ты» была построена из марсианского песчаника, оплавленного лазером. По бокам от главных дверей за широкими аллокварцевыми витринами красовались пыльные искусственные тела, одетые по моде примерно пятимарсолетней давности; уж пора бы что-нибудь и подновить.

На нижнем этаже располагались выставочный зал и мастерская, разделённые открытой дверью. В мастерской валялись запасные детали: где-то белая искусственная рука, где-то чёрная искусственная нога, на полках — синтетические глаза да катушки разноцветной лески, из которой делали волосы. На рабочих столах лежали всевозможные внутренности: моторы, шарниры, гидравлические насосы.

В соседнем выставочном зале тела были представлены уже в собранном виде. На другом его

конце я заметил Кассандру Уилкинс в бежевом костюме. Она разговаривала с мужчиной и женщиной из плоти и крови; видимо, обрабатывала потенциальных клиентов.

— Здравствуйте, Кассандра, — сказал я, приблизившись.

— Мистер Ломакс! — воскликнула она, отходя от пары. — Как я рада вас видеть, очень и очень рада! Есть новости?

— Пока нет. Я заглянул к копам и решил, что отсюда начать будет лучше всего. Как-никак, вы с мужем владеете филиалом, правильно?

Кассандра с энтузиазмом кивнула.

— Я знала, что не зря вас наняла. Прямо-таки знала! Представляете, этот лентяй Маккрей ни разу сюда не заглянул! Ни разу!

Я улыбнулся.

— Мак не любитель активного отдыха. И, ну, за что заплатили, то и получили.

— Истину молвите, — сказала Кассандра. — Самую настоящую истину!

— Вы говорили, что ваш муж загрузился совсем недавно?

— Да. Но этим занимаются наверху. Здесь только продажа и обслуживание.

— У вас есть видеозаписи трансфера?

— Нет. В «Новом Ты» не разрешают устанавливать наверху камеры. Не хотят, чтобы запись процесса утекла в массы. Коммерческая тайна, сами понимаете.

— А, ну ладно. Но вы можете показать, что там происходит?

Она снова кивнула:

— Конечно. Вам, мистер Ломакс, я покажу всё что угодно.

Лично я бы предпочёл увидеть, что скрывается под серым костюмом — ничто не могло сравниться с совершенством трансферов высшего класса, — но оставил эту мысль при себе.

Кассандра огляделась и подозвала к себе другую сотрудницу: со вкусом накрашенную и одетую биологическую красотку.

— Простите, — обратилась Кассандра к брошенным клиентам. — Мисс Такахаси о вас позаботится. — Затем она повернулась ко мне: — Сюда.

Мы прошли через занавешенный дверной проём, поднялись по лестнице и оказались на площадке перед двумя дверьми с маленькими окошками.

— Тут у нас проходит сканирование, — Кассандра указала на левую дверь.

Привстав на цыпочки, она заглянула в окошко,

удовлетворённо кивнула и прошла в помещение. Внутри находились двое: лысеющий мужчина лет сорока сидел в кресле, а рядом стояла женщина, которой на вид я бы дал не больше двадцати пяти. Впрочем, она была трансфером, так что реальный возраст оставался загадкой.

— Извините за беспокойство, — сказала Кассандра. Улыбнувшись мужчине в кресле, она жестом указала на меня: — Это Александр Ломакс. Он… консультирует нас по одному делу.

Мужчина удивлённо взглянул на меня.

— Клаус Хансен, — сказал он вместо приветствия.

— Вы не будете возражать, если мистер Ломакс понаблюдает за процессом сканирования? — спросила Кассандра.

Хансен на мгновение задумался, нахмурив длинное худое лицо.

— Пусть наблюдает. Почему нет?

— Спасибо, — сказал я, проходя в помещение. — Я постою тут. — И прислонился к дальней стене.

Кресло, в котором сидел Хансен, напоминало парикмахерское. Женщина-трансфер потянулась к полупрозрачной полусфере, прикреплённой шарнирным рычагом к потолку. Она опускала её всё ниже и ниже, пока не накрыла всю голову

Хансена, а затем повернулась к пульту управления. Полусфера слегка замерцала, будто по её поверхности растеклась масляная плёнка; так, должно быть, действовало сканирующее поле.

Кассандра встала рядом со мной, скрестив руки на груди.

— Сколько времени занимает сканирование? — спросил я.

— Немного, — ответила она. — Процедура квантово-механическая, так что проходит быстро. После этого понадобится всего пара минут, чтобы перенести данные в искусственный мозг. А потом…

— А потом что? — спросил я.

Она пожала плечами, будто это было чем-то само собой разумеющимся:

— А потом мистер Хансен сможет жить вечно.

— А.

— Пойдёмте, — сказала Кассандра. — Заглянем на другую сторону.

Мы вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и ступили в соседнее помещение. Оно оказалось точной копией предыдущего — вполне, на мой взгляд, уместно. На кушетке посреди комнаты лежало новое тело Хансена, одетое в модный синий костюм; его глаза были закрыты. Рядом с

ним находился техник «Нового Ты», биологический мужчина.

Я прошёлся, рассматривая искусственное тело со всех сторон. У этого Хансена тоже была лысина, хотя её диаметр уменьшился вдвое. И, что интересно, Хансен заказал себе дизайнерскую щетину; оригинал при этом был чисто выбрит.

Внезапно глаза симулякра открылись.

— Ух ты, — раздался тот же голос, что я слышал в соседней комнате. — Просто невероятно.

— Как вы себя чувствуете, мистер Хансен? — спросил техник.

— Прекрасно, просто прекрасно.

— Хорошо, — сказал он. — Конечно, нам ещё понадобится внести коррективы. Давайте пока проверим, всё ли работает…

— Вот и вся процедура, — заключила Кассандра. — Ничего сложного. — Она вывела меня из комнаты в коридор и закрыла за нами дверь.

— Потрясающе. Когда разберётесь с оригиналом?

— Всё уже готово. Ему даже не пришлось вставать из кресла.

Я посмотрел на левую дверь. Хотелось бы надеяться, что Кассандра не заметила прошившую меня дрожь.

— Ладно. Думаю, я увидел достаточно.

— Уверены, что не хотите осмотреться ещё? — расстроенно спросила Кассандра.

— А что? Есть ещё что-нибудь, достойное внимания?

— Ох, даже не знаю, — сказала Кассандра. — Здание большое. Столько всего здесь, внизу… да и в подвале.

Я моргнул.

— Тут есть подвал? — Подвалы на Марсе были большой редкостью; прорыть слой вечной мерзлоты очень непросто.

— Да. — Она помолчала, а потом отвела взгляд. — Конечно, туда никто не ходит. Кроме складских помещений, там ничего нет.

— Я посмотрю, — сказал я.

И вот там-то Джошуа и нашёлся.

Он лежал за большими ящиками лицом вниз, а вокруг расплывалась липкая лужа машинного масла. Рядом валялся эксимерный отбойный молоток — такими охотники за ископаемыми снимали верхние слои породы. А в стороне лежал лист старой доброй бумаги. Печатная надпись гласила: «Прости меня, Кэсси. Это просто не то».

Будучи трансфером, не так-то просто покончить с собой. Вены не перережешь, яд не поможет, да

и утопиться тоже не получится. Но не-Джош-и-не-жилец-Джошуа Уилкинс нашёл способ. Судя по всему, он прислонился спиной к шершавой цементной стене и, ухватив сильными руками отбойный молоток, приложил боёк прямо ко лбу. А потом нажал на два спусковых крючка и не отпускал, пока молоток не пробил титановый череп и не разрушил искусственный мозг. Когда мозг умер, Джошуа уронил молоток и упал лицом вниз на бетонный пол, свернув себе шею. Ниже бровей всё было цело; я явственно видел рептилию с фотографии Кассандры Уилкинс.

Поднявшись по лестнице, я нашёл Кассандру оживлённо болтающей с очередным клиентом.

— Кассандра, — сказал я, отведя её в сторону. — Кассандра, мне очень жаль, но…

Она посмотрела на меня широко распахнутыми зелёными глазами.

— Что такое?

— Я нашёл вашего мужа. Он мёртв.

Она открыла прелестный ротик, закрыла его, затем вновь открыла. Казалось, что она вот-вот упадёт даже вопреки стабилизации гироскопов.

— Боже… О боже, — наконец проговорила она. — Вы… вы уверены?

— Выглядел очень похоже.

— Боже, — повторила она. — Что… что случилось?

Помягче тут и не скажешь.

— Похоже, он покончил с собой.

Несколько коллег Кассандры приблизились, заинтересованные разговором.

— Что такое? — спросила мисс Такахаси.

— Ах, Рэйко! — воскликнула Кассандра. — Джошуа умер!

До клиентов тоже дошло, что происходит. С другого конца зала подошёл грузный биологический мужчина с короткими чёрными волосами, золотой серьгой в ухе и руками толщиной с ногу; он явно здесь работал. Рэйко Такахаси уже заключила Кассандру в объятия — или наоборот, я смотрел в сторону и не видел, — и поглаживала её по искусственным волосам. Я оставил грузного мужчину успокаивать собравшуюся толпу, а сам воспользовался наручным телефоном, чтобы позвонить Маку и сообщить ему о самоубийстве Джошуа Уилкинса.

Глава 4

Двадцать минут спустя прибыли бравые служители порядка — детектив Дугал Маккрей в сопровождении пары патрульных.

— Ну как тут, Алекс? — спросил он.

— Мне и похуже самоубийства встречались, — ответил я. — Но зрелище всё равно не из приятных.

— Показывай.

Я отвёл Мака вниз. Он прочитал записку, не поднимая её.

Вскоре за нами спустились грузный мужчина с Кассандрой Уилкинс, которая прижимала искусственную руку к искусственному рту.

— И снова здравствуйте, миссис Уилкинс, — сказал Мак, вставая между ней и неподвижным телом. — Ужасно извиняюсь, но мне нужно, чтобы вы провели официальное опознание.

Я приподнял брови; по иронии судьбы с расцветом переноса сознания мы снова вернулись к необходимости звать родственников на опознание. Законы о защите персональных данных не позволяли устанавливать в искусственные

тела идентификационные чипы или устройства слежения. Собственно, это была одна из многих причин стать трансфером: они не оставляли за собой ни отпечатков пальцев, ни следов ДНК.

Кассандра мужественно кивнула; она была готова выполнить просьбу Мака. Тот отодвинулся, как живой занавес, и открылось синтетическое тело с зияющей раной на голове. Кассандра взглянула на него. Я думал, она тут же отведёт глаза, но она продолжала смотреть.

Наконец Мак очень мягко спросил:

— Это ваш муж, миссис Уилкинс?

Она медленно кивнула. Тихо ответила:

— Да. Ох, бедный мой Джошуа…

Мак отошёл поговорить с полицейскими, и я последовал за ним.

— Что вы делаете с мёртвыми трансферами? — спросил я. — Вызывать судмедэксперта, подозреваю, бессмысленно.

Вместо ответа Мак кивнул грузному мужчине. Тот ткнул себя в грудь и приподнял брови в классическом «Кто, я?». Мак снова кивнул. Мужчина огляделся, словно переходил воображаемую дорогу, и приблизился.

— Да?

— Кажется, вы здесь старший сотрудник, — ска-

зал Мак. — Я прав?

— Горацио Фернандес, — представился мужчина с испанским акцентом. — Джошуа тут всем заправлял, но я старший техник.

Сеньор техник, подумал я.

— Хорошо, — сказал Мак. — Полагаю, вы лучше нас сможете определить точную причину смерти.

Фернандес красноречивым жестом указал на искусственный труп, словно всё было… ну, если не совсем очевидно, то хотя бы понятно.

Мак помотал головой.

— Уж больно банально, — сказал он, заговорщически понизив голос. — Орудие под рукой, предсмертная записка. — Он приподнял лохматые рыжие брови. — Просто хочу убедиться.

Кассандра подошла ближе, чего Мак не видел, зато видел я. Она подслушивала.

— А, — сказал Фернандес. — Ну ладно. Можем разобрать его, проверить, всё ли в порядке.

— Нет, — возразила Кассандра. — Не надо.

— Боюсь, это необходимость, — сказал Мак, поглядев на неё. Шотландский говор всегда придавал его словам остроту, но я слышал, что он старается разговаривать мягко.

— Нет, — дрожащим голосом повторила Кас-

сандра. — Я запрещаю.

Тон Мака стал жёстче:

— Не получится. Я обязан провести вскрытие, если считаю смерть подозрительной.

Кассандра хотела было сказать что-то ещё, но передумала. Горацио шагнул к ней и приобнял массивной рукой за хрупкие плечи.

— Не волнуйтесь. Мы будем осторожны. — Тут лицо его слегка просветлело. — О, знаю! Мы посмотрим, какие детали можно спасти, и отдадим их кому-нибудь другому, кто не может позволить себе такое качество из первых рук. — Он блаженно улыбнулся. — Джошуа бы этого хотел.

* * *

Следующий день застал меня сидящим в кабинете и выглядывающим в небольшое потрескавшееся окно. Пыльная буря закончилась; за куполом по поверхности планеты повсюду были разбросаны валуны, как игрушки на полу детской спальни. Телефон зазвонил, наигрывая «Госпожу Удачу», и я посмотрел на него в надежде на новое дело; лишние солары бы не помешали. Но звонили из участка. Я велел устройству принять вызов, и на запястье появилось миниатюрное лицо Мака.

— Здоро́во, Алекс, — сказал он. — Не заглянешь в участок?

— А что такое?

Миниатюрный Мак нахмурился.

— Ничего, что я готов обсуждать по телефону.

Я кивнул. Дело Уилкинса было раскрыто, так что мне всё равно сейчас нечем заняться. Я успел проработать всего семь оплачиваемых часов, чёрт побери, да и то с натяжкой.

Я направился к центру по Девятой авеню, минуя грязных старателей, последствия драки, где за каким-то придурком в луже крови ухаживала пресловутая проститутка с золотым сердцем, и сломанного робота, пытавшегося проложить себе дорогу на трёх ногах из четырёх.

Добравшись до полицейского участка, я обменялся неизбежными колкостями с Хаксли и прошёл в кабинет.

— Привет, Мак, — сказал я. — Как дела?

— Утро доброе, Алекс, — ответил Мак, растягивая «р» в «утре». — Проходи, садись. — Он повернул ко мне монитор настольного терминала: — Взгляни.

Я посмотрел на экран.

— Отчёт по Джошуа Уилкинсу?

Мак кивнул.

— Прочитай раздел об искусственном мозге.

Я пробежался по тексту до нужной секции.

— И? — спросил я, так ничего и не поняв.

— Ты знаешь, что такое «базовая синаптическая сеть»?

— Нет. И ты, умник, тоже не знал, пока тебе не сказали.

Мак слегка улыбнулся, признавая мою правоту.

— В общем, ошмётков мозга там осталось немало. А тот здоровяк — Фернандес, помнишь? — уж очень увлёкся всей этой криминалистикой и решил прогнать их через какой-то местный анализатор. И знаешь, что он нашёл?

— Что?

— Материал внутри искусственного черепа оказался девственно чист. На него ничего не записывали.

— Хочешь сказать, в него не загрузили отсканированный разум?

Мак сложил руки на груди и откинулся в кресле.

— В точку.

Я нахмурился.

— Но это невозможно. Если разума не было, кто написал записку?

Мак приподнял лохматые брови.

— Вот уж действительно, кто? — сказал он. — И что случилось с отсканированным сознанием Джошуа Уилкинса?

— В «Новом Ты» уже знают?

Мак покачал головой:

— Нет, и Фернандес согласился придержать язык за зубами, пока идёт расследование. Но я решил ввести тебя в курс дела, раз уж ты ищешь Уилкинса, — в конце концов, нужно же тебе иногда зарабатывать, а то как ты будешь давать мне взятки?

Я кивнул.

— Вот за это ты мне и нравишься, Мак. Всегда действуешь в моих интересах.

* * *

Возможно, стоило сразу пойти к Кассандре Уилкинс и убедиться, что она всё ещё согласна платить, но сначала мне хотелось разрешить пару вопросов. И я знал, к кому обратиться. Хуан Сантос был лучшим в городе компьютерным специалистом. Я познакомился с ним во время одного из предыдущих дел, а недавно между нами завязалась дружба — мы одинаково любили земную выпивку, и он был не прочь поискать её со

мной в самых захудалых салунах Нью-Клондайка. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться в «Гнутом зубиле», малюсеньком убогом баре на Четвёртой авеню, в шестом концентрическом кольце зданий. Барменом там работал угрюмый мужик по фамилии Баттрик. Биологический, не трансфер — плоти у него было достаточно, а по венам тёк чистый лёд. Сегодня он был одет в серую майку; на лице красовалась чёрная с проседью щетина.

— Ломакс, — поприветствовал он, когда я вошёл. — В этот раз обойдёшься без сломанной мебели?

Я вскинул руку.

— Жизнью клянусь.

Баттрик продемонстрировал средний палец.

— Эй, разве так можно обращаться с любимым клиентом?

— Мои любимые клиенты, — сказал Баттрик, протирая стакан грязной тряпкой, — платят за свою выпивку.

— Ну… да. — Я позаимствовал остроумный ответ из репертуара сержанта Хаксли: — Что поделать.

Я направился к столику в углу. Официантки здесь было две, и обе ходили топлес. Моя люби-

мая, симпатичная брюнетка по имени Диана, вскоре подошла взять заказ.

— Привет, куколка, — сказал я.

Она наклонилась и чмокнула меня в щёку.

— Привет, милый.

Слабая гравитация Марса благотворно сказывалась на фигуре, но всё равно было заметно, что Диане за сорок. С каштановыми волосами до плеч и карими глазами, она была довольно приятной на вид, хотя, как и большинство жителей Марса, потеряла значительную часть мышечной массы, с которой сюда прилетела. Мы частенько спали друг с другом, но отношениями это назвать было нельзя.

В бар вошёл Хуан Сантос в чёрной футболке и джинсах. Почти такой же высокий, как я, он сильно уступал мне в ширине плеч и в целом напоминал типичного худосочного ботана. И, как и многие подобные ботаны, частенько имел виды на тех, кого стоило бы оставить в покое.

— Диана, привет! — сказал он. — Я тут, кхм, принёс тебе кое-что.

Хуан протянул ей нечто, наспех завёрнутое в пластиковую упаковку.

— Спасибо! — воодушевлённо сказала она ещё до того, как открыла подарок; я мало знал о

прошлом Дианы, но её явно научили хорошим манерам. Она развернула обёртку и извлекла одну-единственную белую розу.

Диана аж взвизгнула. Цветы — редкость на Марсе; те немногие поля, которые у нас были, в основном отводились под выращивание либо съедобных растений, либо генно-модифицированных, которые помогали очищать атмосферу. Она наградила Хуана поцелуем прямо в губы, что изрядно его порадовало.

Я заказал скотч со льдом, который здесь делали из углекислого газа. Хуан попросил просто виски. Его взгляд задержался на покачивающихся бёдрах Дианы, отправившейся за выпивкой.

— Так-так-так, — сказал я, когда он наконец-то сел напротив. — Не знал, что ты на неё запал.

Он смущённо улыбнулся.

— А кто бы не запал? — Я промолчал, что Хуан принял как знак заинтересованности. — Она пока не согласилась на свидание, но пообещала почитать мне стихи.

— Повезло тебе, — ответил я ровно. Говорить, что в выходные мы с ней встречаемся, было как-то паршиво, так что я промолчал. Зато добавил: — Знаешь, как чихает поэт?

— Нет. Как?

— Хайку!

— Ты только основную работу не бросай, Алекс.

— Эй, — сказал я, приложив руку к сердцу, — ты меня ранил. В глубине души я стендап-комик.

— Ну, — сказал Хуан, — я всегда говорил, что люди должны быть верны своей сокровенной сути, но…

— Н-да? И какова же твоя сокровенная суть?

— Моя-то? — Хуан вскинул брови. — Я истинный гений до мозга костей.

Я фыркнул. Объявилась Диана с выпивкой; мы поблагодарили её, и Хуан снова с тоской посмотрел ей вслед.

Когда она скрылась, он обернулся ко мне и спросил:

— Ну, что случилось?

У него был широкий лоб, длинный нос и покатый подбородок; из-за этого казалось, что он вечно наклоняется вперёд, даже когда он сидел ровно.

Я отпил скотч.

— Что ты знаешь о переносе сознания?

— Поразительная штука, — ответил Хуан. — Решил загрузиться?

— В будущем, может.

— Знаешь, говорят, трансфер окупается за три марсогода. Налог на жизнеобеспечение-то платить не придётся.

По этому налогу я задолжал и не хотел даже думать, что произойдёт, если я продолжу от него бегать.

— Это плюс, — сказал я. — А ты? Собираешься загружаться?

— А то, ещё как. Сразу по полной программе: обострённые чувства, суперсила и всё остальное. И вообще, хочу жить вечно. Да кто не хочет? Отцу, правда, это не понравится.

— Отцу? Его-то что не устроит?

— Он служит, — фыркнул Хуан.

— В правительстве?

— Нет, нет. Служит. В церкви.

— Не знал, что такие остались. Даже на Земле.

— Он как раз там, в Сантьяго. Но да, ты прав. Бедный старик всё ещё верит в души.

Я вскинул брови:

— Серьёзно?

— Ага. И поскольку он верит в души, ему трудно смириться с идеей переноса сознания. Говорит, новое тело — другой человек.

Я вспомнил о том, что было написано в предсмертной записке.

— А что, нет?

Хуан закатил глаза:

— И ты туда же? Нет конечно! Ладно, когда трансферы только появились, все вокруг об этом вопили, но это было кучу лет назад. Сейчас все привыкли, спасибо «Новому Ты» — они хорошо постарались прояснить эту тему, иначе возникли бы всякие этические споры, ограничения и прочая волокита. А они всего избежали, и всё потому, что предоставляли только одну услугу: перенос — не копирование, не дублирование, простой перенос — человеческого сознания в более надёжное место. И всё, никаких тебе проблем с юридическим наследованием личности и собственности, никакого повторного права голоса и всё такое.

— И это правда? — спросил я. — Они просто переносят сознание, ничего больше?

— Ну, так они говорят. «Перенос» — хорошее, безопасное слово. Но разум — просто программа, а со времён зарождения компьютеров программы переносились с одной платформы на другую путём копирования с последующим немедленным стиранием оригинала.

— Но новый мозг ведь искусственный, так? Тогда почему у нас есть гениальные трансферы,

но нет гениальных роботов и компьютеров?

Хуан хлебнул виски.

— Ничего удивительного. Мы так и не смогли воссоздать человеческий разум — раньше все только и болтали о так называемой сингулярности, когда искусственный интеллект превзойдёт человека, но этого так и не произошло. Но если в мельчайших деталях просканировать и оцифровать структуру мозга — конечно, где-то там будет скрываться разум. Вопрос только где.

Я хмыкнул, попивая скотч.

— Ну и что бы ты поменял, если бы загрузился?

Хуан раскинул ручки-палочки в стороны.

— Нельзя улучшить совершенство!

Я усмехнулся.

— А вообще, насколько можно меняться? Ну, например, в тебе полтора метра роста, а ты хочешь играть в баскетбол. Можно стать двухметровым?

— Ну да, конечно.

Я нахмурился.

— А у скопированного разума не будет проблем с новым ростом?

— Не, — ответил Хуан. — Когда Говард Слэпкофф только придумал технологию переноса сознания, старые программы управляли новым

телом напрямую. Месяцами учились ходить, всё такое.

— Ага, я что-то такое читал.

Хуан кивнул:

— Ну вот. Но сейчас скопированный разум просто сидит и командует, а мысли перехватываются главным компьютером нового тела. Скажем, вот захочет перенесённый разум поднять стакан. — Продемонстрировав пример на практике, он отпил виски и поморщился. — Компьютер сам решает, какие шкивы задействовать, как далеко тянуться и тому подобное.

— То есть можно заказать вообще любое тело, не оглядываясь на оригинал?

— А то. — Он взглянул на меня, щурясь: — В твоём случае только это и остаётся.

— Чёрт.

— Да ладно, не обижайся, — сказал он, глотнул ещё виски и снова довольно поморщился.

— Просто я надеялся на другой ответ. А то у меня тут одно дело: ищу владельца местного филиала «Нового Ты».

— Серьёзно? — спросил Хуан.

— Ага, и я думаю, что он намеренно перенёс свой разум в другое тело, не то, которое заказал для себя.

— И зачем ему это?

— Чтобы потом инсценировать якобы свою смерть. Подозреваю, он с самого начала это задумал, потому что оставил себе прежнюю внешность. Видимо, хотел скрыться, притворившись мёртвым, чтобы его не искали.

— А это-то ему зачем?

Я нахмурился и выпил ещё.

— Пока не уверен.

— Как вариант, хотел сбежать от супруги.

— Возможно, но она горячая штучка.

— Хм, — сказал Хуан. — Не знаешь, в каком он сейчас теле?

— Пока нет. Я надеялся, что оно должно быть в чём-то похоже на старое; это сократило бы число возможных подозреваемых. Но, видимо, нет.

— Не, точно нет.

Я опустил взгляд на стакан. Сухой лёд исходил белым паром, который клубился у кромки.

— Тебя не только это беспокоит, — заметил Хуан. Я поднял голову и увидел, как он делает глоток виски. Струйка янтарной жидкости сбежала с уголка губ и блестящей каплей повисла на покатом подбородке. — Что такое?

Меня передёрнуло.

— Был вчера в «Новом Ты». Ты знаешь, что

происходит с настоящим телом, когда разум перемещают в искусственное?

— Конечно, — сказал Хуан. — Говорю же: программу нельзя просто перенести. Её копируют, а оригинал удаляют. После трансфера настоящее тело подвергается эвтаназии.

Я кивнул.

— А если мужик, которого я ищу, перенёс сознание в тело, предназначенное для другого, и тот разум не был скопирован, тогда… — Я глотнул скотч. — Тогда, получается, это убийство? Есть души, нет их — какая разница? Сотрёшь единственную и неповторимую копию чьего-то разума — и всё, человек мёртв, так?

— О да, — ответил Хуан. — Мертвее Марса.

Я опустил взгляд на клубящийся в стакане туман.

— Значит, я ищу не мужа, сбежавшего от жены. Я ищу хладнокровного убийцу.

Глава 5

Я снова зашёл в «Новый Ты». Кассандры не было, но это неудивительно; сейчас она горевала по мёртвому мужу. Зато дежурил Горацио Фернандес, обладатель массивных рук.

— Мне нужен список всех, кто загрузился в один день с Джошуа Уилкинсом, — сказал я.

Фернандес нахмурился.

— Это конфиденциальная информация.

Поблизости бродили потенциальные клиенты. Я повысил голос, чтобы они меня слышали:

— Какая интересная предсмертная записка, согласитесь?

Фернандес схватил меня за руку и быстро отвёл в сторону.

— Какого чёрта? — сердито прошептал он.

— Просто решил поделиться новостями, — сказал я по-прежнему громко, но вроде бы не настолько, чтобы клиенты меня услышали. — Будущие трансферы должны знать, что «это просто не то»; по крайней мере, так считал Джошуа Уилкинс.

Фернандес знал, что победителем ему не выйти.

Содержание записки напрямую противоречило корпоративной позиции «Нового Ты»: они утверждали, что перенос сознания — процесс безупречный и исключительно выгодный.

— Ну ладно, ладно, — прошипел он. — Дам я вам список.

— Вот это я понимаю, сервис. Настоящий работник месяца.

Он провёл меня в подсобку и заговорил с небольшим кубическим компьютером. Я случайно услышал пароль доступа к клиентской базе; всего шесть слов — никакой защиты.

— Хм, — сказал Фернандес. — Плотный был день — к нам иногда за неделю никто не приходит, а тут аж семеро загрузились в искусственные тела… а, понятно. Тогда была распродажа, мы устраиваем их пару раз в марсогод. Неудивительно. — Он протянул руку. — Давайте планшет.

Я передал ему маленький планшетный компьютер, и он скопировал на него досье семи трансферов.

— Спасибо, — сказал я, забирая планшет, и привычным жестом приподнял невидимую шляпу. Вымогательство вымогательством, но вежливость никогда не помешает.

* * *

Если я был прав в предположении, что Джошуа Уилкинс присвоил тело человека, который должен был загрузиться с ним в один день, то найти пострадавшего не составит труда; только и нужно, что опросить всех семерых.

Первой остановкой, исключительно по принципу близости, оказался дом охотника за ископаемыми по имени Стюарт Берлинг. Должно быть, в последнее время он преуспел, раз смог позволить себе трансфер.

По дороге к нему я прошёл мимо парочки попрошаек. Один нёс плакат: «Работаю за воздух». Полиция не выгоняла из города людей с задолженностью по уплате налогов — «Слэпкофф Индастриз» нужно было поддерживать репутацию на Земле, — но ипотечников и арендаторов выселяли на улицу.

Дом Берлинга находился недалеко от Седьмой авеню, в Пятом кольце. Разваливающийся таунхаус, один из нескольких на той улице — в народе такие прозвали краснокаменными. Позвонив, я нетерпеливо принялся ждать. Вскоре дверь открылась; если бы не мое знаменитое самообладание, я бы уставился во все глаза. Мужчина,

вышедший на порог, был точной копией Крикора Аджемяна, звезды голографического телевидения, — то же худое лицо, те же пронзительные карие глаза, та же грива чёрных волос, те же аккуратные борода и усы. Видимо, не все хотели сохранять свою первоначальную внешность.

— Здравствуйте, меня зовут Александр Ломакс. Вы Стюарт Берлинг?

Искусственное лицо пусть и было способно на улыбку, обошлось без неё.

— Да. Чего вам?

— Насколько я понимаю, на днях вы перенесли сознание в новое тело.

Кивок.

— Дальше что?

— Я сотрудник главного земного офиса «Нового Ты». Пришёл проверить качество работы нашего марсианского филиала.

Как правило, приём работал отлично. Если Берлинг не выдавал себя за другого, вопрос не должен был его напугать. К сожалению, по лицам трансферов сложно было понять, когда они врут. Я как-то даже спрашивал об этом Хуана Сантоса.

— Дело не в том, что трансферам недостаёт гибкости, — объяснил тот. — Наоборот, их можно сделать сколько угодно гибкими — буквально

довести до крайности любое выражение. Но людям это не нужно, особенно тут, на фронтире. Понимаешь, мимика бывает двух видов: непроизвольная, которая возникает спонтанно, и сознательная. С точки зрения программного обеспечения они сильно отличаются; мысленные команды, нужные для фальшивой и искренней улыбки, совершенно разные. Большинство местных трансферов предпочитают скрывать рефлекторные реакции — они дорожат конфиденциальностью мыслей и не хотят их афишировать; для них в этом преимущество переноса. Внутри трансфер может лыбиться во все тридцать два, а снаружи — просто слегка улыбаться.

И Берлинг действительно смотрел на меня с бесстрастным лицом. Только в голосе слышалось раздражение.

— Дальше что? — повторил он.

— Скажите, вы остались довольны оказанными услугами?

— Дороговато вышло.

Я улыбнулся.

— На самом деле в последнее время цены сильно понизились. Разрешите войти?

Он задумался, а потом пожал плечами и отошёл в сторону.

— Почему нет.

В гостиной повсюду стояли столы, на которых грудами лежали красноватые камни. К одному столу на шарнирном кронштейне была прикреплена огромная линза, а вокруг валялись всевозможные инструменты минералога.

— Нашли что-нибудь интересное? — спросил я, кивая на камни.

— Даже если нашёл, вас это не касается, — ответил Берлинг, косясь на меня с типичной для старателей паранойей.

— Ну да, — ответил я. — Конечно. Итак, довольны ли вы работой «Нового Ты»?

— Да доволен, доволен. Всё так, как мне обещали. Руки-ноги действуют.

— Спасибо за помощь, — сказал я, доставая планшет для заметок, а потом хмурясь на чёрный экран. — Чёрт. У проклятой железки отошла эксимерная батарея. Придётся вскрывать и ставить на место. — Я показал ему корпус: — У вас не найдётся маленькой отвёртки?

Отвёртки были у всех; в хозяйстве они требовались редко и хранились обычно в самых разных местах. Кто-то держал их на кухне, кто-то в ящиках для инструментов, кто-то — под раковиной. Только человек, проживший в доме какое-то

время, мог знать, где хранятся отвёртки.

Берлинг осмотрел винт и кивнул:

— Ага. Сейчас принесу.

Он уверенно пересёк гостиную и подошёл к серванту со стеклянными дверцами сверху и массивными металлическими снизу. Нагнувшись, он открыл нижний шкафчик, порылся немного и достал подходящую отвёртку.

— Спасибо, — сказал я, открывая корпус так, чтобы он не смог заглянуть внутрь. Затем я незаметно вытащил кусочек пластика, которым разомкнул контакты эксимерной батареи, и, не поднимая глаз, поинтересовался: — У вас есть жена, мистер Берлинг? — Конечно, я уже знал ответ; об этом было написано в досье «Нового Ты».

Он кивнул.

— Она сейчас дома?

Он слегка прищурил искусственные глаза:

— А что?

Я ответил чистую правду, поскольку она вполне соответствовала легенде:

— Хочу узнать, не ощутила ли она разницу между прежним и новым вами.

Я снова внимательно вгляделся в его лицо, но оно осталось бесстрастным.

— Ну ладно, почему нет. — Он обернулся и

крикнул через плечо: — Лейси!

Через несколько минут в гостиную вошла симпатичная женщина лет шестидесяти.

— Это мистер Ломакс из головного офиса «Нового Ты», — представил Берлинг, указывая на меня пальцем. — Хотел с тобой поговорить.

— О чём? — спросила Лейси. Голос у неё был низким, но приятным.

— Мы можем пообщаться наедине? — уточнил я.

Берлинг перевёл взгляд с меня на Лейси и обратно.

— Хм-пф, — сказал он, но через мгновение добавил: — Да как хотите. — И, развернувшись, вышел.

Я обратился к Лейси:

— Это стандартная проверка. Просто хочу убедиться, что люди довольны нашей работой. После трансфера вы не замечали в муже каких-нибудь изменений?

— Да нет.

— Точно? Если были какие-то мелочи… — Я ободряюще улыбнулся. — Процесс постоянно совершенствуется. Скажите, не говорил ли он чего-нибудь необычного?

Лейси сморщила и так морщинистое лицо.

— В смысле?

— Например, не использовал ли он какие-нибудь нехарактерные выражения или речевые обороты?

Она помотала головой:

— Нет.

— Иногда при трансфере страдает память. Он не забывал ничего, что должен был знать?

— Вроде бы нет.

— А если наоборот? Не вспоминал ли он что-нибудь неожиданное?

Лейси вскинула брови.

— Нет. Каким Стю был, таким и остался.

— Совсем никаких изменений? — нахмурился я.

— Нет, никаких… ну, почти.

Я думал, что она продолжит сама, но она промолчала, поэтому я уточнил:

— Каких? Мы бы очень хотели знать о любых недостатках процесса.

— Ах, это сложно назвать недостатком, — ответила Лейси, не поднимая на меня глаз.

— Да? Тогда в чём дело?

— Да просто…

— Что?

— Да просто он теперь зверь в постели. Посто-

янно готов.

Я нахмурился, разочарованный тем, что не нашёл свою цель с первой попытки. Но фарс решил закончить на позитивной ноте:

— Рады помочь, мэм. Рады помочь.

Глава 6

Несколько часов я потратил на то, чтобы найти и опросить ещё троих трансферов; все они оказались теми, кем и являлись.

Следующим в списке значился доктор Рори Пиковер. Он проживал в многоквартирном квадратном доме, расположенном на внутренней стороне Первого кольца, под самой высокой точкой купола; кое-где на первом-втором этажах мелькали заколоченные окна, но он жил на четвёртом, где были целы почти все стёкла. На одном балконе кто-то хранил комплект спущенных пружинистых колёс марсианского внедорожника-багги. С другого сумасшедший старик осыпал непристойностями людей, пробиравшихся по извилистому тротуару. В основном на него не обращали внимания, но двое детей — чумазый мальчишка и ещё более чумазая девочка лет двенадцати, высокие и вертлявые, как и большинство местных детей, — обзывали его в ответ.

Пиковер жил один, без жены и детей, которых можно было бы расспросить об изменениях в его поведении. Это сразу же вызвало подозрения:

человек без близких был идеальной мишенью для кражи личности.

Я позвонил в квартиру из вестибюля. Потревоженный шумом пьяница, дремавший у домофона, перекатился на другой бок, но не стал вмешиваться.

— Да? — раздался мужской голос немного выше моего собственного.

— Мистер Пиковер, это Алекс Ломакс из земного офиса «Новый Ты». Можно задать вам пару вопросов?

— Ломакс, говорите? — спросил он с британским акцентом. — Александр Ломакс?

— Именно. Уделите мне пару минут?

— Ну, можно, только…

— Только?

— Не здесь, — сказал он. — Давайте выйдем.

Я рассердился, потому что теперь не мог провернуть на нём трюк с отвёрткой. Но всё же сказал:

— Ладно. На той стороне кольца есть кафе.

— Нет, нет. Совсем выйдем. Из города.

Легко ему говорить; он-то теперь трансфер, а мне ещё нужно будет арендовать скафандр.

— Вы серьёзно? У меня всего пара вопросов.

— Да, да, но я хочу с вами поговорить, и… — Он перешёл на шёпот: — Это деликатный вопрос,

требующий конфиденциальности.

Пьяница у моих ног перевернулся на другой бок и всхрапнул.

— Ну ладно, — сказал я.

— Славно, — ответил Пиковер. — Только у меня дела. Через час вас устроит? Сразу за восточным шлюзом?

— Давайте за западным. Так я успею заскочить в офис. — Заглядывать туда было не обязательно, пушку я всегда держал при себе, но если он планировал засаду, он бы обязательно возразил.

— Хорошо, хорошо — всё равно отсюда до шлюзов идти одинаково! Но сейчас мне нужно разобраться с делами…

* * *

Разумеется, я отнёсся к Рори Пиковеру с подозрением, и потому перед выходом предупредил Мака. К тому времени, как я добрался до шлюза, солнце уже садилось. Скафандры для выхода на поверхность были представлены в трёх размерах; я выбрал самый большой и закрепил на спине баллоны с кислородом. Передвигаться в скафандре нелегко, хотя даже в нём мой вес составлял лишь половину земного.

Рори Пиковер был палеонтологом — настоя-

щим учёным, а не охотником за сокровищами. Согласно записям «Нового Ты», до переноса его внешность была почти стереотипно академической: круглое мягкое лицо с редкими седеющими волосами. Новое же тело сделали подтянутым и мускулистым, но лицо под копной тёмно-каштановых волос всё же осталось узнаваемым. В петле на поясе у него был закреплён геологический молоток с широким плоским лезвием; я подозревал, что он с лёгкостью пробьёт полностью стеклянный шлем моего скафандра. Незаметно я даже переложил смит-вессон из кобуры, которую носил под курткой, во внешний карман — просто на всякий случай.

Мы расписались в журнале безопасности, после чего техник пропустил нас через шлюз.

Небо темнело. Неподалёку виднелись два крупных кратера и скопление мелких. Следов на ржавом песке было мало — недавняя буря стёрла те тысячи, которые отпечатались здесь раньше. Мы прошли около пятисот метров. Я коротко оглянулся на полупрозрачный купол и ветхие строения внутри его.

— Вы уж простите, что вытащил вас сюда, старина, — сказал Пиковер. — Не хотел лишних свидетелей. — Внутри механической глотки у

него был установлен радиомикрофон короткого действия для общения вне купола, а у меня в шлеме работал трансивер.

— А, — сказал я в ответ.

— Я знаю, что вы не с Земли, — продолжил Пиковер, не сбавляя шага. — И знаю, что «Новый Ты» вас не присылал.

Мы отбрасывали длинные тени. Солнце, отсюда практически крошечное, клонилось к горизонту. По небу уже ползли пурпурные краски, и была видна сама Земля — яркая бело-синяя звезда. Разглядеть её здесь было гораздо легче, чем через купол, и как всегда, мне на мгновение вспомнилась Ванда. Я опустил взгляд.

— И кто я, по-вашему?

Его ответ удивил меня, но я не подал виду.

— Вы частный сыщик.

Отрицать было бессмысленно.

— Ага. Как вы узнали?

— Посматривал на вас последние пару дней, — ответил Пиковер. — Подумывал, хм, воспользоваться услугами.

Мы шли и шли, на каждом шаге поднимая облачка пыли.

— С какой целью?

— Сначала вы, если не возражаете. Скажите

честно, зачем я вам понадобился?

Он уже знал обо мне, и я тоже догадывался, кто он. Мой телефон, прикреплённый к левому рукаву скафандра, заранее был подключён к гарнитуре шлема.

— Вызови Дугала Маккрея.

— Что вы делаете? — спросил Пиковер.

— Здорово, Алекс, — сказал Мак с экранчика на запястье; его голос раздался в гарнитуре.

— Мак, слушай, я где-то в полукилометре от западного шлюза. Требуется подкрепление.

— Ломакс, что происходит? — спросил Пиковер.

— Каур как раз за куполом, — сказал Мак, глядя куда-то в сторону. — Доберётся за пару минут. — Он на секунду переключил голосовые каналы; видимо, разговаривал с сержантом Каур. — Она сейчас севернее; отследит тебя по инфракрасному сканеру.

Пиковер оглянулся через плечо и, видимо, разглядел в темноте приближающуюся полицейскую собственным инфракрасным зрением. Но затем он снова повернулся ко мне и раскинул руки.

— Ломакс, да ради бога, в чём дело?

Я тряхнул телефоном, разрывая соединение

с Маком, и вытащил револьвер. Против искусственного тела толку от него, конечно, немного, но до недавнего времени Джошуа Уилкинс был простым человеком; я надеялся, что его всё ещё пугает оружие.

— Чудесная у вас жёнушка.

На искусственном лице Пиковера проступило озадаченное выражение.

— Жёнушка?

— Именно.

— У меня нет жены.

— Ещё как есть. Вы — Джошуа Уилкинс, а жену вашу зовут Кассандра.

— Что? Нет, я Рори Пиковер. Вы же знаете. Вы сами меня так назвали.

— Прекращайте, Уилкинс. Всё кончено. Вы перенесли сознание в тело, предназначенное настоящему Рори Пиковеру, а сами сбежали.

— Я… Господи. Господи боже.

— Так что, как видите, я всё знаю. О, а вот и сержант Каур. Очень жаль, Уилкинс. За убийство Пиковера вас повесят — или что там делают с трансферами.

— Нет, — тихо выдохнул он.

— Да, — ответил я. Стройный силуэт Каур маячил всего в сотне метров. — Пойдёмте.

— Куда?

— Под купол, в участок. Попрошу Кассандру встретить нас там, чтобы подтвердить вашу личность.

Солнце уже скрылось за горизонтом. Пиковер раскинул руки в мольбе на фоне наступающей ночи.

— Ладно, ладно, как скажете. Зовите свою Кассандру, пожалуйста. Я поговорю с ней. И двух секунд не пройдёт, как она поймёт, что я не её муж. Просто… Господи боже, чёрт.

— Что?

— Мне тоже нужно его найти.

— Кого? Джошуа Уилкинса?

Он кивнул, потом, видимо, решил, что в нарастающей темноте я этого не увижу, и добавил:

— Да.

— Зачем?

Он запрокинул голову, размышляя. Я проследил его взгляд. Он смотрел на Фобос — тёмное пятно над головой. Наконец, он снова заговорил:

— Потому что это из-за меня он сбежал.

— Что?

— Поэтому я и думал вас нанять. Не знал, к кому ещё обратиться.

— И зачем я вам понадобился?

Пиковер посмотрел на меня.

— Я действительно был в «Новом Ты», мистер Ломакс. Я знал, что на поверхности меня ждёт огромный объём работы, и хотел получить возможность проводить недели — месяцы! — в полевых условиях, не беспокоясь о еде и припасах.

Я нахмурился:

— Но вы провели на планете шесть марсолет; я видел это в досье. Что изменилось?

— Всё, мистер Ломакс. — Он посмотрел вдаль. — Всё! — Но он не спешил объясниться. Вместо этого сказал: — Я, конечно, знаю этого Уилкинса. Я был у него в мастерской и попросил перенести моё сознание из старого биологического тела в это. Но он сохранил копию моего разума, я в этом уверен.

— Ну и ну… — Я покачал головой. — Никогда о таком не слышал.

— Я тоже, — сказал Пиковер. — Из рекламы я думал, что сознание как бы, кхм, перепрыгивает в новое тело. Поэтому не знал, что дубликаты возможны, иначе ни за что бы не согласился на перенос.

В тридцати метрах от нас Каур вскинула большую винтовку, целясь в спину Пиковеру. Я

поднял руку, показывая попридержать коней.

— Докажите, — потребовал я. — Докажите, что не врёте. Скажите что-нибудь такое, чего не мог знать Джошуа Уилкинс, но знал бы палеонтолог.

— Ох, ради всего…

— Говорите!

— Ладно, ладно. Самые свежие окаменелости Марса сформировались в процессе выветривания поверхностных пород во времена так называемой нойской эпохи — периода морфологической диверсификации, аналогичного земному кембрийскому взрыву. В настоящее время идентифицировано двадцать семь различных родов — их было двадцать девять, но потом я успешно доказал, что вайнбаумия и галлуния являются младшими синонимами бредбурии. В пределах бредбурии выделяют шесть отдельных видов, из которых самым распространённым является бредбурия бревицепс, известный раздвоением пигидия и…

— Ладно! — сказал я. — Хватит. — Я жестом показал Каур, на какую частоту переключиться, и дождался, пока она введёт её через встроенную в скафандр клавиатуру. — Прости, сержант, — обратился я к ней. — Ошибочка вышла.

Женщина кивнула.

— Будешь должен, Ломакс. — Она опустила винтовку и прошла мимо нас к шлюзу.

Я не хотел, чтобы Каур подслушивала, поэтому снова сменил частоту и жестом сообщил об этом Пиковеру. На первый взгляд он никак не отреагировал, но вскоре раздался его голос:

— В общем, я думаю, что Уилкинс скопировал мой разум.

Определённо незаконно, с некоторой вероятностью неэтично, а может быть, и вовсе технически не возможно; надо будет потом уточнить у Хуана.

— И почему вы так решили?

— Это единственное объяснение, как мой компьютер могли взломать. Никто, кроме меня, не знает кодовой фразы. Но кто-то рылся у меня в файлах; я пользуюсь квантовым шифрованием, так что могу определить, даже когда на файл попросту посмотрели. — Он покачал головой. — Не представляю, как он это сделал — видимо, есть какая-то специальная техника, — но каким-то образом Уилкинс извлёк информацию из копии моего сознания. Только так он мог выяснить мой пароль, других вариантов нет.

— Думаете, Уилкинс проделал всё это ради доступа к вашим счетам? Там что, столько денег,

что есть смысл возиться? В темноте, конечно, плохо видно, но если я правильно помню, выглядели вы… небогато.

— Вы правы. Я всего лишь бедный учёный. Но я знаю один секрет, и он может принести некоторым негодяям богатства, о которых они не могли и мечтать.

— Это какой же? — поинтересовался я.

Он замер; решал, видимо, стоит ли мне доверять. Я не торопил, и наконец доктор Рори Пиковер, беззвёздный силуэт на фоне звёздного неба, полушёпотом выдохнул:

— Я знаю, где она.

— Что?

— Альфа-залежь.

— Господи. Да вы будете купаться в деньгах.

Кажется, он покачал головой — было слишком темно, чтобы сказать точно.

— Нет, сэр, — ответил он тоном образцового британского интеллигента. — Не буду. Я не хочу продавать эти окаменелости. Я хочу их сохранить; хочу защитить их от этих грабителей, этих… этих воров. Я хочу, чтобы их собирали правильно, по-научному. Хочу, чтобы их выставляли в лучших музеях, где их можно было бы изучать. Сколько нового мы могли бы узнать, сколько

открытий сделать!

— И что, Джошуа Уилкинс теперь знает, где находится Альфа?

— Нет. По крайней мере, он не мог вытащить это из компьютера. Местоположение Альфы я держу только в одном месте — здесь.

Он, видимо, постучал по голове.

— Но раз Уилкинс смог извлечь ваш пароль, почему бы напрямую не вытащить координаты Альфы?

— С парольной фразой всё просто, это всего лишь слова, а вот местоположение Альфы… у неё нет адреса как такового, и даже я не знаю долготу и широту наизусть. Я просто знаю её местоположение относительно некоторых геологических особенностей рельефа, в которых неспециалист не разберётся; подозреваю, извлечь такие знания было бы трудно. Поэтому он и выбрал способ полегче — порыться в моём компьютере.

Я покачал головой:

— Бред какой-то. Откуда Уилкинс вообще узнал, что вы обнаружили Альфу?

Пиковер вдруг странно притих.

— Я обратился в «Новый Ты» — заранее, естественно, им ведь нужно знать, что клиент хочет от нового тела; требуется время, чтобы изгото-

вить его под заказ.

— Ну и?

— Мне нужно было тело, идеально подходящее для палеонтологических работ на поверхности Марса; для этого требовалось установить особые модификации — такие, которые могут позволить себе только самые успешные старатели. Армированные колени; усиленные руки для поднятия тяжёлых камней; повышенная спектральная чувствительность глаз, чтобы лучше замечать ископаемые; ночное зрение, чтобы работать в темноте. Но…

Я кивнул:

— Но денег у вас не было.

— Именно. Я и так едва мог позволить себе трансфер, даже в самое дешёвое готовое тело, поэтому…

Он замолчал; должно быть, слишком на себя злился.

— Поэтому вы намекнули, что скоро разбогатеете, — сказал я. — Сейчас он бы помог вам, а вы расплатились бы позже.

— В том и беда учёных: мы привыкли делиться знаниями, — грустно заметил Пиковер.

— Вы сказали ему, что именно вы нашли?

— Нет. Нет, но он, видимо, догадался. Я пале-

онтолог, многие годы изучаю Вайнгартена и О'Райли — всё это общедоступная информация. Наверное, он понял, что я нашёл их главное месторождение. В конце концов, где ещё парню вроде меня взять деньги? — Он вздохнул. — Думаете, я идиот, да?

— Ну, звонка из Менсы[1] ждать точно не стоит.

— Прошу, не сыпьте соль на рану, мистер Ломакс. Мне и так плохо.

Я кивнул.

— Но если он подозревал, что вы нашли Альфу, он мог просто вживить в новое тело маячок. Это противозаконно, конечно, зато очень просто.

Пиковер немного оживился, видимо, довольный, что ему и самому пришла эта мысль.

— Нет, нет, ничего такого. Маячки отслеживают местоположение с помощью передачи сигналов; их довольно легко обнаружить, и я специально сказал ему об этом ещё до трансфера. Как бы то ни было, после загрузки я всё перепроверил. Я полностью чист.

— И вы думаете, что он нашёл другой способ, — сказал я.

---

[1] Примечания: 1

Менса — международная некоммерческая организация, открытая для людей с высоким коэффициентом интеллекта. — *Прим. пер.*

— Именно! И если он обнаружит Альфу, всё будет потеряно! Образцы разойдутся по частным коллекциям, как и другие трофеи миллиардеров, навсегда потерянные для науки. — Он посмотрел на меня умоляющими глазами из оргстекла. Его голос дрогнул; я даже не думал, что для трансферов это возможно. — Столько чудесных ископаемых, и все они под угрозой! Вы ведь поможете мне, мистер Ломакс? Прошу, скажите, что вы поможете!

Два клиента, конечно, всегда лучше, чем один — по крайней мере, в делах, касающихся оплаты.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте поговорим о моём гонораре.

Глава 7

Как только мы с Рори Пиковером вернулись под купол, я позвонил Хуану и попросил его встретить нас в квартирке Пиковера в центре. Мы добрались туда первыми и поднялись наверх; пьяница, валявшийся в подъезде, успел уйти.

Квартира Пиковера состояла из трёх небольших комнат без окон. Пока мы ждали Хуана, добрый доктор, доверчивая душа, показал мне три окаменелости, которые нашёл на Альфе, и даже на мой непрофессиональный взгляд они смотрелись потрясающе. Образцы — экзоскелеты беспозвоночных — были извлечены из рыхлой породы и тщательно очищены.

Первый был размером с кулак; от него отходили десятки усиков, которые оканчивались трёх-, четырёх-, а самые крупные — пятипалыми клешнями.

Второй был длиной с предплечье. Он напоминал гантель с бесчисленным множеством маленьких полушарий, покрывающих две сферы по бокам. Я так и не понял, где голова, а где хвост, но Пиковер уверенно заверил, что голова была

слева, а хвост — справа.

Последний образец, как он сказал, был его главной гордостью и радостью, ныне единственный в своём роде: окаменевшая лента, которая в вытянутом виде составила бы сантиметров восемьдесят, не меньше. Но она не была вытянутой — наоборот, соединялась в ленту Мёбиуса. По краям тянулись бесчисленные реснички — поразительно, насколько мелкие детали сохранил камень, — а по длине самой ленты через ровные промежутки бежали ромбовидные отверстия с зубчатыми краями.

Я смотрел на Пиковера, который, выражаясь его же словами, был счастлив показать мне свои образцы, и вполуха слушал его рассказы об их невероятной научной ценности. Но думал всё равно о том, каких денег они должны были стоить, — и о том, что таких же качественных образцов на Альфе хранился бесконечный запас.

Когда Хуан позвонил из подъезда, Рори накрыл образцы матерчатой простынёй. Лифт не работал, но при местной силе тяжести подняться не составляло труда; Хуан даже не запыхался, когда показался в квартире.

— Хуан Сантос, — представил я, — Рори Пиковер. Хуан — лучший компьютерный спец в

Нью-Клондайке. А доктор Пиковер — палеонтолог.

Хуан склонил голову с широким лбом в коротком кивке:

— Приятно познакомиться.

— Спасибо, — сказал Пиковер. — Простите за бардак, мистер Сантос. Я живу один. Боюсь, холостяцкая жизнь способствует дурным привычкам. — Он уже убрал хлам с одного стула для меня, а теперь занялся компьютерным креслом, стоящим перед серебристо-голубым кубом размером с грейпфрут.

— Как жизнь, Алекс? — спросил Хуан, кивком указав на Пиковера: — Нового клиента нашёл?

— Ага. Несанкционированное лицо получило доступ к компьютеру мистера Пиковера. Мы бы хотели узнать, откуда была предпринята попытка доступа.

— С тебя стакан в «Гнутом зубиле», — сказал Хуан.

— Без проблем, — ответил я. — Запишу на свой счёт.

Хуан улыбнулся, вытянул руки перед собой и хрустнул пальцами, как медвежатник, готовящийся приступить к работе. Затем занял освобождённое от хлама кресло перед компью-

тером, немного наклонил монитор, придвинул клавиатуру и начал печатать.

— Чем защищаете файлы? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Устным паролем, — ответил Пиковер.

— Кто-то ещё его знает?

— Нет.

— И он нигде не записан?

— Ну… не мной.

Хуан повернулся к Пиковеру:

— В смысле?

— Это фраза из книги. Если забуду точную формулировку, всегда смогу подсмотреть.

Хуан с отвращением покачал головой.

— Пароли должны быть случайными. — Он что-то нажал.

— Не волнуйтесь, он очень хороший, — сказал Пиковер. — Никто не догадается…

— …что ваш пароль — «Те, кто удостаивался приглашения на…», — перебил Хуан.

У Пиковера отвисла искусственная челюсть.

— Господи. Как вы узнали?

Хуан указал на экран:

— Это первое, что было введено через единственное внешнее подключение за последний месяц.

— Я думал, пароли при вводе скрываются, — сказал Пиковер.

— А то! Конечно, — подтвердил Хуан. — Только в программе связи есть буфер; вон он, смотрите.

Хуан отодвинулся, давая Пиковеру возможность заглянуть в экран через его плечо.

— Как… странно, — сказал Пиковер.

— Что такое?

— Это мой пароль, да, только немного неверный.

Я тоже заглянул в экран.

— В каком смысле?

— Ну, — сказал Пиковер, — видите ли, мой пароль звучит так: «Те, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов». Это отрывок из «Собственника», первой книги «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси. Мне очень нравится аллитерация фразы — «удостаивался», «торжества», «Форсайтов». Легко запоминается.

Хуан покачал головой, как бы говоря: «Они никогда не научатся». Пиковер продолжил:

— Но, понимаете ли, кто бы это ни написал, он использовал полную фразу.

Я посмотрел на светящиеся слова. «Те, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов, заставал семью за ужином из семи

блюд в половине девятого вечера», — гласили они.

— Ваш пароль короче? — спросил я.

— Именно, — закивал Пиковер. — Он оканчивается словом «Форсайтов».

Хуан погладил покатый подбородок.

— Без разницы, — сказал он. — Главное, что он там присутствовал; остальное система отбросила — она в первую очередь предназначена для работы с голосовыми командами, а для них не нужно нажимать клавишу ввода.

— Да-да-да, — сказал Пиковер. — Только Голсуорси даже близко такого не писал. «Собственник» — моя любимая книга; я хорошо её помню. Начало звучит так: «Те, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов, заставал очаровательное и поучительное зрелище: представленную во всем блеске семью, принадлежащую к верхушке буржуазии». Ни о каких блюдах и времени речь не идёт.

Хуан указал на экран, будто версия с него просто обязана была оказаться правдивой.

— Уверены?

— Конечно! — ответил Пиковер. — Поищите и убедитесь сами.

Я нахмурился.

— Пароль знаете только вы, я правильно понимаю?

Пиковер рьяно закивал.

— Я живу один, друзей у меня немного; я человек тихий. Я никому о нём не рассказывал, не вводил и не произносил на людях.

— Но кто-то его узнал, — сказал Хуан.

Пиковер посмотрел на меня, а потом перевёл взгляд на Хуана.

— Я думаю… — медленно начал он, видимо, чтобы я успел остановить его, пока он не наговорил лишнего. Я промолчал. — Я думаю, что в «Новом Ты» извлекли информацию из моего отсканированного сознания.

Хуан скрестил руки.

— Это невозможно.

— Что? — спросил Пиковер.

— Почему? — в унисон спросил я.

— Просто невозможно, и всё, — ответил Хуан. — Мы научились копировать нейронные соединения, составляющие человеческий разум, и умеем восстанавливать их в искусственном субстрате. Но расшифровывать их мы так и не научились. Просеять цифровую копию разума и извлечь конкретные данные невозможно.

Чёрт! Если Хуан прав — а он редко ошибался

в вопросах техники, — то вся история с Пиковером была ложным следом. Скорее всего, не было никакого скопированного сознания; несмотря на все заверения, кто-то наверняка просто услышал пароль и решил порыться в документах палеонтолога. Пока я тут зря тратил время, Джошуа Уилкинс ускользал у меня из пальцев.

Тем не менее стоило уделить расследованию ещё пару минут.

— Можно определить, откуда был произведён вход? — спросил я Хуана.

Тот покачал головой:

— Нет. Кто бы это ни был, он знал, что делает, и замёл все следы. Наверняка сказать могу только то, что вход был произведён откуда-то извне.

Я кивнул:

— Понятно. Спасибо за помощь, Хуан.

— Всегда пожалуйста, — ответил тот, вставая. — Ну теперь можно и выпить?

Я хотел было согласиться, но тут меня осенило: я понял, что сделал Уилкинс.

— Кхм, давай потом, ладно? У меня ещё есть дела.

Хуан нахмурился; явно надеялся получить выпивку сразу. Но я подтолкнул его к двери.

— Спасибо за помощь. Очень тебе благодарен.

— Да пожалуйста, Алекс, — ответил он. Видно, понимал, что его выставляют за порог, но и сопротивляться не собирался. — Зови, если понадоблюсь.

— Да, спасибо вам преогромное, мистер Сантос, — сказал Пиковер.

— Без проблем. Буду нужен…

— Увидимся, Хуан, — сказал я, открывая перед ним дверь. — Большое спасибо. — Я приподнял несуществующую шляпу.

Хуан пожал плечами. Он понимал, что тут что-то нечисто, но ему было не настолько интересно, чтобы выяснять подробности. Когда он вышел, я нажал на кнопку, и дверь захлопнулась. Стоило ей закрыться, я обхватил Пиковера за плечи и подтолкнул обратно к компьютеру, где указал на строку, которую Хуан выделил на экране, и прочитал вслух её окончание:

— «… за ужином из семи блюд в половину девятого вечера».

— Да, — кивнул Пиковер. — И?..

— В числах удобно шифровать информацию, — сказал я. — «Семь блюд», «половина девятого». Вам это что-нибудь говорит?

— Мне? Ничего. Когда я ещё ужинал, то предпочитал есть пораньше и обходился всего одним

блюдом.

— Возможно, это послание.

— Кому? От кого?

Я даже не знал, как бы выразиться помягче.

— От вас вам же.

Он свёл к переносице искусственные брови.

— Что?

— Послушайте, — сказал я, жестом предлагая ему присесть перед компьютером. — Хуан прав, тут без сомнений. Извлечь данные из цифровой копии разума невозможно.

— Но Уилкинс смог.

Я покачал головой:

— Нет. Единственный способ узнать, что творится у вас в голове, — спросить напрямую.

— Но… у меня ни разу не спрашивали пароль.

— У вас — да, не спрашивали. Должно быть, Джошуа Уилкинс перенёс дополнительную копию вашего сознания в другое тело, чтобы работать непосредственно с ним. Именно эта копия и сообщила ему ваш пароль.

— Хотите сказать… хотите сказать, существую ещё один я? Вторая сознательная копия?

— Похоже на то.

— Но… нет, нет. Это… это же незаконно. Чтобы людей так брали и клонировали… боже мой,

Ломакс, это ведь попросту гнусно!

— Я постараюсь найти вашего двойника, — сказал я.

— Клона, — решительно поправил Пиковер.

— Что?

— Клона. Не двойника. Нет у меня никаких двойников, есть только я — настоящий Рори Пиковер. — Он содрогнулся. — Боже мой, Ломакс, какой… какой стыд! Какое надругательство над личностью! Как представлю, что где-то ходит украденная копия моего разума…

— Это да. Но этот… клон пытается вам что-то сказать. Он специально добавил слова в пароль, который требовал Уилкинс. Это послание.

— Но я его не понимаю, — с досадой сказал Пиковер.

— Вам ни о чём не говорят эти слова? Ничего не напоминают?

Пиковер перечитал текст.

— Ничего не приходит в голову, — сказал он. — Разве что… нет, нет, я бы никогда до этого не додумался.

— Как видите, сейчас очень даже додумались. Что такое?

Пиковер помолчал, будто размышлял, стоит ли говорить. Потом сказал:

— Ну, в Нью-Клондайке же циркулярная планировка, так? Он состоит из концентрических колец зданий. Получается, половина девятого будет между Восьмой и Девятой авеню, а семь блюд — седьмое кольцо от центра? Может, проклятый клон пытается послать нас по какому-то адресу здесь, в городе?

— Седьмое кольцо у Восьмой авеню, — повторил я. — Паршивый районч ик. У меня там зал неподалёку.

— И верфи, — сказал Пиковер. — Они тоже там?

— Ага. — Работать в доках было удобнее без скафандров, а в первые годы ремонт и обслуживание космических кораблей были основным городским делом. Я направился к двери. — Пойду на разведку.

— Я с вами, — сказал Пиковер.

Я покачал головой. Он будет больше мешать, чем помогать, тут даже думать нечего.

— Слишком опасно. Мне будет лучше пойти одному.

Пиковер явно хотел возразить, но в итоге кивнул:

— Ладно. Но если найдёте второго меня…

— Да? — спросил я. — Что мне с ним сделать?

Пиковер поднял на меня умоляющий взгляд.

— Сотрите его. Уничтожьте. — Он вновь содрогнулся. — Видеть не хочу проклятую дрянь.

Глава 8

Мне нужно было поспать — чёрт, как же иногда хотелось стать трансфером, — поэтому я сел на антигравитационный трамвай до дома. Я жил на Пятой авеню — прекрасный адрес в Нью-Йорке и так себе в Нью-Клондайке, особенно у края кольца; в основном здесь селились несостоявшиеся старатели, поэтому в народе её прозвали Авеню неудачников.

Я позволил себе шесть часов сна — впрочем, марсианских, которые несколько длиннее земных, — а потом отправился на старую верфь. Когда я добрался, солнце только взошло. Небо за куполом окрасилось розовым на востоке и лиловым на западе.

Кое-где ещё велись активные работы по обслуживанию и ремонту космических кораблей, но большинство громадин уже не годились для полётов и стояли заброшенными. Я подумал, что из них вышло бы хорошее убежище: корабли были экранированы от радиации, поэтому просканировать корпус и увидеть, что творится внутри, нельзя.

Верфь представляла собой большое поле, заставленное кораблями разных цветов и размеров. Большинство были обтекаемых форм — этого требовала даже разреженная атмосфера Марса. Некоторые стояли вертикально, присев на киль, словно на корточки, какие-то лежали на брюхе, другие опирались на шарнирные ноги. Я осматривал шлюзы, проходя мимо, но пока все они были наглухо запечатаны.

Наконец я подошёл к чудовищных размеров лайнеру — огромному кораблю метров триста в длину, пятьдесят в ширину и десяток в высоту. На носу, со стороны которого я подобрался, всё ещё виднелось облезшее название «Джим Скукум», а рядом на металлической обшивке был намалёван лозунг: «Марс или ничего!», переживший стихию значительно лучше. Я прошёлся вдоль корпуса в поисках шлюза, и…

Ага! Я почувствовал себя охотником за окаменелостями, нашедшим прекрасно сохранившегося ризоморфа. Шлюз был, причём оба люка — и внешний, и внутренний — стояли открытыми. Я прошёл через отсек в сам корабль. На стойках у входа некогда хранились скафандры, но их давно уже разобрали.

В дальнем конце помещения обнаружилась

ещё одна дверь — с колесом по центру, какие можно увидеть на субмарине. Эта была закрыта; скорее всего, запечатана, но я всё равно попробовал покрутить колесо — и вращалось оно, чёрт побери, далеко не свободно. Отвинтив запорные болты, я открыл дверь, а затем снял с пояса фонарик и осветил коридор. В глаза ничего не бросалось, и я шагнул внутрь. Открытой дверь удерживали подпружиненные шарниры; стоило мне отпустить её, и она захлопнулась у меня за спиной.

В сухом воздухе пахло гнилью. Я прошёл по коридору, подсвечивая путь фонарём, как вдруг…

Раздался писк. Я резко обернулся, и луч фонаря успел выхватить поспешно скрывающийся источник: большую коричневую крысу, блеснувшую глазами-бусинками. Люди годами пытались избавиться от крыс, тараканов, чешуйниц и других паразитов, каким-то образом попавших сюда с Земли.

Я развернулся и направился в глубь корабля. Пол был неровным: немного склонялся к правой стене — к борту, точнее, — и я чувствовал, что иду в горку. Ковров здесь не было, только голый гладкий металл. Вдоль правого борта скопилась маслянистая вода; видимо, прорвало трубы. Впе-

реди проскочила ещё одна крыса. Интересно, чем они питались здесь, внутри мёртвого корабля?

Я подумал, что стоило бы связаться с Пиковером — рассказать, где я. Но когда я разблокировал телефон, связи не было. Разумеется; защита корпуса не пропускала сигналы наружу.

Становилось ужасно холодно. Я поднёс фонарик ко рту и увидел, что дыхание вырывается наружу заметными облачками. Остановившись, я прислушался. Где-то капала вода: конденсат или очередная утечка. Я двинулся дальше, как заправский детектив, освещая фонариком стены.

Вдоль коридора тянулись раздвижные автоматические двери — типичное зрелище на борту корабля. Обычно людей на Марс доставляли в капсулах гибернации, но этот лайнер был старомодный, с каютами; пассажиры и экипаж бодрствовали все восемь месяцев пути, если не дольше.

Большинство дверных панелей были оставлены приоткрытыми, и я заглядывал в тёмные помещения, освещая их фонариком. Каюты, кладовки, даже медпункт — всё оборудование давно вынесли, но по кушеткам было очевидно, что находилось тут раньше. Они были накрепко приварены — видимо, мародёры решили не тратить

на них свои силы.

Заглянув в очередную каюту, следом я наткнулся на закрытую дверь — первую во всём коридоре.

Я нажал на кнопку, но ничего не произошло: электричества не было. В толщине двери утопал аварийный рычаг. Третья рука мне бы сейчас пригодилась: в одну взять фонарик, в другую — револьвер, а третьей открывать дверь. Зажав фонарик под мышкой, я взял пистолет в правую руку, а левой дёрнул рычаг.

Дверь не подалась. Я дёрнул ещё раз, сильнее, но чуть не вывихнул кисть. Неужели регулятор натяжения требовал силы трансфера? Вполне возможно.

Я попытался ещё раз, и, к моему изумлению, в щель хлынул свет. Я надеялся просто распахнуть дверь, воспользовавшись элементом неожиданности, но проклятая штуковина сдвигалась по сантиметру зараз. Если по ту сторону и поджидал кто-то с оружием, сейчас оно, без сомнения, было направлено на меня.

На секунду я остановился, сунул фонарик в карман и — чёрт возьми, как же я не хотел этого делать — убрал револьвер в кобуру, чтобы освободить вторую руку. Ухватившись за утопленную

ручку, я потянул со всей силы, издав надсадный хрип. Свет резанул по глазам, успевшим привыкнуть к темноте. Ещё рывок, и дверная панель ушла в стену достаточно глубоко, чтобы я мог проскользнуть в комнату боком. Я достал пистолет и вошёл.

— Умоляю… — раздался грубый и механический, но от того не менее жалкий голос.

Взгляд метнулся к источнику звука. У дальней стены стоял стол с чёрной столешницей. А на столе…

А на столе лежал привязанный ремнями трансфер. Но его тело не было похоже на модный, практически идеальный симулякр, в котором щеголяла моя клиентка Кассандра. Это был грубый, примитивный андроид: угловатое туловище, конечности из металлических сегментов. А лицо…

На нём не было ни клочка искусственной кожи. Глаза, голубые и поразительно человечные, были широко раскрыты, а зубы напоминали вставную челюсть. Всё остальное представляло собой путаницу шкивов, оптоволокна, металла и пластика.

— Умоляю… — повторил он.

Я оглядел комнату. Эксимерная батарея размером с бейсбольный мячик питала несколько кабелей, в том числе те, что вели к осветитель-

ным лампам. Рядом стоял шкаф с простой дверью. Я распахнул её — она открылась легко — и проверил, никто ли не спрятался там, пока я входил. Заточённая внутри истощённая крыса выскочила из шкафа и через приоткрытую дверь выбежала в коридор.

Я вернулся к трансферу, одетому в бежевую футболку и простые чёрные джинсы.

— Вы в порядке? — спросил я, глядя на лишённое кожи лицо.

Металлический череп дёрнулся вправо и влево. Пластиковые веки стеклянных глазных яблок втянулись, превращая безликую маску в карикатуру мольбы.

— Умоляю… — в третий раз произнёс он.

Я посмотрел на путы, удерживающие искусственное тело на месте: тонкие нейлоновые ремни, прикреплённые к столешнице и натянутые до предела. Механизма, который бы управлял ими, не было.

— Кто вы? — спросил я.

Ответ оказался вполне ожидаемым:

— Рори Пиковер.

Но он говорил совсем не так, как настоящий Пиковер: британский акцент отсутствовал и сам синтезированный голос звучал значительно

выше.

И всё же нельзя было принимать слова несчастного за чистую монету, тем более что лица у него практически не было.

— Докажите, — сказал я. — Докажите, что вы Рори Пиковер.

Он отвёл стеклянные глаза в сторону. То ли пытался придумать, что мне ответить, то ли попросту избегал взгляда.

— Мой государственный номер — AG-394–56–432.

Я покачал головой:

— Этого мало. Нужно что-то, что знает только Рори Пиковер.

Его взгляд вновь вернулся ко мне; пластиковые веки опустились, словно он недоверчиво щурился.

— Неважно, кто я, — сказал он. — Просто вытащите меня отсюда.

На первый взгляд звучало разумно, но если это был второй Рори Пиковер…

— Сначала докажите, что вы — это он. Скажите, где находится Альфа.

— Проклятье, — сказал трансфер. — Прошлый метод не сработал — думаешь, сработает этот? — Он отвернул механическую голову. — Не

надейся.

— Скажите, где находится Альфа, — повторил я, — и я вас освобожу.

— Я лучше умру, — проговорил он. А мгновение спустя с тоской добавил: — Только…

— Только вы не можете умереть, — закончил за него я.

Он вновь отвернулся. Сложно было сочувствовать чему-то настолько далёкому от человека; такого оправдания я придерживался.

— Скажите, где месторождение Вайнгартена и О'Райли. Со мной ваш секрет в безопасности.

Он промолчал, но моё сердце колотилось, а лихорадочные мысли не давали покоя: о восхитительных образцах, которые показывал настоящий Рори, о том, как много их ещё можно было найти, каких неисчислимых богатств они стоили. Я сам не заметил, как приставил пушку к голове робота и прошипел:

— Отвечай! Отвечай, пока не…

Вдалеке, в коридоре, раздался писк крысы…

И чьи-то шаги.

Трансфер тоже их услышал. Его взгляд в панике заметался.

— Умоляю, — сказал он, понизив голос. Стоило ему заговорить, я приложил палец к губам, но он

продолжил: — Пожалуйста, бога ради, вытащите меня отсюда. Я больше не могу.

Я поспешил к шкафу, забрался внутрь и захлопнул за собой дверь. Там я расположился так, чтобы всё видеть — и, если понадобится, стрелять через щель. Шаги приближались. В шкафу пахло крысами. Я выжидал.

Раздался голос — приятный, почти человеческий, в отличие от фальшивого Пиковера.

— Что за…

И я увидел, как в комнату боком проскальзывает человек; трансфер. Лица отсюда не было видно, но тело принадлежало женщине, какой-то брюнетке. Я набрал в грудь воздуха, затаил дыхание, и…

Она повернулась. Сердце как бешеное забилось в груди. Нежные черты лица. Зелёные, широко расставленные глаза.

Кассандра Уилкинс.

Моя клиентка.

В руках у неё был фонарик, который она отложила на боковой столик.

— Кто к тебе приходил, Рори? — холодно спросила она.

— Никто, — ответил тот.

— Дверь была открыта.

— Ты её оставила. Я тоже удивился, но… — Он замолчал; видимо, понял, что лишними деталями выдаст ложь.

Она слегка склонила голову. Должно быть, даже с силой трансфера дверь подавалась с трудом. Оставалось надеяться, что она поверит ему и решит, что на выходе не закрыла её до конца. Конечно, я сразу же углядел в истории недостаток: можно упустить, что дверь не захлопнулась, но льющийся в коридор свет не заметить сложнее. Но люди редко задумывались о подобных деталях; я надеялся, что она купится на его ложь.

Так и случилось: после недолгих раздумий она кивнула сама себе, а затем подошла к столу с искусственным телом.

— Ты можешь избежать боли, — заговорила Кассандра. — Просто скажи мне, где Альфа, и…

Слова на секунду повисли в воздухе, но Пиковер ей не ответил. Кассандра философски пожала плечами.

— Как хочешь, — сказала она. А затем, к моему изумлению, занесла правую руку, со всей силы ударила Пиковера по лицу, и тот…

Закричал.

Он выл, протяжно и низко, и звук этот напоминал скрежет металла, нечеловеческий и жуткий.

— Умоляю, — жалобно прошептал он, но и сейчас его мольба осталась без ответа.

Кассандра ударила его ещё раз, и он снова зашёлся воплем. Конечно, за свою жизнь я и сам не раз получал от женщин пощёчины: было больно, но не до криков. А уж искусственное тело точно было выносливее моего.

Кассандра влепила третью пощёчину. Крики Пиковера эхом отдавались в мёртвой громаде корабля.

— Говори! — потребовала она.

Я не видел его лица; она заслоняла его своим телом. Может, он покачал головой. Может, просто дерзко посмотрел на неё. Но не издал ни звука.

Она снова пожала плечами: должно быть, это повторялось не в первый раз. Обойдя стол, она встала от него по правую руку.

— Не советую меня вынуждать, — сказала Кассандра. — Ты знаешь, что делать. Просто… — Слова какое-то время висели в воздухе, а потом она продолжила: — Ну ладно. — И, потянувшись к нему реалистичной светлой ладонью, обхватила указательный палец его правой руки. А затем — начала загибать.

Теперь я видел лицо Пиковера. Вдоль линии челюсти двигались ленты шкивов; он изо всех

сил старался не раскрывать рта. Стеклянные глаза закатились, а левая нога тряслась в судорогах. Зрелище было причудливым, и я попеременно испытывал то сочувствие к лежащему на столе существу, то холодную отстранённость из-за его явно искусственной природы.

Кассандра отпустила Пиковера, и на секунду мне показалось, что она над ним сжалилась. Но потом она схватила соседний с указательным палец и начала загибать оба. На этот раз, несмотря на все усилия, из горла Пиковера вырвался скрежет.

— Говори! — приказала Кассандра. — Живо!

Недавно я от самой Кассандры узнал, что андроиды чувствуют боль, иначе они могли бы положить руку на что-то горячее или подвергнуть суставы слишком большой нагрузке. Но я не ожидал, что встроенные датчики окажутся настолько чувствительными, и…

И тут меня осенило — как раз в момент, когда из горла Пиковера вырвался очередной вопль. Кассандра знала об андроидах всё; она ведь их продавала. Если она хотела настроить интерфейс между телом и разумом так, чтобы боль ощущалась особенно остро, она, без сомнений, могла это сделать. На своём веку я повидал нема-

ло зверств, но подобное переходило все рамки. Отсканировать сознание, поместить его в тело с обострённым восприятием боли и пытать, пока он не выдаст все тайны. Потом, разумеется, остаётся лишь стереть разум, и…

— Ты ведь сам знаешь, что рано или поздно расколешься, — сказала она абсолютно непринуждённо, глядя на лишённое кожи лицо. — А раз это неизбежно, можешь просто мне всё рассказать.

Резинки, служившие Пиковеру лицевыми мышцами, сжались, рот приоткрылся, и он слегка, но быстро подался головой вперёд. Поначалу мне показалось, что он так неловко пытается её поцеловать, но потом я понял, что это было на самом деле: плевок. Разумеется, пересохший рот и пластиковое горло не могли генерировать влагу, но разум — человеческий, живой разум, привыкший к биологическому телу, — выплеснул всю ненависть в самом первобытном из жестов.

— Что ж, ладно. — Кассандра вновь выгнула ему пальцы и долго держала под мучительным углом. Пиковер скулил, то и дело срываясь на крики. Наконец она отпустила его и сказала: — Попробуем другой подход. — Склонившись, левой рукой она придержала ему правое веко,

а большим пальцем правой ткнула прямиком в глаз. Вдавила стеклянную сферу в металлический череп, и Пиковер вновь заорал. И пусть искусственный глаз намного прочнее обычного, палец мучительницы тоже был куда как сильнее. У меня и самого заслезились глаза.

Пиковер слегка прогнулся в спине, содрогаясь в удерживающих его ремнях. Время от времени мне удавалось разглядеть выражение лица Кассандры, и от симметричной улыбки ликования к горлу подкатывала тошнота.

Наконец она убрала палец от его глаза.

— Ну что, хватило? — спросила она. — А то, если нет…

Как я успел заметить, Пиковер был одет в футболку и джинсы; ходить по улице голым считалось неприличным что для людей, что для трансферов. Но теперь руки Кассандры переместились ему на пояс. Я наблюдал, как она расстёгивает ремень и молнию джинсов, а затем спускает штаны по металлическим ногам. Трансферам не требовалось нижнее бельё, и Пиковер его не носил. Его искусственный пенис и яички ничего не скрывало. Я ощутил, как моя собственная мошонка сжимается в ужасе.

И тут Кассандра сделала нечто абсолютно

невероятное. Она без колебаний голыми руками заламывала ему пальцы и без всяких раздумий выдавливала глаз. Но с гениталиями явно не хотела контактировать напрямую. Она огляделась; на мгновение её взгляд скользнул по шкафу, и я прижался к дальней стенке, надеясь, что она меня не увидит. Сердце колотилось в груди.

Наконец она нашла то, что искала: на полу лежал гаечный ключ. Она подняла его, занесла над головой и посмотрела в единственный уцелевший глаз Пиковера — второй закрылся, как только она убрала палец, и, насколько я мог судить, больше не открывался.

— Говори, если не хочешь получить железные опилки вместо шаров.

Он закрыл второй глаз, жмурясь.

— Считаю до трёх, — сказала она. — Раз.

— Я не могу, — прошептал он. — Ты испортишь окаменелости, продашь их…

— Два.

— Пожалуйста! Они принадлежат науке! Всему человечеству!

— Три!

Она опустила руку, дугой рассекая воздух, и серебристый ключ врезался в искусственную мошонку Пиковера. Тот заорал пуще прежнего

— настолько громко, что даже в шкафу у меня заложило уши.

Кассандра вновь вскинула руку, но дождалась, пока крик перейдёт в поскуливание.

— Последний шанс, — сказала она. — Считаю до трёх.

Он трясся всем телом. Меня затошнило.

— Раз.

Он отвернулся, будто надеялся избежать пытки.

— Два.

Из искусственного горла вырвался всхлип.

— Три!

Я тоже отвернулся, не в силах смотреть, как…

— Хорошо!

Это был голос Пиковера, механический и пронзительный.

— Ладно! — крикнул он снова. Я вновь обернулся, и передо мной открылось всё то же зрелище: женщина, подобие человека, занёсшая над головой гаечный ключ, и испуганный андроид-мужчина, привязанный к столу. — Ладно, — повторил он ещё раз, но тише. — Я расскажу всё, что ты хочешь.

Глава 9

— Ты скажешь, где находится Альфа? — спросила Кассандра, опустив руку.

— Да, — ответил Пиковер. — Да.

— Где?

Он промолчал.

— Где?

— Прости меня, господи… — тихо произнёс он.

Кассандра вновь занесла руку над головой.

— Где?!

— Шестнадцать километров четыреста метров к юго-западу от Нили Патеры. Там есть три кратера, каждый шириной чуть меньше ста метров, вместе они образуют равносторонний треугольник. Альфа начинается сразу за двумя идентичными ямками, где-то в пятистах метрах к востоку.

Кассандра, без сомнения, записывала его слова на телефон — и я тоже.

— Я думала, Альфа здесь, на равнине Исиды.

— Нет, она на соседнем плато; вот почему её до сих пор не нашли.

— Ради твоего же блага надеюсь, что ты не

врёшь, — сказала она.

— Не вру, — ответил он едва слышно. — Не вру, к моему огромному сожалению.

Кассандра кивнула:

— Ну ладно. Тогда пора тебя отключить.

— Но я ведь всё рассказал! Я сделал, что ты хотела!

— Именно. Поэтому ты мне больше не нужен. — Она взяла со стола универсальную отвёртку, вернулась к Пиковеру и открыла дверцу в его боку.

Я вышел из шкафа, нацелив пистолет в спину Кассандры.

— Стоять, — сказал я.

Она резко обернулась.

— Ломакс!

— Миссис Уилкинс, — кивнул я. — Полагаю, поиск мужа вас больше не интересует, а? Раз уж вы раздобыли информацию, которая была ему нужна.

— Что? Нет, нет. Я всё ещё хочу найти Джошуа. Конечно, хочу!

— Чтобы разделить с ним богатство?

— Богатство? — Она оглянулась на несчастного Пиковера. — А. Да, признаю, на кону большие деньги. — Она улыбнулась. — Такие большие,

что я была бы рада с вами поделиться, мистер Ломакс. Ах, вы ведь такой хороший человек! Вы не тронете меня, я же знаю!

Я помотал головой.

— Вы предадите меня при первой же возможности.

— Ничего подобного. С деньгами, которые принесут окаменелости, мне точно понадобится защита. Вполне разумно иметь в помощниках такого человека, как вы.

Я посмотрел на Пиковера и покачал головой.

— Вы пытали этого человека.

— Этот «человек», как вы его называете, существует только благодаря мне. А настоящий Пиковер не испытывает ни малейшего неудобства.

— Но… вы пытали его, — повторил я. — Это бесчеловечно.

Она презрительно ткнула пальцем в сторону Пиковера:

— Он не человек. Просто программа, работающая на груде железа.

— Вы тоже.

— Отчасти да, — сказала Кассандра. — Но при этом я настоящая, а он — просто копия. У копий нет прав.

— Я не собираюсь вдаваться в философские споры.

— Ладно. Но не забывайте, кто на кого работает, мистер Ломакс. Я ваша клиентка — и мне пора.

Я не опустил револьвер.

— Я так не думаю.

Кассандра взглянула на меня.

— Интересная ситуация, — сказала она ровным тоном. — Я безоружна, а у вас пистолет. Можно подумать, что победа за вами, согласитесь? Но пистолет вряд ли меня остановит. Выстрелите мне в голову, и пуля отскочит от металла. Выстрелите в грудь и в худшем случае повредите пару деталей, которые я всё равно смогу заменить, да к тому же со скидкой. Я же, — продолжала она, — сильнее вас вдесятеро. Я могу в прямом смысле оторвать вам руки и ноги, голыми руками сдавливать голову, пока она не лопнет, как дыня, и не забрызгает всё мозгами, если они у вас есть. Так что же вы выберете, мистер Ломакс? Отпустить меня и уйти восвояси? Или нажать на спуск и не выбраться отсюда живым?

Я привык, что пистолет в руках ассоциируется с силой, безопасностью, властью. Но сейчас смит-вессон ощущался свинцовым балластом. Она была права: стрелять так же бессмысленно,

как просто запустить в неё пистолетом. И всё же будь у меня возможность положить её одним выстрелом, я бы его сделал. Я и раньше убивал в целях самозащиты, но…

Но сейчас мне ничего не угрожало. Почти. Я мог остаться в стороне, и она бы просто ушла. Способен ли я на… ну, не хладнокровное, но просто убийство? И она верно говорила: в отличие от Пиковера, она была человеком — единственным и законным воплощением Кассандры Уилкинс. Какими бы коррумпированными и ленивыми ни были местные копы, даже они не закроют глаза на попытку убийства.

— Итак, — сказала она наконец. — Ваш выбор?

— Убедительные у вас доводы, миссис Уилкинс, — произнёс я самым спокойным тоном, на который был способен в подобных условиях. А потом, не поведя даже бровью, спустил курок.

Интересно, трансферам иногда кажется, что время замедляется, или их восприятие всегда идеально? Вот для меня время точно остановилось. Клянусь, я видел, как пуля вылетела из ствола и мгновенно преодолела три метра между мной и…

И, естественно, миновала Кассандру.

Я стрелял не в неё.

Она говорила правду; пуля не причинила бы ей вреда.

Нет, вместо этого я целился мимо неё, в стол, на котором лежал двойник Пиковера. Точнее, я целился в широкий ремень, который удерживал его руки прижатыми к торсу — в тот небольшой промежуток, натянутый между столешницей и рукой.

Пуля пробила ремень, разрезав его на две части. Длинная лента по инерции взлетела и рухнула двойнику на грудь, как змея, через которую пропустили мощнейший ток.

Кассандра широко распахнула глаза, изумлённая моим промахом, и обернулась. Грохот выстрела всё ещё отдавался в ушах, но я готов был поклясться, что слышал треск рвущихся пут. Чувствительность к боли должна была обострить и скорость реакции, и я надеялся, что Пиковеру хватит ума заметить мою уловку ещё до того, как я выстрелю.

И действительно, не успел он высвободить руки, как резко сел, схватил Кассандру за плечо и дёрнул к себе. Я бросился к ней, пользуясь мизерной гравитацией Марса. Тело Кассандры состояло из лёгких композитов и синтетических материалов, но я-то был из старых добрых плоти

и крови, то есть весил килограммов на тридцать больше. От моего удара её отбросило назад, и она врезалась в столешницу. Пиковер тут же перехватил её за вторую руку и прижал к краю стола. С трудом удержавшись на ногах, я приставил револьвер к виску Кассандры.

— Ну что, ненаглядная, — сказал я. — Точно хочешь проверить, насколько у тебя прочный череп?

Кассандра раскрыла рот; будь она живым человеком, наверняка бы задыхалась. Сейчас же её бессердечная грудь оставалась неподвижна.

— Вы не можете меня застрелить, — заявила она.

— Почему это? Скажу, что оборонялся, а Пиковер подтвердит. Правда, Пиковер?

— Без сомнения.

— И да, кстати, — заметил я, — помимо нас с вами да пары Пиковеров никто больше не знает, где находится Альфа-залежь. Думаю, дальше мы обойдёмся без вас.

— Вам это с рук не сойдёт, — сказала Кассандра. — Будьте уверены.

— Мне многое сходит с рук, — возразил я. — Не думаю, что в этот раз что-то изменится. — Я взвёл курок; просто хотел припугнуть.

— Стойте, — сказала она. — Не торопитесь. Мы все можем неплохо заработать. Окаменелостей там предостаточно.

— Только у тебя нет на них права, — вступил Пиковер. — Ты украла копию моего разума, пытала меня и хочешь на этом нажиться?

— Пиковер прав, — сказал я. — Это его достояние, не ваше.

— Это достояние всего человечества, — поправил меня Пиковер. — Оно принадлежит всем.

— Но я вам плачу, — сказала Кассандра.

— Он тоже. Точнее, его юридически законная копия.

В голосе Кассандры послышалось отчаяние:

— Но… но это же конфликт интересов!

— Так подайте на меня в суд.

Она с отвращением покачала головой.

— Вы только ради себя и стараетесь!

Я доброжелательно пожал плечами и плотнее придавил ствол к искусственной голове.

— Как и все мы.

— Пристрелите её, — сказал Пиковер. Я поднял на него взгляд. Он всё ещё держал её за руки, прижимая их к туловищу. Биологическому человеку сидеть так было бы весьма неудобно. Вообще, если вспомнить его обострённую чувствитель-

ность, даже искусственному телу наверняка было больно так изгибаться. Но эту боль, подозреваю, он терпел с удовольствием.

— Уверены, что вы этого хотите? — спросил я. — Я, конечно, могу понять, но… — Я замолчал, оставив мысль висеть в воздухе.

— Она меня пытала. Она заслуживает смерти.

Я нахмурился; с такой логикой сложно было поспорить. Но вместе с тем я задался вопросом: понимал ли Пиковер, что сейчас судят не только её?

— Могу понять, — повторил я и снова добавил: — Но… — и замолчал.

Наконец Пиковер кивнул.

— Но, возможно, вы правы. Я не испытываю к ней сострадания, но мне не обязательна её смерть.

Во взгляде Кассандры мелькнуло облегчение. Я кивнул.

— Вы хороший человек.

— Но всё же, — сказал Пиковер, — хотелось бы немного ей отомстить.

Он держал Кассандру за плечи, но ладони её были свободны, и они дёрнулись вниз — к паху, будто хотели прикрыть…

Я довольно кивнул.

Кассандра быстро спохватилась и расслабленно свесила руки, но было поздно. Я всё видел, и Пиковер тоже.

— Так ты… — начал он медленно, потрясённо. — Ты… — Он запнулся, и если бы мог, точно бы отступил на полшага. В тихом голосе сквозил шок: — Не женщина…

Кассандра не хотела прикасаться к паху Пиковера, пусть даже искусственному, голыми руками. А когда Пиковер сказал, что хочет отомстить за пытки, она машинально потянулась прикрыть…

Всё встало на свои места: почему она плюхнулась в кресло, почему не носила макияж и украшения в новом теле, и множество других мелочей.

Кассандра машинально потянулась прикрыть собственную мошонку.

— Ты не Кассандра Уилкинс, — сказал я.

— Кассандра, — возразила она женским голосом.

— Нет. Внутри ты мужчина. Разум, загруженный в это тело, — мужской.

Кассандра вдруг дёрнулась. Чёртов Пиковер, остолбенев, видно, ослабил хватку, потому что она вывернулась из его рук. Я выстрелил, и пуля

вошла прямо ей в грудь; наружу под давлением выплеснулась струйка машинного масла, но её это не остановило.

— Не дайте ей уйти! — крикнул Пиковер высоким механическим голосом. Я направил на него пистолет, и на секунду в его глазах мелькнул ужас, будто он подумал, что я хочу убить его за то, что он не сумел её удержать. Но я прицелился и выстрелил в ремень, стягивающий ему ноги. На этот раз пуля перебила нейлон лишь частично. Наклонившись, я дёрнул его, Пиковер бросился помогать, и натянутые нити лопнули; ремень, как и первый, взвился в воздух. Пиковер перекинул ноги через край стола и тут же поднялся. Очередное преимущество искусственного тела перед обычным: никакого головокружения после бог знает скольких дней, проведённых лёжа.

За несколько секунд, ушедших на освобождение Пиковера, Кассандра успела добраться до приоткрытой двери и выскочить в темноту коридора. Послышался плеск воды, скопившейся вдоль правого борта, и звук удара — видимо, Кассандра отклонилась вбок и случайно наткнулась на стену, но побежала дальше. Она не взяла свой фонарик, и единственным источником света был тот, что лился из комнаты — угасающий за спи-

ной отблеск, из-за которого она сама отбрасывала тень, затрудняющую видимость ещё сильнее.

Я протиснулся в коридор. Фонарик всё ещё был в кармане. Я достал его и направил прямо перед собой; Кассандре его свет вряд ли помог бы. Пиковер, натянув штаны, выбрался следом за мной и не отставал, когда я бросился в погоню.

Наша быстрая поступь заглушила шаги Кассандры; она опережала нас где-то метров на тридцать-сорок. Несмотря на кромешную тьму, у неё было преимущество: в отличие от нас она уже ходила по этому коридору. Я же в том направлении не был и очень сомневался, что Пиковеру довелось туда заглянуть.

Навстречу выскочила пищащая крыса.

— Как у вашей породы со зрением? Нормально видите в темноте? — задыхаясь, пропыхтел я.

В голосе Пиковера, разумеется, не было даже намёка на усталость:

— Чуть лучше биологических, если не устанавливать инфракрасное зрение.

Я кивнул, хотя если Пиковер не врал, он бы всё равно этого не увидел. Ноги у меня были длиннее, чем у Кассандры, зато она двигала ими быстрее. На мгновение я направил луч фонарика вдаль. Она бежала там, вдалеке; я опустил фонарь в

пол.

Впереди послышался плеск — она снова отклонилась в правую сторону. Я подумал о том, чтобы выстрелить — скорее для острастки, чем из серьёзной надежды попасть, — но вдруг заметил, что Пиковер обгоняет меня. Его железные ноги были такими же длинными, только перебирал он ими ничуть не медленнее Кассандры.

Я попытался нагнать его и не смог. Даже в условиях марсианской гравитации быстро бегать не так-то просто. Я вновь направил фонарик вдаль, но Пиковер заслонял собой коридор; я понятия не имел, насколько Кассандра оторвалась от погони, а мешающий Пиковер не давал воплотить в жизнь праздное желание выстрелить в воздух.

Расстояние между нами увеличивалось. Я пробежал мимо вереницы раскрытых дверей, зияющих в темноте чёрными ртами. До слуха доносились звуки крысиной возни, шаги Пиковера и…

Неожиданно кто-то набросился на меня со спины. Жёсткая рука обхватила шею, резко надавив на кадык. Я попытался позвать Пиковера, но не мог сделать ни вдоха. Изо всех сил вывернув шею, я направил луч фонарика в потолок, чтобы его свет отразился мне за спину.

Кассандра! Она притаилась в каюте и поджидала меня. Детектив из Пиковера получился так себе; он не заметил, что перед ним больше никого нет, а мне перегородил обзор и скрыл громкой поступью пропавшее эхо её шагов. Дыхание вырывалось изо рта облачками — разумеется, только моё.

Я снова попытался позвать Пиковера, но сил хватило только на хрип, затерявшийся в шуме его шагов. От бега я и так задыхался, а рука на горле делала только хуже; несмотря на тьму вокруг, перед глазами замелькали тёмные пятна — верный признак удушья. Времени на раздумья не оставалось.

И я не раздумывал. Пригнувшись как можно ниже прямо с Кассандрой, висящей у меня на спине, я подпрыгнул изо всех сил, которые только смог наскрести. Даже ослабевшему, мне удалось хорошо оттолкнуться, а с остальным помогла марсианская сила тяжести: я взмыл вверх пулей. Металлический череп Кассандры врезался в потолок коридора. Прямо над нами оказался светильник, и я услышал звон бьющегося стекла и треск пластика.

Опускались мы с безумной медлительностью, но как только ноги коснулись пола, я сделал пару

шагов вперёд и снова прыгнул. Кассандра так и не отпустила меня, но теперь над её головой не оказалось ничего, кроме литой стали.

И вновь замедленное падение. Я ощутил, как что-то густое и мокрое сочится через рубашку. На мгновение решил, что Кассандра ударила меня ножом — но нет, это было машинное масло, вытекшее из пулевого отверстия у неё на груди. Когда мы приземлились, Кассандра ослабила хватку на моей шее и попыталась отскочить, но я крутанулся на месте и бросился на неё, заваливая на пол коридора. Фонарик, который я пытался удержать, всё же вырвался из рук, несколько раз провернулся на полу и в итоге остановился, устремив луч в противоположную сторону.

Зато револьвер я не выпустил. Подняв его, я на ощупь нашарил лицо Кассандры. Однажды, в самом начале карьеры, я засунул ствол преступнику в рот, но на этот раз у меня были другие планы. Я приставил его к левому глазу Кассандры и надавил; уж такая она, карма.

— Готов поспорить: если прострелю тебе глаз, то разнесу мозг на ошмётки. Проверим? — спросил я.

Она промолчала.

— Пиковер? — окликнул я через плечо. Имя

эхом разнеслось по коридору, но я не знал, услышал он меня или нет. Обернувшись к Кассандре, или кто там сидел в её теле, я снял револьвер с предохранителя. — Помнится, клиенткой моей была Кассандра Уилкинс, но вы — не она. Так кто вы?

— Кассандра Уилкинс, — раздался в темноте голос.

— Не врите. Вы мужчина; как минимум разум у вас мужской.

— Я Кассандра Уилкинс, я могу доказать, — сказал лежащий навзничь андроид. — Полностью меня зовут Кассандра Полина Уилкинс, урождённая Колье. Я родилась в Су-Сити штата Айова. Государственный номер…

— Это всё факты. — Я помотал головой. — Их может узнать кто угодно.

— Но я знаю то, что больше никому не известно. Как звали моих домашних животных, почему меня выгнали из школы в пятнадцать, где я набила татуировку. Я…

Она продолжала, но я не слушал.

Господи, это было почти идеальное преступление. Мало кто мог скрывать кражу личности — рано или поздно правда всплыла бы наружу. Манера речи, всякие мелочи, которые знал толь-

ко оригинал, — всё это выдало бы самозванца, и избежать этого мог только…

Только супруг человека, чью личность он присвоил.

— Вы не Кассандра Уилкинс, — сказал я. — Вы Джошуа Уилкинс. Вы заняли её тело, а её сознание… — Я содрогнулся; да, преступление и правда было практически идеальным. — А её сознание умерло вместе с оригиналом, когда его подвергли эвтаназии. И теперь у вас на руках убийство.

— Не докажете, — произнёс андроид женским голосом. — Проверьте биометрию, ДНК, отпечатки пальцев. Я — Кассандра Уилкинс.

— Вы с ней вместе это придумали, — сказал я. — Оба поняли, что Пиковер знает, где находится Альфа-залежь. Но потом вы решили, что не хотите делиться богатством ни с кем, даже с женой. Поэтому вы избавились от неё и одновременно организовали побег.

— Это безумие, — ответил андроид. — Я сама вас наняла. Зачем же, ради всего святого, мне это делать?

— Вы думали, что полиция возьмётся за расследование; это они должны были обнаружить труп в подвале «Нового Ты». Но они даже не приехали, а вы понимали, что если найдёте его сами, то по-

дозрения падут на вас, предполагаемую супругу. Поэтому вы меня и наняли — ах, верная жёнушка, так волнующаяся о бедном пропавшем муже! Мне оставалось лишь найти труп.

— Это просто слова, — сказал трансфер. — Вы ничего не докажете.

— Пусть так, — согласился я. — Хорошо, что мне не нужно никого убеждать. Только себя. Но я готов дать вам шанс. Понимаете ли, я хочу выбраться отсюда живым, но сомневаюсь, что при таком раскладе смогу оставить жить и вас тоже. Как бы это провернуть, есть идеи? Выкладывайте, если есть. Если нет — у меня останется один выход.

— Я вас не трону, обещаю, — раздался синтезированный голос.

Я рассмеялся, и звук эхом разнёсся по коридору.

— Обещаете? О да, я вам верю.

— Нет, правда. Я никому не скажу. Я…

— Вы Джошуа Уилкинс? — спросил я.

Тишина.

— Ну?

Ствол сдвинулся в глазнице: Уилкинс едва заметно кивнул:

— Да.

— Ну что же, покойся с миром, — сказал я, а потом со смаком добавил: — Джош.

И выстрелил.

Глава 10

Вспышка на мгновение осветила безупречное женское лицо, на котором отразился почти биологический ужас. Револьвер щёлкнул, и коридор вновь погрузился во тьму. Я слабо представлял, насколько пуля повредит мозг. Разумеется, искусственная грудь не вздымалась — андроиды не дышали. Пульса у них тоже не было. Я решил выстрелить ещё раз, просто на всякий случай. Слегка подвинувшись, я хотел было приставить дуло ко второму глазу…

Но тут Джошуа толкнул меня в грудь, и я отлетел, в темноте услышав, как тот поспешно поднимается на ноги. Схватив фонарик, он развернулся, и на мгновение луч света выхватил его лицо. На месте глаза зиял глубокий провал.

Я вскинул пистолет, и…

Джошуа выключил фонарик. Теперь единственным источником света была далёкая полоска, льющаяся из его комнаты пыток; её не хватало, чтобы ясно разглядеть Джошуа. Но я всё равно выстрелил и услышал, как пуля отрикошетила — то ли от его металлического тела, то ли от сте-

ны коридора.

Я был из тех, кто всегда точно помнит, сколько патронов у него осталось: два. И я не знал, стоит ли выпускать их вслепую, но…

Джошуа подступил ближе. Я снова выстрелил. На этот раз из женского горла вырвался вскрик, похожий одновременно на вздох и стон боли, так что я точно попал.

Осталась одна пуля.

Я попятился — всё равно в полной темноте я мог с одинаковой вероятностью наткнуться на что-то, в какую бы сторону ни пошёл. Искусственное тело Кассандры Уилкинс было компактнее моего, но намного сильнее. Она запросто могла схватить меня и пару раз ударить головой об потолок, как я ударил её, только я бы не выжил. А если бы она успела поймать меня за руку, то смогла бы вырвать пистолет; нескольких пуль было мало, чтобы остановить андроида, но для меня бы хватило одной.

Я решил, что лучше лишиться пистолета совсем, чем отправиться из-за него в могилу. Выставив его перед собой, я прикинул местоположение Кассандры и в последний раз нажал на спусковой крючок.

Револьвер рявкнул, и вспышка выстрела

осветила коридор, резанув по глазам. Андроид вскрикнул — видимо, я попал в точку, которую сенсоры сочли достаточно важной, чтобы выдать сильную болевую реакцию. Но Джошуа это не остановило. Я уже подумывал о том, чтобы дать дёру — ноги у меня были всё ещё длиннее, пусть и не такие проворные, — но гордость не позволила. Я отбросил бесполезный пистолет в сторону. Он врезался в стену, загрохотав, а потом рухнул на пол, чем наделал ещё больше шума.

Разумеется, свою ошибку я осознал в следующую же секунду. Это я знал, сколько патронов выпустил и сколько вмещал в себя пистолет, а вот Джошуа — вряд ли; даже пустой револьвер мог сдержать его, если бы он думал, что тот заряжен.

Мы стояли лицом друг к другу — но это единственное, что можно было сказать наверняка. Я не видел, какое расстояние нас разделяет. Это при беге шаги отдавались эхом, а подступить — или отступить, или отойти в сторону — можно было практически незаметно. Я старался не шуметь, а трансферы могли не шевелиться и не издавать звуков часами, если бы того захотели.

Только в старых фильмах можно было услышать тиканье часов, отсчитывающих секунды, но я определённо ощущал ход времени, застыв

напротив андроида и выжидая, когда же он сделает первый шаг. А ведь я даже не представлял, насколько сильно смог его повредить.

В лицо вдруг ударил свет. Он снова включил фонарик, по наитию направив его прямо в глаза. Я на мгновение ослеп, а вот его оставшийся глаз, подозреваю, сработал более эффективно, потому что трансфер бросился на меня и сбил с ног.

На этот раз обе руки сомкнулись на моей шее. Пользуясь преимуществом в весе, я умудрился перевернуться так, чтобы Джошуа лежал на спине, а я нависал сверху. Изогнувшись, я врезал ему коленом по яйцам, чтобы он отпустил меня…

…и только тогда осознал, что яиц у него, конечно же, не было; он просто отреагировал так, будто были. Чёрт!

Его руки сжимались на моём горле; несмотря на прохладный воздух, я почувствовал, что вспотел. Зато, в отличие от него, мои руки были свободны. Упёршись правой ладонью ему в грудь — и неожиданно наткнувшись на мягкие формы, о которых успел забыть, — я нащупал сочащееся влагой отверстие, оставленное пулей. Засунув в него большой палец, я потянул вбок и пропихнул и второй большой палец тоже, растягивая дыру всё шире и шире. Решил, что если доберусь до

внутренних компонентов — вырву там что-нибудь важное. Искусственная плоть была мягкой; под ней скрывалось что-то, похожее на пористую резину, — а ещё ниже начинался металл. Я попытался просунуть всю руку, дёргал за всё, что попадалось под пальцы, но быстро терял сознание. Пульс грохотал в ушах так, что больше я ничего не слышал — только глухое биение сердца, снова и снова, снова и снова, подобное шуму…

…шагов! Кто-то бежал в нашу сторону, и…

И коридор озарил свет фонарей.

— Вон они! — раздался высокий механический голос Пиковера. — Вон там!

— Полиция Нью-Клондайка! — проревел знакомый низкий голос с шотландским акцентом. — Отпусти Ломакса!

Джошуа вскинул голову.

— Уходите! — крикнул он женским голосом. — Или я его прикончу!

Плывущим зрением я заметил Мака.

— Убьёшь его — сядешь. Тебе не понравится, — сказал он.

Джошуа ослабил хватку — не настолько, чтобы я мог сбежать, но достаточно, чтобы ещё немного подержать меня в заложниках. Я втянул холод-

ный воздух, но лёгкие всё равно пылали. В свете фонариков я видел, как Кассандра Уилкинс вытягивает шею, разглядывая Маккрея. Трансферы редко проявляли такой же спектр эмоций, как люди из плоти и крови, но по лицу было видно, что Джошуа паникует.

Я всё ещё нависал над ним. Наверное, мог бы подгадать момент и вырваться, пока мне не сломали шею.

— Отпусти его, — твёрдо сказал Мак. Разглядеть его было сложно, ведь именно он светил фонарём, но я вдруг осознал, что в свободной руке он держит большой диск. — Разожми руки, а не то я тебя точно поджарю.

Джошуа пришлось практически закатить единственный глаз, чтобы увидеть стоящего позади Мака.

— Часто им пользуешься? — спросил он. — Нет, я же знаю, что нет. Я работаю в сфере переноса сознания, так что слежу за новыми технологиями. Прерывание не происходит мгновенно. Да, ты меня убьёшь, но я убью Ломакса раньше.

— Врёшь, — сказал Маккрей. Передав фонарик Пиковеру, он выставил перед собой диск, удерживая его за изогнутые рукояти. — Я читал инструкцию.

— И что же, готов рискнуть? — спросил Джошуа.

Я мог лишь слегка запрокинуть голову; Мака под таким углом было почти не видно, но он хмурился, а через секунду слегка повернулся к Пиковеру, стоящему рядом, и…

И вдруг тишину прорезал электрический писк, а Джошуа забился в конвульсиях, ещё крепче сжимая руки на моём горле. Этот звук, пронзительный и высокий, издавал прерыватель. Руками я ощущал, как вибрируют внутренности в содрогающейся груди Джошуа. Высвободив их, я ухватился за его руки и изо всех сил потянул в стороны. Он отпустил меня и весь мелко затрясся. Я скатился с него; искусственное тело продолжало биться в конвульсиях под протяжным писком. Но я задыхался, и в данный момент меня интересовал только воздух.

Когда голова прояснилась, я посмотрел на извивающегося Джошуа, а потом на Мака, который стучал по диску прерывателя кулаком. Включить его он включил, но явно не знал, как выключить. Он начал переворачивать его — видимо, надеялся найти на обратной стороне какую-нибудь незаметную кнопку питания, — и я осознал, что сейчас он направит его назад, на Пиковера. Тот

тоже это заметил: он вскидывал искусственные руки в защитном жесте, но вряд ли это помогло бы.

— Нет! — попытался выкрикнуть я, но из горла вырвался только хриплый выдох, затерявшийся в писке. Краем глаза я заметил лежащего ничком Джошуа. Теперь, когда луч прерывателя больше не был направлен в его сторону, судороги прекратились.

И пусть я растерял голос, Пиковеру ничего не мешало.

— Не надо! — заорал он, перекрикивая электрический писк. Мак успел повернуть диск ещё немного, а когда понял, что имеет в виду Пиковер, — перевернул обратно и направил поверхность излучателя в землю. А потом и вовсе бросил диск, и тот с лязганьем упал на пол, продолжая приглушённо пищать. Тяжело поднявшись, я пошёл к Джошуа, а Мак с Пиковером нависли над диском в поисках выключателя.

Наверняка был научный способ проверить, умер ли Джошуа, но я выбрал другой, более приятный: отведя ногу назад, я со всей дури пнул его по прелестной головке. От удара его развернуло всем телом, но он никак не отреагировал.

Писк резко стих, и Мак довольно воскликнул:

— Ну наконец-то! — Я оглянулся на него, а он посмотрел на меня, выхваченный светом фонаря Пиковера, и с неловкой ухмылкой вскинул лохматые брови. — Кто ж знал, что выключатель нужно тянуть на себя, а не нажимать?

Я попытался заговорить и обнаружил, что голос вернулся.

— Спасибо, что заглянул, Мак. Я же знаю, как ты не любишь выходить из участка.

Тот кивнул в сторону Пиковера:

— Поблагодари парнишку, это он позвонил. — Он повернулся и уже прямо посмотрел на Пиковера: — Ты вообще кто такой, кстати?

Пиковер открыл механический рот, и я вдруг вспомнил, что этот Пиковер — клон. И настоящий Пиковер, и Джошуа Уилкинс говорили правду: он существовал вопреки законам и прав у него не было. Я даже не сомневался, что настоящий Пиковер потребовал бы его уничтожения; кому захочется, чтобы по миру бродила его незаконная копия?

Я помотал головой: туда и обратно. Пиковер, должно быть, заметил, потому что захлопнул рот.

— Давайте я вас представлю, — произнёс я вместо него так громко и чётко, как только мог в

нынешнем состоянии.

Когда Мак обернулся, я указал на него рукой.

— Детектив Дугал Маккрей, — сказал я, затем глубоко вдохнул, медленно выдохнул и указал на Пиковера: — Знакомься, Джошуа Уилкинс.

Мак кивнул: значит, купился.

— Нашёл-таки? Поздравляю, Алекс. — Он опустил взгляд на неподвижное женское тело. — Соболезную насчёт жены, мистер Уилкинс.

Пиковер обернулся ко мне, явно ища совета.

— Да, очень печально, — поспешно вмешался я. — Она совсем обезумела, Мак, — уже давно грозилась убить Джошуа. Несчастный решил инсценировать самоубийство, но она как-то догадалась и выследила его. У меня не оставалось выбора, её нужно было остановить.

Пиковер как раз подошёл к мёртвому андроиду и присел рядом.

— Бедная моя дорогая, — сказал он, каким-то образом придав механическому голосу нежности, а потом посмотрел на Мака, подняв на него бескожее лицо. — Это планета так действует на людей. Сводит с ума. — Он помотал головой. — Сколько разбитых мечтаний…

Мак посмотрел на меня, затем на Пиковера, потом на искусственное тело, лежащее ничком

на полу, а потом снова на меня.

— Ну ладно, Алекс, — сказал он, медленно кивнув. — Хорошо поработал.

Я сделал вид, что снимаю шляпу.

— Рад был помочь.

* * *

Три дня спустя я, насвистывая, зашёл в тёмный зал «Гнутого зубила».

За стойкой, как обычно, меня встретил Баттрик.

— Опять ты, Ломакс?

— Единственный и неповторимый, — жизнерадостно отозвался я. Диана в своём полуголом великолепии стояла у бара, нагружая поднос. — Привет, Диана, — окликнул я, — не хочешь прогуляться, когда освободишься? Устроим разн… — Я осёкся. Городу и так хватало разносов; вся проклятая планета была захудалой дырой.

Диана просияла, но Баттрик вскинул мясистую руку.

— Не расходись, любовничек. Если есть деньги, чтобы идти вразнос, — значит, есть деньги заплатить по счетам.

Я шлёпнул на прилавок две золотые монеты по сто соларов.

— Думаю, этого хватит.

Глаза Баттрика округлились, и он тут же смёл монеты, будто боялся, что они исчезнут, — учитывая репутацию его заведения, боялся он не напрасно.

— Я буду за дальним столиком, — сказал я Диане. — Ко мне должен подойти Хуан. Приведёшь его, как появится?

Диана улыбнулась.

— Конечно, Алекс. Чего тебе пока принести? Обычной отравы?

Я помотал головой:

— Нет, никакой бормотухи. Неси лучший скотч — со льдом. Настоящим.

Баттрик сощурился.

— Это выйдет дороже.

— Без проблем, — сказал я. — Заводи новый счёт.

Через несколько минут к столику подошли Диана со скотчем и Хуан Сантос. Тот, как обычно, смотрел на неё щенячьими глазками.

— Чего тебе принести? — спросила Диана.

Он помедлил — я-то знал, чего он хочет на самом деле, — но потом склонил массивный лоб.

— Джин. Неразбавленный.

Она кивнула и ушла, а он проследил за ней

взглядом. Потом сел напротив.

— Надеюсь, платишь сегодня ты, Алекс. Ты ещё должен мне за помощь с файлами доктора Пиковера.

— Всё так, друг мой.

Хуан устроил покатый подбородок на ладони.

— Вижу, у тебя хорошее настроение.

— О да, — ответил я. — Мне заплатили.

Человек, который стал для мира Джошуа Уилкинсом, вернулся в «Новый Ты», где ему доработали лицо и обновили тело. Затем он сказал, что после поступка жены работать там будет слишком болезненно, и продал филиал помощнику, Горацио Фернандесу. Денег, вырученных от продажи, с лихвой хватало на жизнь, особенно учитывая, что он больше не нуждался в еде и не платил налог на жизнеобеспечение. Он выдал мне гонорар, который задолжала его любимая покойная жёнушка, и накинул неплохую премию сверху.

Я спросил, что он собирается делать дальше.

— Ну, — сказал он, — пусть вы и единственный, кому об этом известно, но я всё же палеонтолог. Буду искать новые пласты окаменелостей — месяцы проводить на поверхности. Кто знает? Может, там есть месторождение даже богаче Альфы.

Что насчёт другого Пиковера, официального? Пришлось постараться, но мне удалось убедить его, что на самом деле копию сознания украл не Джошуа, а Кассандра, и что именно она загрузила его в искусственное тело. Я сказал доктору Пиковеру, что когда Джошуа понял, что натворила его жена, он уничтожил копию и выбросил изувеченное тело в подвал «Нового Ты».

Неплохо так, а? Но на этом я не остановился. Взяв напрокат скафандр и марсоход, я съездил на шестнадцать километров и четыреста метров к юго-западу от Нили Патеры. Решил, что разыщу себе славного ризоморфа или хорошенькую пентаподу и никогда буду работать.

Ну и что же? Я потратил на поиски кучу времени, но клон Пиковера, видимо, соврал о местоположении Альфы; даже под пытками не выдал своих любимых окаменелостей. Но я всё равно был уверен, что залежь Вайнгартена и О'Райли действительно существует и настоящий Пиковер сейчас работает над тем, как защитить её от мародёров. С чем и желал ему удачи.

— Ну что, выпьем? — сказал Хуан, когда Диана принесла ему джин.

— А то, — согласился я. — За что пьём?

Хуан задумчиво нахмурился. Затем его брови

поползли на широкий лоб, и он ответил:

— За верность себе.

Мы подняли стаканы и чокнулись.

— За такое можно и выпить.

Глава 11

Два месяца спустя

Я сидел в кабинете, закинув ноги на стол, когда на мониторе открылось окно камеры. Посетитель явно нажал на звонок — иначе камера бы не сработала, — но потом развернулся. Новые клиенты редко заявлялись без предварительной записи, поэтому я достал свой верный смит-вессон, убрал ноги со стола и направил пистолет на раздвижную дверь.

— Домофон, — скомандовал я в воздух, а затем: — Да? Кто там?

Посетитель обернулся к камере, и я заметил, что половину его лица составлял тусклый металл, лишь кое-где покрытый обрывками искусственной розовато-бежевой кожи. Но голос! Этот интеллигентный британский акцент я узнал сразу же.

— Добрый день, мистер Ломакс. Можем поговорить?

Я отложил пистолет на стол и скомандовал:

— Откройся. — Дверь отъехала в сторону, явив трансфера собственной персоной. Во плоти, я бы

сказал, только плоти у него не было. — Господи, Рори, — сказал я. — Что случилось?

Поверхность металлического лба зарябила — ожили маленькие моторчики, которые должны были приподнять отсутствующие брови.

— Что? А. Да. Нужно будет этим заняться.

— Ты что, в баре подрался? — Пожалуй, старая добрая розочка в морду вполне могла пробить синтетическую кожу.

— Я? — ответил тот, будто бы удивившись. — Нет, конечно же нет. — Он протянул руку: — Рад встрече, Алекс. — Рукопожатие, управляемое компьютером искусственного тела, вышло идеальным: крепким и долгим, но не слишком.

С наполовину содранной кожей он уж очень напоминал нелегального клона, которого я спас с «Джима Скукума». Вернувшись за стол, я указал на кресло напротив. В руках Пиковер держал металлический ящик с толстой ручкой на крышке. Он поставил его на потёртый ковёр и сел.

— Чем могу быть полезен? — спросил я.

— Надеюсь воспользоваться твоими услугами, старина.

— Хочешь найти, кто это сделал? — спросил я, обводя жестом его покорёженное лицо. — Чутка отомстить?

— Нет. Вернее, не совсем.

— Тогда что?

Пиковер поднялся и легко подхватил металлический кейс.

— Можно? — спросил он, свободной рукой указывая на стол. Я кивнул, и он поставил ящик на столешницу. Судя по звуку, с которым тот опустился, весил он килограммов пятьдесят. Пожалуй, стоит зарубить себе на носу никогда не бороться с трансферами на руках.

Он открыл ящик, и я, поднявшись, заглянул в него. Внутри на подушке из синего поролона лежала полуметровая глыба серого камня, по форме напоминающая Австралию. И хотя сам по себе камень был плоским, на его поверхности виднелось пять углублений.

— Что это? — спросил я.

— Контрплита образца 2–1388.

— Контрплита?

— Отпечаток; вторая сторона монеты. При добыче окаменелостей матрица разделяется на две части. С одной стороны находится непосредственно сама фоссилия — скажем, раковина, — а с другой — её отпечаток, или слепок. Часть с окаменелостью называют плитой; без окаменелости — контрплитой. Коллекционеры иногда берут

только плиты, а слепки выбрасывают, хотя настоящие палеонтологи видят ценность в обоих.

— А этот два-тире-тысяча что-то там?

— Приставка «два» указывает на вторую экспедицию Вайнгартена и О'Райли, а тысяча триста восемьдесят восемь — каталожный номер типового образца нойской ораиллии, разновидности пентаподы, которая сейчас хранится в Королевском музее Онтарио на Земле. Это вторая часть той самой матрицы; эту плиту я знаю как… как свои пять пальцев в настоящем теле.

— А, — сказал я.

— Я знал, что нашёл богатый фоссилиями пласт, но таких, конечно, могло быть несколько; у меня не было оснований полагать, что я нашёл именно Альфа-залежь Вайнгартена и О'Райли. Пока я не наткнулся на эту контрплиту — доказательство, что я действительно работаю с Альфой.

— Логично, — ответил я. — А лицо-то ты как расквасил?

Пиковер залез в ящик и приподнял плиту обеими руками — подозреваю, справился бы и одной, просто побоялся навредить образцу. Отложив её в сторону, он достал из ящика пузырчатую плёнку, и я увидел, что лежало на дне: плоский металлический диск диаметром около сорока

сантиметров и толщиной шесть. Его центр был выгнут наружу, а механические внутренности забились марсианским песком, но ошибиться я не мог: Пиковер принёс с собой мину.

— Чёрт возьми, — сказал я.

— Именно, — ответил Пиковер. — Кто-то заминировал Альфу.

Я обвёл рукой повреждённое лицо Пиковера:

— Я так понимаю, мина там не одна?

— К сожалению, да. Эта мерзопакость сработала буквально в паре шагов. Будь я над ней, разнесла бы меня — у меня доныне в жизни не было повода использовать эту фразу! — к чертям собачьим.

Вот вам и разница между мной и Пиковером: я ни разу не использовал слово «доныне», а вот «разнести к чертям собачьим» в моей работе встречалось часто. Он продолжил:

— Увы, взрывом уничтожило замечательный образец шостакии, над которым я работал.

— Что спровоцировало взрыв?

— Вибрация отбойного молотка, видимо. Я снимал породу буквально в нескольких метрах.

Я нахмурился. Полиции Нью-Клондайка не было бы до этого дела. Порядок они поддерживали только под куполом, да и то минимально; ситуация за его пределами интересовала Мака

с командой примерно так же, как опера. Но на всякий случай я решил уточнить:

— Ты уже был в полиции?

Если бы у Пиковера остался нос, он бы поморщился от отвращения.

— Я не могу к ним обратиться. Мне ведь придётся рассказать им про Альфу, а они продажные насквозь. Поэтому я здесь.

Значит, меня выбрали методом исключения; ну, тоже неплохо.

— Спасибо. Но в чём дело-то? Мины явно установили Вайнгартен с О'Райли. В конце концов, они надолго покидали Марс, а значит…

— …хотели защитить свою находку, — закончил за меня Пиковер. — Я тоже так сначала подумал, да и мина пробыла в земле достаточно долго. — Он залез в металлический ящик и поставил подорванную мину рядом с плитой. — Но я поискал изготовителя. — Он указал на маркировку по периметру диска. — Разумеется, продавали её не как мину, что было бы незаконно. В описании сказано, что на самом деле это «взрывчатка для горных работ с чувствительностью к давлению»; также её можно привести в действие с помощью пульта дистанционного управления. Такие мины производит малазийская компания

«Бризант Индастриз»; данная модель, «Кальдера-семь», появилась спустя полтора года после гибели Вайнгартена и О'Райли. Они не могли взять её в экспедицию.

— Тогда кто заминировал Альфу?

— А! Хороший вопрос, согласись? О'Райли с Вайнгартеном погибли под конец третьей экспедиции. В первую они отправились одни — два сумасшедших авантюриста, наплевавших на загнивающие космические агентства, они добрались сюда своим ходом и тогда-то и наткнулись на Альфу. Но раскопки — тяжёлый труд, требующий немало усилий. Поэтому во вторую экспедицию с ними отправился ещё один человек — Уиллем Ван Дайк. Но по возвращении на Землю Вайнгартен с О'Райли обманули Ван Дайка, заплатив ему лишь малую долю с продажи окаменелостей.

— А что было с третьей экспедицией?

— Учитывая безвозвратно испорченные отношения с Уиллемом Ван Дайком, в третью экспедицию они отправились вдвоём.

— А, — сказал я. — Но Ван Дайк уже знал, где находится Альфа. Думаешь, он потом вернулся и заминировал пласт?

— Других вариантов не остаётся. Помимо погибших, он один знал расположение Альфы. Но

его след оборвался тридцать шесть лет назад. С тех пор его никто не видел.

Я отошёл к бару, который держал в стене напротив крошечного окошка, и налил себе выпить. Пиковеру предлагать даже не стал, хотя будь у меня маслёнка, может, и сказал бы ему угощаться.

— Значит, ты хочешь найти этого Уиллема Ван Дайка?

— Именно. Он вполне может знать, что случилось с образцами из второй экспедиции, к каким коллекционерам они ушли. А если потом, вернувшись на Марс самостоятельно, он тоже работал на Альфе, то мог отправить на Землю и свои образцы. Тогда их можно было бы отследить и должным образом описать, если владельцы позволят. Сами окаменелости я уже не верну, это я понимаю. Их место в государственных музеях, не в частных коллекциях, но доказывать это — гиблое дело. Но если я найду покупателей, то смогу хотя бы поработать с фоссилиями, а путь к ним начинается с Уиллема Ван Дайка.

— Ты же сказал, что он пропал тридцать шесть лет назад? Такой след будет трудно найти.

— Это правда, — согласился Пиковер. — Но мины станут хорошей зацепкой, согласись? — Он посмотрел на меня: два очень человеческих глаза

на раскуроченном лице. — Но всё же, полагаю, ты прав. В твоей профессии такой след назвали бы ледяным.

Я хотел сказать, что на Марсе других не бывает, но решил приберечь остроумие на потом. Всё равно другой работы у меня не намечалось, а висяки всегда были беспроигрышным вариантом: не раскрою дело — никто мне и слова не скажет, раскрою — и того лучше.

— Оплата как обычно, триста соларов в час плюс дополнительные расходы. — В прошлый раз я взял с него столько же; на сотню больше, чем с трансфера, который выдавал себя за Кассандру Уилкинс. Что тут сказать — у меня слабость к дамам в беде.

Пиковер не обрадовался. Впрочем, с его нынешним лицом я бы всё равно не заметил.

— Договорились, — сказал он. — Когда сможешь начать?

— Попридержи коней. Это ещё не всё.

— Да?

— Мне нужно изучить улики, как вы, палеонтологи, говорите, на местах.

— Ты хочешь съездить на Альфу?

— Как мне иначе работать?

Пиковер посмотрел на меня взглядом Голлума,

которого попросили примерить кольцо.

— Но мне нужно защищать окаменелости.

— Ты мне не доверяешь? — спросил я, захлопав ресницами.

— Ни капли, я бы сказал, уж прости, но… — Пиковер помолчал, и я не торопил. — Но, да, наверное, доверяю.

«Идиот», — пронеслось в голове, но вслух я сказал:

— Спасибо.

— Ты ведь понимаешь, насколько важны эти окаменелости для науки? — спросил он.

— О да, — ответил я. — Просто бесценны. — А потом одарил его лучезарной улыбкой, на какую хватило сил: — Разумеется, для науки.

Глава 12

Пиковер ушёл, и я приступил к расследованию. В первую очередь я проверил его слова; мина действительно оказалась «Кальдерой-7», произведённой в Малайзии. До того, как мне пришлось, кхм, «покинуть» матушку-Землю, я много где побывал, но туда меня жизнь не заносила.

Я нашёл полезный сайт с инструкцией по обезвреживанию подобных мин и тщательно его изучил. В самом центре диска находилось отверстие три сантиметра диаметром. Там скрывался выключатель, до которого можно было добраться с помощью щупа; от любого другого прикосновения мина взрывалась.

Я надеялся раздобыть доступ к клиентской базе «Бризанта»; даже подумывал обратиться к Хуану Сантосу. С Марса можно было получить доступ к земным компьютерам, только вот сигнал шёл туда от трёх минут до двадцати двух в прямой видимости, а уж если Землю от нас закрывало Солнце, то и того дольше. Хуан бы сошёл с ума так работать, поэтому наверняка обратился бы к какому-нибудь земному хакеру. Но «Бризант»

прекратили деятельность одиннадцать лет назад, и, учитывая, каким оборудованием они занимались, все записи о клиентах наверняка были стёрты тогда же.

К тому же никто не говорил, что они продавали товар напрямую. Мины могли быть куплены уже здесь, на Марсе. Судя по ветхому состоянию той, что принёс Рори, она пролежала в земле очень долго — возможно, пару десятков лет. Учитывая, что на Марсе постоянно кто-то банкротился, найти продавца я не надеялся. Но других зацепок не было, и потому я направился в центр: решил заглянуть к бравым защитникам Нью-Клондайка и узнать, не попадались ли им торговцы минами.

На входе за длинной красной стойкой дежурил сержант Хаксли, и я приподнял край невидимой шляпы.

— Ну и ну, Хакс, вот так встреча!

— М-да, повезло мне с тобой столкнуться, — сказал Хакс. — Как я рад.

— Нет-нет-нет, сэр, — ответил я. — Радоваться будешь, когда в моду снова войдут телеса!

— А ты, — сказал Хакс, в кои-то веки решив ответить, — будешь радоваться, когда в моду войдут бегающие глазки.

— Эй, — сказал я. — Глаза не трогать, частная

собственность. Я же частный детектив. Вон, даже на визитке написано.

— Гондон ты, — сказал Хаксли.

— Пользуюсь, бывает. А вот ты — прямо-таки во плоти.

Сегодня я буквально видел, как в голове Пиковера двигались шестерни; котелок Хаксли варил примерно так же туго.

— Топтун галимый, — нашёлся он наконец.

— Шпик.

— Сыскарь.

— Легавый.

— Шнырь.

Вот теперь я удивился. Интересно, он вообще понимал, что это слово значит? Если да, то нужно было ответить ему чем покрепче. Пока я подбирал выражения, входная дверь отворилась и в вестибюль вошёл Мак. Я обернулся к нему:

— Ого, Мак! Ты что же, на улицу выходил?

Он улыбнулся.

— Не совсем. Я только приехал. Водил дочку к врачу.

— Что, сам? — Я вскинул брови. — Это что же, полиции больше не нужен мальчик на побегушках в виде старого доброго Хаксли? — В голове шутка звучала лучше, чем вышла на самом деле,

и они оба просто уставились на меня. Сверчки, в отличие от многих других насекомых, так и не добрались до Марса; подозреваю, только поэтому я их сейчас не услышал. Я прочистил горло. — Ну ладно, Мак, можно тебя на пару слов?

— Вперёд, — ответил он, растягивая «р».

Он кивнул Хаксу, и сержант нажал на кнопку, открывающую внутреннюю чёрную дверь. Мы с Маком прошли по узкому коридору до его кабинета и устроились по обе стороны рабочего стола из полированного дерева — подделка, конечно, если Мак ещё совсем не продался.

— Чем могу помочь, Алекс?

Я достал планшет и показал фотографию пиковерской «Кальдеры-7».

— Один клиент тут наткнулся, пока разрабатывал пласт. Это мина.

Мак прищурился.

— Скорее, когда-то была. Сколько ей лет?

— Подозреваю, она осталась с начала Великой марсианской лихорадки. На Марсе такие вообще продаются? Её впаривали как взрывчатку для горных работ.

— Ну, в открытую точно нет. Но могу проверить. — Он обратился к компьютеру и попросил вывести на экран все записи, касающиеся мин и

взрывчатки. — Куча всяких несчастных случаев, связанных со взрывчаткой, — сказал он, вчитываясь, — но ничего про… так, погоди-ка. Вот это уже интересней. Выведи на стену.

На противоположной от двери стене, где раньше красовались шотландские луга, появилось изображение отчёта.

— Тридцать лет назад, когда только возвели купол, — сказал Мак, — на Марс прибыл корабль экспедиторов в гибернации. С ними были припасы, но один из ящиков плохо закрепили, и он повредился во время полёта. Рабочий, разгружавший корабль, заглянул внутрь и нашёл мины. — Мак указал на стену, увеличивая изображение, и я узнал в плоском диске такую же мину, что принёс мне Пиковер, только в нетронутом состоянии. — Это ведь та же модель, да?

Я кивнул.

— Её нашли уже под конец разгрузки, — сказал Мак. — Остальные припасы к тому времени разобрали. Вполне возможно, мин было больше, но наверняка уже не узнать, да и записей о передаче груза не сохранилось. Разумеется, за тремя найденными минами никто не явился.

Я снова кивнул.

— Что стало с кораблём?

Он махнул рукой, и на стене высветился ответ.

— Корабль «Б. Травен». Выведен из эксплуатации в… Так, нет. До сих пор летает, но под другим названием — «Кэтрин Деннинг». Владелец и оператор — компания «Внутрисистемные перевозки», подразделение межпланетной корпорации Слэпкоффа.

Такое ощущение, что прежнее название корабля мне где-то уже встречалось, но я никак не мог вспомнить, где именно.

— Дашь список экспедиторов, которые прибыли вместе с минами?

Я ожидал намёка позолотить ручку, но Мак сегодня был неожиданно щедр; видимо, у врача всё прошло хорошо.

— Ага. — Он снова махнул рукой, и на стене появился список пассажиров.

Я просмотрел имена, особенно задержавшись на секциях с У, В и Д, но Уиллемыа Ван Дайка в списке не оказалось. Что ж, не он один такой умный прибыл на Марс под чужим именем.

— Сколько всего пассажиров? — спросил я.

— Сто тридцать два, — услужливо подсказал компьютер Мака; меня всегда забавляло, что говор у него такой же густой, как и у владельца.

— Сколько мужчин?

— Семьдесят один.

— Можешь перекинуть мне полный список? Со всеми, включая женщин? — попросил я Мака.

Тот отдал компьютеру пару команд.

Конечно, Ван Дайк мог сменить пол, но даже Рори бы согласился, что чем проще теория, тем больше у неё шансов оказаться верной. Поэтому я решил исходить из предположения, что подозреваемых всего чуть больше семидесяти — хотя какое уж тут «всего». Потрудиться мне предстояло изрядно.

Глава 13

Вернувшись в кабинет, я развалился в кресле, снова забросив ноги на стол. Посетителей не предвиделось, поэтому я снял ботинки и носки — пора было дать несчастным проветриться. Имена мужчин-пассажиров «Б. Травена» отображались на настенном мониторе поверх старых обоев — чередования изумрудно-зелёных и карамельных полос, как в доме в Детройте, где мы с Вандой когда-то жили. Я не нашёл в себе сил выставить её фотографию открыто, но рисунок неуловимо напоминал о ней, и мне нравилось иногда ловить его краем глаза.

В списках «Б. Травена» не было пометок об искусственной или биологической природе его пассажиров, но во времена тех рейсов загрузка сознания стоила уйму денег. Те, кто мог позволить себе перенос, не торопились на Марс попытать счастья; с финансами у них и так всё было нормально. Значит, можно смело предполагать, что все пассажиры были обычными людьми.

За прошедшие годы тридцать два из них вернулись на Землю, а ещё тринадцать умерли; ни то

ни другое не мешало им оказаться Ван Дайком, но в первом случае затрудняло допрос, а во втором делало попросту невозможным. Поэтому я начал с оставшихся двадцати шести. В глаза сразу бросилось одно имя: Стюарт Берлинг; я беседовал с ним, когда расследовал пропажу Уилкинса. Охотник за ископаемыми, ставший трансфером в один день с Джошуа, — это он сменил себе внешность на точную копию Крикора Аджемяна, звезды голографического телевидения. В тот раз я представился ему сотрудником земного офиса «Нового Ты» и на нём же испытал трюк с отвёртками — элементарную проверку на кражу личности, так сказать.

Я решил в первую очередь наведаться к нему, так что снова обулся. В детстве я считал, что «топтунами» детективов называют из-за того, что они много топчутся в неблагополучных районах; так оно и было, но лишь отчасти. Людям моей профессии действительно приходилось много ходить, а для этого им нужна обувь на мягкой, как бы стоптанной подошве, позволяющей не шуметь при ходьбе. У меня тоже была такая — серо-коричневые ботинки, коробка из-под которых утверждала, что на самом деле цвет у них тауповый.

Я вышел из офиса, добрался до остановки трамвая, прокатился на нём до Третьей авеню на Седьмом кольце, нашёл краснокаменный дом Берлинга, позвонил в дверь и…

Мысленно присвистнул.

— Ах, да это же… мистер Ломакс, я правильно помню? — разомкнув пухлые губки, произнесла прелестная женщина с ангельским личиком.

Я моргнул.

— Лейси, неужто вы?

Она улыбнулась, демонстрируя белоснежные зубы.

— Каюсь.

В прошлую нашу встречу жена Берлинга была обычной простушкой лет шестидесяти. Но раз он сам загрузился в качка из телевизора, неудивительно, что и она выбрала нечто подобное. Мне, любителю старых фильмов, в первую очередь вспомнилась Вивьен Ли, но я подозревал, что под куполом о ней знали человека три, а то и меньше. Скорее, лицо и шикарная фигурка Лейси принадлежали Кайле Филине, сыгравшей Бриджид О'Шонесси в прошлогоднем бездарном римейке «Мальтийского сокола».

— Потрясающе выглядите, — сказал я.

Лейси покрутилась на месте, исполнив идеаль-

но сбалансированный пируэт.

— Вы тоже так думаете? — спросила она, снова сверкнув жемчужными зубками. — Не хотите войти?

Она пропустила меня, и дверь за нами захлопнулась.

— Ваш муж дома? — спросил я. В гостиной, как и прежде, всюду стояли рабочие столы, заваленные кусками красноватого камня.

— Нет. Он за куполом, зарабатывает на жизнь. — Она широко улыбнулась. — Будет не скоро.

— Хм. Я надеялся задать ему пару вопросов.

Её голубое платье так плотно облегало фигуру, будто было на ней нарисовано — а может, и правда было. Низкое декольте открывало достаточно, чтобы соблазниться большой, идеальной формы грудью.

— А как же я? — спросила она, уложив изящные руки на округлые бёдра. — Вы же работаете в «Новом Ты», верно? Обеспечиваете контроль качества? Как видите, я сама теперь трансфер. Ко мне у вас не будет вопросов?

Изначально я думал во всём сознаться и подробнее расспросить Берлинга о прибытии на Марс на «Б. Травене», но зачем без нужды лишаться неплохого прикрытия?

— Я и так вижу, — сказал я, — что мы проделали замечательную работу.

Лейси посмотрела вниз, оценивая своё тело.

— О да, выглядит просто великолепно. Именно то, на что я рассчитывала. Но я хочу убедиться, что всё работает должным образом. — Она подняла на меня взгляд аквамариновых глаз, прикрытых длинными тёмными ресницами. — Ну, знаете, пока тело ещё на гарантии.

— Наверняка вы с мистером Берлингом и сами, кхм, успели его опробовать.

— Да, да, разумеется, но он загрузился первым. У меня ещё не было возможности испытать новое тело с настоящим мужчиной. — Она приподняла ровные брови, и на лбу при этом не появилось ни единой морщинки. — Можно сказать, я снова девственница.

Именно в такие моменты и проявляется истинное лицо человека. Я стоял на развилке и думал: смогу ли я с чистой совестью взять с Пиковера деньги за время, которое проведу, занимаясь любовью с Лейси?

Она взяла меня за руку и отвела в спальню. Секс на Марсе просто потрясающий, если не запускать себя, а всё благодаря слабой гравитации. В невесомости, говорят, не слишком-то весело:

одно неловкое движение, и партнёр отправится кружиться по комнате. А вот треть от земной — самое то. Можно такой акробатикой заниматься, что земные порнозвёзды локти от зависти кусать будут. А уж когда на потолке над кроватью установлены поручни, как у Берлинга и его жены, и того лучше.

У меня уже был опыт с трансферами, но Лейси оказалась самой красивой из всех, да к тому же отличной любовницей. Я слышал, что среди биологических женщин красавицам изменяют чаще, чем дурнушкам, потому что дурнушки готовы ради партнёров на всё, а вот красотки — не очень. Лейси привыкла трудиться, чтобы мужчины не потеряли к ней интерес, хотя с новым телом могла заполучить любого. Весьма привлекательное сочетание.

Когда мы закончили — как хорошо, что Берлинг ушёл надолго, — я принял ультразвуковой душ, а она протёрла искусственную кожу замшей.

Задать вопросы о Берлинге не получилось: для этого нужно было признаться, что я не работаю в «Новом Ты». Я сомневался, что её это сильно расстроит, но решил не рисковать — в конце концов, она могла буквально оторвать мне голову. Вместо этого я просто попросил передать, чтобы он по-

звонил мне, когда вернётся. Но уже на выходе он сам позвонил ей. Я задержался, прислушиваясь. По его словам, раскопки дюн Рейнхардта прошли удачно, и сейчас он направлялся в магазин ископаемых Эрни Гаргаляна, чтобы продать находки. Я уже порядочно не заглядывал к Гаргантюану Гаргаляну, а потому решил перехватить Берлинга там; расспрашивать его в доме, где я кувыркался с его женой, было не слишком прилично.

Солнце садилось над Большим Сыртом, и небо постепенно тускнело. Но «Лавка старинныхъ диковинъ» работала и после заката: именно тогда старатели возвращались с добычей, и многие хотели продать её сразу, а не оставлять на ночь дома приманкой для воров.

Прогулка вышла приятной, и не только благодаря очаровательной Лейси, после которой с лица не сходила улыбка. Ходить по Марсу в целом было довольно легко, пока не приходилось забираться в скафандр.

Магазин Эрни располагался в центре, рядом с полицейским участком, что сразу показывало, кто здесь главный.

— Мистер Дваикса! — заприметив меня, провозгласил он в свойственной ему манере. — Чем обязан таким удовольствием?

Эрни Гаргаляну было шестьдесят пять; чрезвычайно толстый, он обладал к тому же массивными сиськами, которые не обвисали только благодаря слабой гравитации Марса. Его редеющие седые волосы были зализаны назад, а одутловатость бледного с карими, глубоко и близко посаженными глазами лица удачно скрывала большинство морщинок.

— Здоро́во, Эрни, — сказал я. — Стюарт Берлинг ещё не заходил?

— Сегодня? Нет. Всю неделю его не видел.

— Ну, значит, скоро будет. Не возражаешь, если я подожду?

Гаргантюан раскинул массивные руки, обводя выставочный зал широким жестом.

— Окаменелости — хрупкая штука, Алекс. Мне тут не нужны драки.

— Не волнуйся, Эрни, не волнуйся. Берлинг к тому же трансфер, а я не такой идиот, чтобы ввязываться в драку с человеком, у которого наверняка найдутся модификации для работы с камнями.

— А, точно, — сказал Гаргалян. — Он же теперь на актёра похож, да? Не понимаю я этого. — Он покрутил пальцем перед круглым лицом. — Если бы я менял себе тело, остался бы таким же. Новое

тело — другой человек.

Эрни звал меня «мистер Дваикса», потому что мои имя и фамилия оканчивались на эту букву, но тело ему бы понадобилось минимум в три икса, а я сомневался, что такие бывают в продаже. Но вслух говорить не стал; как показала практика — и два перелома носа, — некоторые остроты лучше держать при себе.

В лавку зашла биологическая женщина лет тридцати, таща за собой тележку на больших пружинистых колёсах. У меня в детстве была подобная — на Земле их обычно красили в красный, но здесь такие легко терялись бы на фоне марсианских равнин. Эта тележка, ядовито-зелёного цвета, была доверху завалена глыбами розово-серой породы, включая одну контрплиту, которую я опознал благодаря лекции Пиковера.

Название нашего городка восходило к Великой клондайкской золотой лихорадке, но там счастливчики уносили добычу в кулёчках. Окаменелости же скрывались в кусках породы; за добычу и подготовку образцов Эрни с работниками и брали тридцать пять процентов со сделок, которые заключали между старателями и земными коллекционерами. Отправлять на Землю породу, которую там бы всё равно выбросили,

было слишком дорого. Так что остатки вывозили за купол; к востоку их накопилась уже небольшая гора.

Эрни пошёл к старательнице, а я оглядел лавку. Выставленные окаменелости стоили миллионы, но за ними следили вездесущие камеры, да и никто в своём уме не стал бы красть у Гаргантюана Гаргаляна. Эрни был едва ли не главным толстосумом на Марсе, и за его богатством стояло немало охранников. На Земле миллионеры покупали особняки, яхты, частные самолёты. На Марсе яхты не нужны, зато дом у Эрни был, конечно, что надо — я видел его снаружи; он даже башни себе отгрохал, чёрт его раздери, — и самолёт тоже имелся, причём с невероятно широким размахом крыла. Помимо этого, на Красной планете я встречал всего три самолёта.

На стене у Эрни висела таблица: сравнение земных и марсианских геологических периодов. Конечно, возраст обеих планет составлял около четырёх с половиной миллиардов земных лет, но их истории сильно разнились. Доисторический период Земли делился на докембрийскую, палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую эры, а сейчас некоторые настаивали на введении новой, трансферозойской эры, которую Говард

Слэпкофф начал своей технологией переноса сознания. Но на метровой шкале этот период был бы таким тонким, что его получилось бы разглядеть разве что в микроскоп.

В свою очередь марсианский доисторический период делился на нойскую, гесперийскую и амазонийскую эпохи, названные, как любезно поясняли подписи у шкалы, по местности, где были найдены характерные для эпох породы. (И да, как это ни парадоксально, термин для датирующейся миллиардами лет до нашей эры эпохи действительно пришёл из места, названного Скиапарелли в честь Ноя.)

Жизнь на обеих планетах зародилась примерно одновременно — как только они в достаточной мере остыли, то есть около четырёх миллиардов земных лет назад. Но следующие три миллиарда лет Земля не могла похвастаться ничем, кроме одноклеточных микроскопических организмов, вплоть до начала палеозоя 570 миллионов лет назад.

А на Марсе уже через сто миллионов лет жили сложные макроскопические беспозвоночные с экзоскелетами. Все найденные здесь ископаемые датировались нойским периодом, охватывающим первый миллиард лет. К тому времени, как

на Земле появились первые многоклеточные, жизнь на Марсе уже сотни миллионов лет как вымерла; два корабля разошлись в космической ночи, так и не пересёкшись…

До ушей донёсся спор Эрни с женщиной.

— Не верю, чтоб они так дёшево стоили! — заявила она.

— Приношу свои искренние извинения, моя дорогая, — ответил он, — но лонгипес бедроссиани — самая распространённая из находок; они тут повсюду. И вот, видите? Надпереносье отсутствует. А у этого экземпляра только три целые конечности — не очень-то похоже на пентапода!

Они ещё немного поспорили, но в конце концов она согласилась на предложенную цену. Эрни дал ей квитанцию, и она ушла, бурча что-то себе под нос.

Раз уж Берлинг не торопился, я воспользовался возможностью прощупать почву.

— Ну что, — спросил я, стараясь ничем не выдать своего интереса, — как думаешь, найдут когда-нибудь Альфу?

Глаза Эрни, и без того утопающе в одутловатом лице, сузились ещё больше.

— А чего спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Тебя, мистер Дваикса, интересуют женщины. Выпивка интересует. Спорт. Окаменелости в список не входят.

— Зато деньги входят.

— Что есть, то есть. И, отвечая на твой вопрос, я очень в этом сомневаюсь. Помнится, как-то раз мы с Денни О'Райли решили пропустить по стаканчику, и он сболтнул, что вся Альфа размером с футбольное поле — земное то бишь.

— Но почему её до сих пор не нашли? Двадцать марсолет ведь прошло.

— Всё, что нам известно, — Альфа находится где-то на равнине Исиды, а равнина Исиды — это дно кратера диаметром в полторы тысячи километров. Она размером с земной Гудзонский пролив; это триста миллионов футбольных полей, если не больше. Уж сколько сюда налетело старателей, но они до сих пор не исследовали равнину полностью. А это, мой мальчик, огромные участки, куда не ступала нога человека. Чёрт, да «Бигль-два» до сих пор не нашли, а он даже не захоронен!

— «Бигль-два»? — переспросил я.

— Британский зонд. Он сел на равнине Исиды ещё в две тысячи третьем, но так и не вышел на связь.

— А он ценный?

— Для фанатов космоса — да, конечно, если он совсем вдребезги не разбился. Я бы с радостью нашёл покупателя на обломки, принеси мне их кто-нибудь.

— Поискать, что ли. Окаменелости я искать не умею, а вот обломки — это по мне.

— Бог мне свидетель, на них можно неплохо подзаработать, — сказал Эрни. — На Марсе обломков навалом.

— Да?

— Ищи — не хочу. Денни с Саймоном прилетали сюда на двухступенчатых кораблях, как старый «Аполлон» для лунных миссий, только значительно больше. Нижняя ступень посадочная, верхняя взлетная. Правда, в отличие от лунных модулей, обе ступени были пригодны для жизни. В общем, подъёмных ступеней здесь нет, разумеется — они улетели на Землю. Первые две действительно попали в руки коллекционерам — всё-таки это первые корабли, доставившие людей на Марс! Третья сгорела при входе в атмосферу, как ты прекрасно знаешь.

— Ага. А что случилось с посадочными ступенями?

— Две из трёх нашли. Первую ты, наверное, и

сам видел. Она всё ещё стоит там же, где приземлилась, хотя сейчас от неё остался только каркас — мародёры всё разобрали. То, что она здесь, на Исиде — верный признак, что и Альфа должна быть недалеко. Денни с Саймоном, разумеется, никому о ней не сказали. Но это «недалеко» может оказаться в сотне, если не в тысяче километров от места первоначальной посадки. Марсоходы, которые они брали в ту миссию, вполне позволяли уехать подальше.

— А что со ступенью второй миссии? — спросил я.

— Они разбили её в четырёхугольнике Эолиды.

— Далековато.

— Вот-вот. Понимаешь, Денни с Саймоном производили ракетное топливо прямо здесь, пользуясь местными материалами. И на взлётной ступени не останавливались — насколько могли, заливали баки посадочной. Когда они взлетали и оставляли посадочную ступень на земле, то посылали сигнал её бортовому компьютеру запустить двигатель и лететь горизонтально, насколько хватало топлива, чтобы скрыть место первоначальной посадки. Как я и сказал, первый раз они могли приземлиться в сотнях километров от

Альфы. Но во второй, скорее всего, сели вблизи и пользовались кораблём как базовой станцией.

Я кивнул.

— Поэтому в итоге и передвинули.

— Именно.

— А куда делась посадочная ступень третьего корабля?

— Одному богу известно, что с ней сотворили. Но если она цела, то определённо чего-то да стоит.

В этот момент в лавку вошёл Стюарт Берлинг. Лицо у него теперь было запоминающееся, а вот я ему, видимо, не запомнился, потому что, в отличие от жены, он совершенно меня не узнал. Он взглянул на меня с подозрением, но все старатели страдали паранойей. Женщина, заглянувшая ранее, смотрела так же; ни один охотник за ископаемыми не хотел, чтобы другие узнали, где он нашёл добычу.

— Мистер Берлинг, — сказал я и протянул ему руку, которой совсем недавно касался нового совершенного тела его жены. — Какой приятный сюрприз.

— Мы знакомы?

— Александр Ломакс. Я заглядывал к вам узнать, довольны ли вы своим новым телом.

Эрни наблюдал за нами с тихим весельем, но ничего не сказал.

— А, — произнёс Берлинг. — Точно.

— Я бы хотел задать вам ещё несколько вопросов, но по другой теме. Позволите?

— Я же сказал, меня устраивает работа «Нового Ты». Нам нечего обсуждать, а у меня дело к мистеру Гаргаляну.

— Я готов подождать.

Он нахмурил брови.

— Какой-то вы подозрительный, Ломакс.

И это говорит мужик, нацепивший чужое лицо.

— Нет-нет, что вы, — сказал я. — Я просто наёмный исследователь. Раньше работал с «Новым Ты», а сейчас заключил контракт с Историческим обществом Нью-Клондайка. — Я не знал, существует ли это общество на самом деле, но вышло вроде правдоподобно.

— И что вам нужно?

— Насколько я понимаю, корабль, на котором вы прибыли, назывался «Б. Травен». Я…

Он бросился на меня. Я уклонился, и он, промахнувшись, врезался в стеллаж Эрни. Тот покачнулся, и каменная плита, соскользнув, полетела вниз с типичной для Марса медлитель-

ностью. Но Гаргантюан Гаргалян, удивительно проворный для человека его размеров, поймал её прежде, чем она достигла пола.

— Прекратите! — потребовал он, возвращая окаменелость на стол.

Толку от этого было мало, но я всё равно выхватил пистолет и наставил на Берлинга, а тот ткнул в мою сторону искусственным пальцем.

— Он первый начал! — рявкнул он.

— Что? — спросил я. — Что я такого сделал?

Берлинг посмотрел на меня со всей яростью, на которую было способно лицо актёра.

— Да как ты смеешь об этом упоминать! Как ты смеешь, чёрт тебя раздери! — Руки, сжатые в кулаки, не дрожали; видимо, тело трансферов не реагировало на ярость.

Даже Эрни теперь был на его стороне.

— Мог бы и догадаться, что не стоит упоминать «Травен» при выжившем, Алекс. Думаю, тебе лучше уйти.

Я посмотрел на них: щеголеватый красавец-трансфер и старый толстяк выглядели так, будто застали меня без штанов в шлюзе. Я убрал пистолет в кобуру и направился к выходу.

Глава 14

Днём по улицам Нью-Клондайка расхаживали самые разные люди, хотя большинство предпочитало трамваи. Но по ночам порядочные граждане сидели дома, особенно если жили подальше от центра. Я, разумеется, к порядочным не относился. На ночных улицах попадались и проститутки, занимающиеся своим ремеслом, и подростки — дети неудачливых старателей, которым не на что было жить, — слоняющиеся без дела в поисках того, что могло бы развеять их скуку, будь то прохожий пьяница или подвернувшийся под горячую руку магазинчик.

Тем не менее, в одиннадцать вечера свернув на Четвёртую авеню по пути к Диане, я не ожидал неприятностей. В конце концов, большая часть городской шелупони знала меня в лицо — и знала, что лучше ко мне не соваться. Но даже незнакомец вряд ли счёл бы меня лёгкой добычей: по сравнению с большинством местных я был достаточно мускулистым. Но на пересечении Третьего кольца дорогу мне загородил крепкий с виду пацан лет восемнадцати в чёрной футболке

и с движущейся на щеке татуировкой гремучей змеи.

— Гони деньги, — сказал он.

— А если я не хочу? — поинтересовался я, нащупывая верный смит-вессон.

— Зарежу, — он щёлкнул выкидным ножиком.

— Попробуй, — сказал я, доставая пистолет второй раз за час; ещё не рекорд, но уже близко, — и я тебя пристрелю.

— Отлично, — заявил пацан. — Вперёд и с песней.

И, к моему изумлению, он раскинул руки и бросил нож, который с типичной для Красной планеты ленцой повалился на оплавленный реголит тротуара.

— Ну ладно, — сказал я, не опустив пистолет, — считай, ты меня заинтересовал. С чего это ты ищешь смерти?

— А ничего больше не остаётся, мужик. Я в заднице.

— Давно на Марсе?

— Полтора месяца. Слил всё, чтобы сюда добраться.

— Откуда ты?

— Из Чикаго.

Я бывал в Чикаго, когда жил на Земле; пони-

маю, почему он хотел оттуда убраться. Держа его на мушке, я наклонился и поднял нож. Отличный, с резной бордовой рукоятью — я заглядывался на такой в магазине на Десятой, когда мы ходили туда с Дианой. Убрав лезвие, я сунул его в карман.

— Эй, мужик, он мой, — сказал пацан.

— Был твоим, — поправил я.

— Но он мне нужен. Я им зарабатываю. Мне нужно есть.

— Попробуй поискать окаменелости. Тут каждый день кто-нибудь срывает миллионы.

— Пробовал. Не получилось.

Это я мог понять. Пошарив в кармане, я нашёл монету в двадцать солов и подбросил. Любой, кто долго прожил на Марсе, поймал бы её с лёгкостью, но он действительно был совсем новичком: его рука сомкнулась в воздухе гораздо ниже монеты.

— Купи еды, — сказал я и пошёл дальше.

— Эй, — окликнул он. — А ты нормальный мужик!

Не оборачиваясь, я приподнял шляпу.

* * *

Как я и говорил, наше с Дианой общение сложно было назвать полноценными отношениями, и мне хватало прозорливости заметить, что она

уже месяц регулярно встречается с кем-то ещё. Я не знал с кем, но меня всё устраивало.

Из-за пацана я слегка задержался, и когда добрался до «Гнутого зубила», она уже натянула свой топ.

— Привет, — сказал я, наклоняясь за коротким поцелуем.

— Привет, Алекс.

— Готова?

— Ага.

Мы пошли обратно: Диана жила в четырёх кварталах отсюда. Паренёк уже успел скрыться, поэтому я не счёл нужным рассказывать о стычке, но когда мы добрались до маленькой — даже меньше моей — квартирки Дианы и я притянул её ближе, она спросила:

— Это пистолет у тебя в кармане, или ты просто рад меня видеть?

Я подумал: знает ли она, что перефразировала Мэй Уэст?

— Вообще-то, — сказал я, улыбаясь, — это нож.

Я достал его и рассказал, как он у меня появился.

— Ух ты, — выдохнула она. — Красивый.

— Ага. Отличный сегодня день.

Теперь уже она улыбнулась.

— И будет отличная ночь.

Мы прошли в крохотную спальню. Мою предыдущую встречу с Лейси можно было назвать весьма атлетичной, но с Дианой у нас всегда был нежный, игривый секс. Она провела на Марсе с десяток лет, и это сказывалось на мускулатуре, типичной для местных долгожителей. Я не мог вернуться на Землю по юридическим причинам; Диана застряла здесь, потому что не вынесла бы земной силы тяжести. Но как-то мы всё же справлялись; и тогда, и сейчас. И я был искренне рад её видеть.

* * *

Никакого Исторического общества в Нью-Клондайке не оказалось, но оно и понятно — такие вещи не создаются, пока творится история. Утром я отправился на верфь и в первую очередь заглянул в главный офис — лачугу между двумя брошенными тушами кораблей. Начальником верфи была Берта, хриплая старая баба с ёжиком почти белых волос.

— Привет, красавица, — сказал я на входе. Мелькнула мысль: вот почему «привет, красавица» люди всегда воспринимают всерьёз, а если скажешь «привет, гений» — решат, что это

издёвка?

— Привет, Алекс. Что нового?

— Да вот, работа появилась.

— Только без драк, ладно?

— Да почему все так уверены, что я начну драться?

— Два слова: «Джим Скукум».

— Ладно, уела. Но меня сегодня интересует другой корабль.

Она жестом указала на экран компьютера.

— Какой?

— Некий «Б. Травен».

— Господи, — сказала она.

— Что?

— А ты не знаешь?

— Чего не знаю?

— Про «Травен».

— А что с ним?

— Это ж корабль смерти.

Я вскинул брови.

— В смысле?

— Как ты попал на Марс?

— Я? Прилетел на дешёвом лайнере. Не помню, как назывался. «Сагет», «Сагино» — что-то такое.

— «Саган»?

— А, точно.

— Хороший корабль. Уже восемь рейсов на счету.

— Верю на слово.

— И долго вы летели?

— Господи, да не помню я.

— Вот именно. Ты и не должен помнить, потому что на «Сагане», да и практически везде, используют гибернацию. Погружают пассажиров в криосон, а по прибытии на Марс размораживают. Такие корабли летают по гомановской траектории — она требует мало энергии, зато очень много времени. Время в пути, если вылететь в оптимальный момент, составляет двести пятьдесят восемь земных суток, но для пассажиров всё проходит в мгновение ока. На «Травене» была такая же система — все спят, и только боумен следит за порядком.

— Боумен?

— Человек, который не спит в полёте и присматривает за пассажирами. Назвали вроде в честь какого-то Боумена из старого фильма.

— А, понятно, — сказал я; этого Боумена я знал. — Но что-то пошло не так?

— О, ещё как. Боумен свихнулся. Будил пассажиров по одному и насиловал. К тому времени, как им удалось послать весточку в Лунапорт,

было поздно. Орбитальная механика — штука такая; перехватить корабль, несколько месяцев идущий к другой планете, практически невозможно. Шумиха тогда стояла невероятная, но… тебе сколько лет?

— Сорок один.

— Ты тогда был совсем ребёнком.

— Дугал Маккрей из полиции тоже не вспомнил, — сказал я, оправдывая своё невежество; не представляю, как я пропустил это в школе. Наверное, была пятница. Кто вообще оставляет на пятницу такие важные темы?

— Ну так Мак примерно твоего возраста, — заметила Берта, оправдывая и его.

— В общем, понятно, почему один мужик на меня набросился, когда я об этом заговорил. Он был на том корабле.

— А, — сказала Берта. — Тебе-то от него что понадобилось? Ты даже не знаешь про «Травен», уж явно не информацию собираешь, как некоторые.

Естественно, я тут же навострил уши.

— Некоторые?

— Да есть тут… писака.

Я моргнул.

— У нас есть местный писатель?

— Эй, Нью-Клондайк — это не только «Гнутое

зубило» да «Герти Бриллиантовый зуб».

— Да, ещё есть зал Галли, — сказал я. — Про зал Галли не забывай.

Берта фыркнула.

— Ты слышал про Ставроса Шопацкого?

— Он первым сколотил состояние на ископаемых. Ну, после Вайнгартена и О'Райли.

— Именно. Он купил у Говарда Слэпкоффа кучу земли под куполом. Но ещё он писал приключенческие романы; мой отец ими зачитывался. В общем, он завещал, чтобы один из его домов отошёл писателям как место для работы и отдыха. Авторы с Земли подают заявки на поездку, им оплачивают все расходы, и они прилетают сюда писать всё, что хотят. Обычно проводят здесь где-то полгода, а потом возвращаются.

— Понятно, — сказал я.

— Сейчас вот книгу о «Б. Травене» пишет.

— Насколько я понимаю, корабль до сих пор перевозит пассажиров, только под другим названием, — сказал я.

— Серьёзно? — ответила Берта. — Под каким?

— «Кэтрин Деннинг».

— А, так это «Травен»? Интересно. Да, она ещё в строю. — Берта посмотрела на монитор. — Летит сюда, кстати. Должна прибыть в пятницу.

— Скажешь, когда приземлится? Хочу на неё посмотреть.

— Ты так и не сказал, что у тебя за интерес.

По тону стало понятно: пока я не почешу ей спинку, она не почешет мне. Поэтому я ответил:

— Я ищу груз, который прилетел с Земли, ещё когда она ходила как «Б. Травен».

— С того времени лет тридцать прошло. Уверен, что на борту остались зацепки?

Я улыбнулся.

— Попытка не пытка.

* * *

Мой кабинет находился на втором этаже двухэтажного здания. Вместо шаткого лифта я всегда поднимался по лестнице, и когда вышел на площадку в этот раз, увидел в конце коридора мужчину. Он мог прийти к кому угодно, но…

Господи.

Ну, не совсем. Этот парень выглядел получше Иисуса, но у него были такие же длинные волосы, короткая борода и худое лицо, часто попадающееся на витражах.

Это был Стюарт Берлинг — если, конечно, по какой-то причине на Марс не заглянул настоящий Крикор Аджемян. Причины заявиться ко

мне у него было две: либо выбить всю дурь за упоминание «Б. Травена», либо выбить всю дурь за интрижку с женой. Поскольку осторожность всегда сопутствует храбрости, я развернулся обратно к лестнице. Но — чёрт побери! — он заметил меня.

— Ломакс! — донеслось мне в спину из коридора.

Я прыгнул, разом перескакивая пролёт. Грохот моего приземления эхом разнёсся по лестничной клетке. Развернувшись, я бросился бежать, одним махом преодолев второй пролёт, но на ногах андроида Берлинг был быстрым, как ветер. Заглянув вверх с первого этажа, я заметил его в дверном проёме второго и выскочил в грязный подъезд, чуть не столкнувшись с пожилой женщиной.

— Осторожней, сынок! — бросила она мне.

Автоматическая дверь не привыкла к такой прыти и не успела вовремя отъехать в сторону. Я врезался в неё плечом, больно до чёртиков, но выскочил из дома и заозирался. Бежать можно было вправо и влево; выбрав лево, я понёсся по улице.

Бегать на Марсе — совсем не то же, что на Земле: если ноги приличные, можно отталкиваться

на несколько метров за шаг, большую часть времени проводя в воздухе. Людей на улице было немного, и я изо всех сил старался лавировать между ними, но в прыжке не так-то просто изменить траекторию, и в конце концов я в кого-то врезался. К счастью, это был трансфер; от удара он шлёпнулся на металлический зад, но не пострадал, хотя крикнул мне в спину нечто гораздо менее вежливое, чем «осторожней, сынок». Поднимаясь, я успел оглянуться. Берлинг не отставал.

Я свернул влево, потому что надеялся добраться до остановки трамвая. Мои лёгкие не выдержали бы раньше, чем у Берлинга кончился бы заряд; если бы я успел заскочить в трамвай и уехать, он бы до меня не добрался, но…

…но транспорт никогда не приходит, когда он нужен. Остановка маячила впереди абсолютно пустая; видимо, чёртов трамвай только что ушёл.

Я побежал дальше. Впереди показался убогий кабак «Бар Сум» — владелец, видимо, решил проявить остроумие. Дверь открылась, и из неё вышел не кто иной, как пацан, пытавшийся ограбить меня прошлой ночью. Поболтать не получилось: я и так задыхался, но парень явно

меня узнал. Обернувшись, он заметил Берлинга, несущегося за мной сломя голову, и…

…и, видимо, поставил ему подножку, потому что за спиной раздался грохот и такая брань, что любой моряк бы смутился, если б на Марсе были моряки.

Я остановился, обернулся и посмотрел на Берлинга, пытающегося подняться.

— Ломакс, чёрт тебя побери! — крикнул он, даже не запыхавшись. — Я просто хочу поговорить!

Несмотря на внезапную подмогу, я всё равно не хотел драться с высококлассным трансфером. Конечно, был шанс, что он потратил все деньги на внешность — интересно, Крикор Аджемян получал с этого отчисления? — но, подозреваю, в силу он тоже вложился, так что лучше было перестраховаться.

— На… тему? — крикнул я, задыхаясь.

— Ты спрашивал о… том корабле, — ответил он, не желая произносить ненавистное название.

Я упёрся руками в колени, пытаясь восстановить дыхание. Неужели нельзя было позвонить и назначить встречу?

— Ладно, — выдохнул я. — Хорошо. — Я пошёл обратно, ловя на себе взгляды прохожих, и в знак

благодарности кивнул пацану. Одежда Берлинга покрылась красной марсианской пылью от встречи с тротуаром, но в остальном он выглядел великолепно; даже причёска не растрепалась. Интересно, как так получилось? — Что ты хотел мне сказать?

Он покосился по сторонам, оглядывая зевак, и помотал головой.

— Не здесь, — сказал он. И с раздражением добавил: — Я надеялся поговорить в офисе.

Уж сколько моих земных коллег застрелили в их собственных офисах…

— Нет, — сказал я. — Знаешь «Гнутое зубило»?

— Та дыра? — спросил Берлинг; видно, и правда знал. Но он кивнул: — Ладно.

Подумав, я решил, что нам обоим нужно остыть — и в прямом, и в переносном смысле.

— Встретимся через двадцать минут, — сказал я.

Он кивнул, развернулся и пошёл прочь. Я посмотрел на парнишку:

— Как тебя звать?

— Дирк, — ответил тот.

— Н-да, — сказал я. — И ты грабишь людей с таким именем?

— И что дальше?

Я помотал головой:

— Ничего. Деньги ещё нужны?

Он кивнул.

— Я частный детектив. Мне пригодится подмога на случай, если ситуация с Берлингом накалится. Плачу двадцать солов в час, не больше.

Гремучая змея на его щеке тряхнула хвостом.

— Лады, — сказал он. — Я в деле.

Глава 15

При виде нас с Дирком Баттрик подозрительно сощурился. Он открыл было рот — видно, машинально хотел потребовать оплатить долг, — но закрыл его, осознав, что я в последнее время непривычно расторопный.

— Скоро заявится смазливый трансфер, — сказал я. — Длинные волосы, короткая бородка. Отправь его к дальнему столику, ладно?

— Ладно, — сказал Баттрик, с видом типичного бармена протирая стакан. — Только без драк.

Я всплеснул руками.

— Надо было один раз подраться!..

Мы с Дирком направились в дальний угол. Я любил этот столик, потому что он соседствовал с кухней, откуда можно было выбраться в переулок; всегда полезно иметь в запасе путь отступления. А ещё на столешнице здесь была вырезана моя любимая надпись: «Вернусь через десять минут. Годо».

Мы сели за стол лицом к остальным посетителям бара: Дирк около стенки, я с краю. К нам подошла Диана; я поднялся и тут же её обнял.

Пристав, она поцеловала меня в щёку.

— Привет, детка, — сказал я.

От меня не ускользнуло, с каким удовольствием Дирк поглядывал на убойную грудь Дианы, пока мы разговаривали.

— Привет, милый, — ответила она, тепло мне улыбнувшись; улыбка у неё была замечательная. Я убрал каштановые пряди, лезущие ей в глаза. — Рада тебя видеть.

— Я тоже, — ответил я и быстро поцеловал её в губы.

Диана украдкой оглянулась на Баттрика — проверяла, не наблюдает ли он. Он наблюдал. Она вновь улыбнулась мне и спросила:

— Тебе как обычно?

Я кивнул, и она обратилась к Дирку:

— А тебе, тигр?

Дирк помедлил. Я знал это чувство: момент, когда вроде как должен что-то заказать, но не можешь себе позволить.

— Я угощаю, — сказал я, возвращаясь за столик.

— Пиво, — попросил он.

— Местное или импортное?

— Местное, — ответил я. С ума-то сходить не надо.

Местных сортов было три, все синтетические. Диана перечислила их, как я понял, в порядке убывания дрянности. Дирк снова помедлил; новичок на Марсе, он ещё не успел выучить марки.

— Принеси ему «Вильгельма», — сказал я. Довольно забавное название, если знать историю Марса; Вильгельм Бер с напарником ещё в 1830-м изготовили первый глобус Красной планеты.

Диана ушла, покачивая бёдрами. Я проводил её взглядом, да и Дирк наверняка тоже. Из динамиков лился блюз; кажется, Мадди Уотерс.

— Когда появится Берлинг, — сказал я пацану, — глаз с него не спускай. Не знаю, что он задумал, но человек он вспыльчивый.

— А вот и он, — заметил Дирк.

Двадцать минут ещё не прошло, что настораживало только сильнее; Берлинг мог специально приехать пораньше, чтобы спланировать пути отхода. Баттрик указал в нашу сторону. Берлинг кивнул и пошёл к нам, не удостоив подвернувшуюся ему на пути Диану и взглядом — ну, что сказать, он спал с Вивьен Ли. Добравшись до нас, он сел. Хорошо, что нас разделял стол — он не смог бы схватить меня за шею или ударить.

— А это кто? — спросил он, кивком головы Крикора Аджемяна указывая на Дирка.

— Мой помощник, — ответил я и, пока Берлинг не успел возразить, продолжил: — Ты хотел обсудить… тот корабль.

Он кивнул.

— Ты просто напугал меня у Гаргаляна, вот я и отреагировал машинально. — Он смотрел мимо меня, на круглое окошко в кухонной двери. — Знаешь, когда я пришёл в «Новый Ты», я хотел попросить их отредактировать память при переносе, но они сказали, что это невозможно. Я бы отдал все окаменелости, лишь бы забыть, что там случилось, и никогда больше не вспоминать.

В этот момент появилась Диана с моим джином и пивом Дирка.

— А что для вас? — спросила она Берлинга.

Тот посмотрел на неё пустым взглядом. Алкоголь не действовал на трансферов, и они редко его покупали; у них были свои способы расслабиться и заглушить боль. «Мы здесь таких не обслуживаем», — мог бы сказал Баттрик и не соврал бы, но только потому, что они сами практически не заходили.

— Ничего, — ответил он.

Диана ушла; в этот раз я не стал провожать её взглядом.

— Я не знал истории корабля, когда заводил

разговор, — сказал я. — Мне очень жаль.

Берлинг нахмурился.

— То, что нам пришлось пережить на борту «Травена»... — здесь, в тёмном углу, он всё же нашёл в себе силы произнести название вслух, — это был сущий кошмар.

Я отпил джин.

— Вы поймите, — продолжал Берлинг. — Мы ведь были совсем молодыми ребятами. — Он глянул на Дирка: — Такими, как ты. Кто-то хотел заработать, кто-то искал приключений, кто-то просто хотел улететь с Земли. Мы знали, что будет непросто, но думали, что только на Марсе. — Он помотал головой. — Знаете, почему я здесь? Почему не улетел за все эти годы? А я просто боюсь космических кораблей — не могу заставить себя на них подняться. И никогда не смогу. А всё из-за того, что случилось на «Травене».

Я попытался отнестись к ситуации с оптимизмом.

— Ну, зато сейчас всё хорошо, — сказал я. — Видимо, разбогатеть всё-таки получилось, раз вы с женой смогли позволить себе по новому телу.

— Да, наконец-то мне повезло. Нашёл парочку новых ризоморфов; за неизвестные науке таксоны всегда хорошо платят.

— Рад за тебя. Мне с окаменелостями никогда не везло.

Он положил идеальные руки на исцарапанную столешницу.

— Ну, так что конкретно тебя интересует?

— Недавно всплыл груз с борта «Травена»…

— Груз? — Берлинг сощурился и кивнул: — А. Мины, значит.

Я сохранял невозмутимость.

— Тебе что-то о них известно?

— Уже после приземления до меня дошли слухи, что их обнаружили в грузовом отсеке.

— Так, — сказал я.

— Господи, знал бы заранее — сдетонировал их бы ещё в полёте. Что угодно, лишь бы это закончилось.

Я допускал мысль, что сам Берлинг и пронёс их на борт; в конце концов, у него явно был доступ к первоклассным окаменелостям, что могло означать Альфу. Но, судя по состоянию неразорвавшейся мины, которую притащил Пиковер, они были заложены очень давно, а Берлинг разбогател совсем недавно.

— Ты не знаешь, кто их принёс?

— В то время не знал. Говорю же, я даже не подозревал об их существовании. Но потом, когда

мы уже добрались, да, я догадался. Это был… — Он осёкся.

— Кто? — спросил я, приподняв брови.

Берлинг склонил голову.

— Откуда ты знаешь, что у моей жены новое тело?

О, чёрт.

— Я провожу контроль качества для «Нового Ты», говорю же. Увидел её в списке клиентов, которых нужно опросить на следующей неделе.

— Ничего подобного, — сказал Берлинг. — Я недавно заходил в «Новый Ты», вносил мелкие изменения. Попутно спросил о тебе нового владельца, Фернандеса. Он тебя узнал, но сказал, что ты на него не работаешь и что на самом деле ты расследовал исчезновение прошлого владельца, Джошуа Уилкинса, который загружался со мной в один день. Но когда ты ко мне приходил, Лейси ещё не была трансфером.

— Я работаю на головной офис Земли, — ответил я. — Я к вам заглядывал, но тебя не было дома.

Он сощурился.

— А Лейси не говорила.

— Ну да ладно, — легко перевёл тему я, — так кто, говоришь, принёс взрывчатку на «Травен»?..

Но было поздно. Берлинг поднялся. У него не было повода наброситься на меня здесь и сейчас, но подозрений хватало.

— Как знал, что не стоит тебе доверять, Ломакс, — сказал он и вышел.

Я залпом осушил джин. Дирк промолчал, и правильно сделал.

Глава 16

Я заплатил Дирку положенные двадцать соларов, и мы разошлись по своим делам. Я, однако, не стал возвращать отобранный нож; подозревал, что он мне и самому пригодится — наряду с телефоном, планшетом и револьвером.

Было жаль расставаться с Берлингом, не получив нужную информацию, но раз наш местный писатель интересовался «Травеном», он мог знать, кто пронёс мины на борт. Я решил заглянуть к нему: культурный досуг никому не помешает. Для этого пришлось сесть на антигравитационный трамвай — Дом Шопацкого, это писательское прибежище, находился далеко на севере, у самого шлюза.

Я ожидал увидеть невзрачного академика типа Пиковера, но когда зелёная дверь распахнулась, передо мной предстала статная биологическая женщина чуть моложе тридцати с безупречной смуглой кожей, сексуальными карими глазами под длинными ресницами и шикарной каштановой гривой волос, ниспадающих ей на плечи. Единственное, чем она хотя бы отдалённо напо-

минала писателя, — это самые настоящие очки, которые встречались мне на Марсе впервые.

— Здравствуйте, — сказал я, широко улыбаясь. — Я Александр Ломакс. Слышал, вы пишете книгу?

— Пытаюсь, — прохладно ответила она. — Я прилетела сюда за тишиной и покоем. — Она скрестила длинные руки на прелестной груди. — Но ко мне ходят, как на паломничество.

— Простите. Я хотел позвонить заранее, но не нашёл в справочнике Дом Шопацкого.

— В этом и смысл.

— Вы ведь пишете о «Б. Травене», я правильно понимаю?

Её тон слегка потеплел.

— Да.

— Я частный детектив. Расследую одно дело, где был замешан корабль.

— Я правда ревностно охраняю своё время, мистер Ломакс. Но как писатель в своих исследованиях я часто прибегаю к помощи других людей — профессоров, докторов, учёных и прочих профессионалов. Поэтому, дабы сохранить кармическое равновесие, я всегда готова протянуть руку помощи — но только тем, кто не пренебрегает своими обязанностями. — Она

воззрилась на меня поверх очков; такой взгляд казался мне сексапильным и в старых фильмах, и в жизни. — Невежливо тратить время человека, задавая вопросы, на которые можно ответить самостоятельно. Так что давайте посмотрим, выполнили ли вы домашнюю работу. Почему корабль назывался «Б. Травен»?

В «Гнутом зубиле» иногда собирались любители викторин. Раньше я посмеивался над ними — какой смысл запоминать лишнее, если всегда можно подглядеть в телефоне? Но название действительно что-то напоминало, и…

И те, кто говорил мне бросать тратить время на фильмы, могут заткнуться.

— В честь Б. Травена, — сказал я, — автора романа «Сокровища Сьерра-Мадре», по которому был снят одноимённый фильм.

Соблазнительные губы изогнулись в улыбке, и мы одновременно выпалили:

— «Значки? Нам не нужны вонючие значки!» — Она улыбнулась ещё шире, и я добавил: — Конечно, это неправильная цитата. На самом деле Золотая шляпа сказал: «Значки? У нас нет значков. Нам не нужны значки. Мне не нужно показывать вам вонючие значки!»

Она кивнула.

— Как и «Сыграй ещё раз, Сэм». Этой фразы тоже не было в фильме.

Я изобразил Богарта, который вряд ли производил впечатление в наши дни:

— «Сыграй, Сэм. Ты сыграл для неё, сыграешь и для меня. Если она смогла выдержать это, и я смогу».

— Мистер Ломакс, — сказала она, отступая и жестом указывая на дверь, — не хотите войти?

«Сдаётся мне, это начало прекрасной дружбы», — хотел процитировать я, но решил, что пока слишком рано.

Внутри Дом Шопацкого выглядел крайне уютно. Мебель на Марс обычно не доставляли, а печатали прямо здесь, но тут я заметил настоящее дерево. Из него был сделан в том числе… Я покопался в памяти, подыскивая название: стол с выдвижной крышкой, точно — я такие видел только в кино. На нём стоял красный куб десять на десять; домашний компьютер. Проклятые жестянки можно было сделать и меньше, но тогда люди их просто теряли бы.

Обнаружилась и другая мебель, которую я ни разу не видел в реальной жизни: шкаф для бумаг. Был бы такой у меня, я бы хранил в нём выпивку; даже не знаю, у кого ещё остались бумажные

папки.

Я понимал, что мне повезло с её маленьким тестом. Я видел тот фильм сотни раз, а в те времена в титрах указывали только самые главные имена, а не всех подряд ассистентов да техников по голографии. Имя автора я приметил из-за единственного инициала: «Б. Травен». Фильм, повествующий о поисках золота в Мексике, действительно интересно перекликался с охотой за окаменелостями на Марсе.

Но если бы роскошная писательница спросила нечто более тривиальное — «Как меня зовут?» — я бы не ответил. К счастью, детективные способности помогли, поскольку обнаружился ещё один шкаф, который я никогда не видел используемым по назначению: книжный. Обычно на полках стояли диковинки, предметы искусства или — особенно здесь, на Марсе, — интересные камни и окаменелости. Но этот, из красновато-коричневого дерева нехарактерного для местных материалов тёплого оттенка, был частично заставлен настоящими печатными книгами — без сомнения, это самое большое собрание на Марсе.

Первые две полки занимали тома Ставроса Шопацкого с броскими названиями вроде «Своенравный спаситель», «Берега смерти» и «Вольные

пираты». Остальные книги тоже были сгруппированы по авторам, но не в алфавитном порядке. Хаякава, Чавес, Торков, Коэн.

— Это всё писатели, которые здесь проживали? — спросил я.

— Да, — ответила она, кивнув прелестной головкой. — В качестве личных вещей мы обязаны привезти с собой не менее пяти килограммов собственных книг. Если они существуют только в электронном формате, нужно напечатать физические копии.

Мой взгляд остановился на второй снизу полке. Она была наполовину пуста, а книги подпирала странная маленькая штуковина, похожая на перевёрнутую букву «Г». На корешках трёх последних значилось имя Лакшми Чаттерджи. Я нагнулся и достал последнюю книгу: «Лунапорт: доблесть и независимость».

— А теперь вы, значит, пишете о «Б. Травене»?

— Именно.

— Я пытаюсь выяснить, кто пронёс взрывчатку на борт.

— А, да, — сказала она. — Мины. — Она прошла в гостиную и жестом предложила присесть. Я надеялся, что она займёт зелёный диван, где мы могли бы сесть вместе, но она опустилась в такого

же цвета кресло.

Я откинулся на угол дивана и забросил ноги на валик.

— Сколько ещё планируете пробыть на Марсе? — Вопрос не имел никакого отношения к расследованию.

— Ещё семьдесят один день.

Я улыбнулся.

— Дни считаете?

— Тогда прилетает следующий писатель; я сяду на корабль, который его привезёт.

— Не терпится вернуться домой?

— Не сказала бы. Мне здесь нравится.

— А где для вас дом?

Лакшми скрестила длинные ноги. Она была одета в облегающие брюки, ткань которых напоминала чёрную кожу, и такой же облегающий чёрный топ.

— Дели. — Она взглянула на настенные часы. Аналоговые; у меня всегда уходила вечность на их расшифровку. Но намёк был понятен, и мне следовало поторопиться.

— Так вы знаете, кто пронёс мины на борт «Травена»?

— Конечно. Это был Уиллем Ван Дайк, тот самый помощник из второй экспедиции Вайн-

гартена и О’Райли.

Я покачал головой.

— Я видел список пассажиров. Его там не было, если он не сменил имя.

— Он не был пассажиром, — сказала Лакшми. — Он работал на корабле.

— Погодите, это он был тем чудовищем? Который размораживал пассажиров и издевался над ними?

— Нет, нет. Он был вторым боуменом, запасным. Обычно они проводят полёт в гибернации, и будят их только в экстренных случаях.

— А, — сказал я. — Вы знаете, что с ним стало?

— Разумеется. Об этом будет рассказано в книге.

Я вопросительно взглянул на неё.

— Ну так?

Она склонила голову и убрала с глаз пышные волосы.

— Я пришлю вам приглашение на презентацию.

Я одарил её своей самой очаровательной улыбкой.

— Пожалуйста, Лакшми. Мне правда очень интересно.

Она на мгновение задумалась, а потом сказала:

— Вы знакомы с историей космических перелётов?

— Относительно. Что-то помню из школы. — Кроме того, что было по пятницам.

— Значит, вы слышали, что раньше учёные считали освоение Марса невозможным?

— Это когда?

— С 1970-х годов вплоть до… скажем, 2030-х.

— Почему?

— Из-за радиации.

— Серьёзно?

— Ага. Атмосфера и магнитное поле Земли защищают планету от солнечной и космической радиации. Считалось, что без них за время перелёта и пребывания на поверхности Марса космонавты подвергнутся слишком большой дозе облучения.

Я улыбнулся.

— Ну что, выключим свет и проверим, не начали ли мы светиться?

— Вот именно. Это было смехотворное утверждение. Учёные, которые его выдвигали, либо лезли не в свою область, либо намеренно вводили людей в заблуждение.

Я вскинул брови:

— А смысл?

— Борьба за территорию. Да, на Марсе действительно больше радиации — настолько, что каждый год жизни под куполом увеличивает вероятность заболеть раком в ближайшие тридцать лет на целый процент. Учёные, считавшие рак главным препятствием, все либо разрабатывали беспилотные зонды, либо собирались вечно болтаться на околоземной орбите. — Она подумала. — Кто-нибудь из ваших знакомых курит табак?

— Бабушка курила.

— Так вот. Если бы она переехала на Марс, но оставила сигареты на Земле, у неё было бы меньше шансов заболеть раком.

— Хорошо, — сказал я. — И что дальше?

— А то, что вероятность заболеть из-за космических перелётов или жизни на Марсе невероятно мала. С другой стороны, разбогатеть на окаменелостях тоже практически невозможно, и всё же люди богатеют. Что ж, с ископаемыми Ван Дайку не повезло — их нашли Вайнгартен и О'Райли, а его просто прихватили с собой. Бедолага выиграл в другой лотерее: стал тем одним человеком из тысячи, у которого развился рак из-за космических перелётов.

— А что потом? — спросил я.

— Это я и пытаюсь понять. Упоминания о смертельном диагнозе обрываются тридцать лет назад. Разумеется, он знал, где находится Альфа-залежь, и хотя Вайнгартен с О'Райли его обманули, у него наверняка осталась парочка хороших окаменелостей. Подозреваю, он давно мёртв, но на вырученные деньги он должен был уйти с шиком.

— Он не мог загрузить сознание в другое тело?

— Да, ему могло хватить денег, но я сомневаюсь. Не забывайте, с того момента прошло уже тридцать лет. Ван Дайк был крайне религиозен. Он верил в бессмертие души и считал, что душа не может жить в искусственном теле. Таких людей в те времена было много. Даже сейчас в Штатах остались желающие оспорить прецедент, которым послужило дело Дарксен против Хоксворта.

Мне было всего двенадцать, когда обезумевший террорист застрелил президента Ванессу Дарксен. Спасти её тело не удалось, но Говард Слэпкофф успешно убедил главу администрации президента перенести её сознание в искусственное тело: так она могла провести остаток срока в качестве трансфера и не передавать управление государством вице-президенту, который, по всеобщему мнению, совершенно не подходил на

роль преемника. К тому моменту Дарксен уже была переизбрана на второй срок и не могла претендовать на третий, но многие эксперты утверждали, что трансфер бы победила, если бы могла баллотироваться по закону. Со стороны Говарда Слэпкоффа это был гениальный шаг. За Дарксен следил весь мир. Каждое её слово, каждое действие рассматривалось под микроскопом в попытке понять, изменилась ли она после переноса, и большинство, помимо идеологов противоборствующих партий, сошлись во мнении, что она осталась прежней; так и началось всеобщее признание трансферов как тех же людей, что и до переноса.

— Понятно, — сказал я. — Спасибо за помощь.

Она сняла длинную ногу с колена и встала.

— Что-нибудь ещё вас интересует? Мне правда нужно вернуться к работе.

— Нет, — сказал я. — Но спасибо.

Приподняв несуществующую шляпу, я с немалым сожалением покинул Дом Шопацкого и отправился в унылый подкупольный мир.

* * *

Остаток дня я провёл в поисках информации об Уиллеме Ван Дайке. Несмотря на революцию

конфиденциальности 2034 года, направленную на обеспечение сетевой анонимности, обычно люди всё равно оставляли в интернете немало следов. Но только не Уиллем Ван Дайк — по крайней мере, не тот Уиллем Ван Дайк, который был нужен; имя оказалось до чёртиков популярным. Рори Пиковер и Лакшми Чаттерджи не обманули: тридцать лет назад его след обрывался. Бесспорно, он мог просто уехать в глушь и умереть, но я не нашёл извещения о смерти.

С наступлением сумерек я отправился в центр, где жил Рори Пиковер. Когда он впустил меня и мы расположились в гостиной с жёлтыми стенами, я сразу перешёл к сути:

— Ты обещал отвезти меня к Альфе.

Пиковер посмотрел на меня немигающим взглядом. Я ответил таким же, но стеклянные глаза не боялись прямого воздействия сухой атмосферы, и в гляделки он выиграл. Но я не собирался сдаваться.

— Серьёзно, — сказал я. — Мне нужно её увидеть.

— Там не на что смотреть, — ответил он.

На самого Пиковера тоже смотреть не хотелось; кожи на его лице до сих пор не было.

— Я понимаю. Но мне не удалось отследить Ван

Дайка, а там может найтись ключ к разгадке.

— Хорошо, — сказал Пиковер, удивив меня; я ожидал долгого спора. — Поехали.

— Прямо сейчас?

— Да, конечно. — Он поднялся. — На улице темно; я не хочу, чтобы ты распознал ориентиры, так что это будет моей первой защитой. Вторая заключается в том, что тебе придётся поляризовать шлем скафандра, чтобы хуже видеть в темноте. Третьей будет извилистый маршрут, которым мы отправимся, а четвёртой — твоя усталость. Я рассчитываю, что ты уснёшь во время пути — пожалуй, даже советую, поскольку добираться нам несколько часов и до рассвета мы всё равно ничего не добьёмся.

Я надеялся заглянуть вечером в «Гнутое зубило» к Диане, но он согласился отвезти меня к Альфе; уже что-то.

— Ладно, — сказал я, тоже вставая.

— Чудесно. Уборная в той стороне, старина, — советую облегчиться перед выходом, только…

— Что?

— Нет, ничего. Я уже несколько месяцев не пользовался туалетом — трансферам он ни к чему. Надеюсь, я не забыл смыть.

Глава 17

После стычки с Джошуа Уилкинсом я на всякий случай изучил способы уничтожения трансферов. К сожалению, надёжный метод оказался только один: широкополосный прерыватель. Что, конечно, логично: их тела были созданы, чтобы обмануть смерть, а потому отличались повышенной прочностью и все жизненно важные компоненты заключались в защитную броню. Я пытался что-нибудь придумать, но достать криптонит на Марсе не так-то просто.

Тем не менее Пиковер всё равно потребовал, чтобы я оставил оружие в камере хранения западной шлюзовой станции — видимо, боялся, что я попытаюсь избавиться от него, когда доберусь до богатств. Но он не знал о ноже, позаимствованном у Дирка, а в своей наивности не додумался меня досмотреть, поэтому я оставил его в кармане.

Привыкший подмечать детали мозг напряжённо работал, пытаясь понять, куда именно мы направляемся. Первая подсказка: мы вышли через западный шлюз, и это точно не было уловкой, ведь именно там Пиковер оставил свой марсо-

ход-багги, когда возвращался с Альфы.

К счастью, Пиковер купил его до загрузки, потому что в марсоходе оказалась своя система жизнеобеспечения. Выбирай он его сейчас — точно бы остановился на модели подешевле и понадёжнее, чтобы просто обеспечить транспортировку.

Пиковер сам арендовал мне скафандр. Заплатил за него напрямую — всё равно я бы записал расходы на его счёт, — но мне не пришлось сидеть в нём во время поездки, пусть Рори и настоял на шлеме. На Земле ходить так было бы неудобно — обычно вес шлема поддерживал воротник, — но здесь вес не мешал. Перед выездом, правда, Пиковер сделал шлем непрозрачным.

Равнина Исиды — это низина; как и похожие на Земле, она растягивается на многие километры. Поначалу мы перекидывались редкими фразами, но голос Рори отдавался в шлеме неприятным эхом, и вскоре мы замолчали. Признаюсь, я коротал часы, думая о Диане, Лейси и Лакшми — как по отдельности, так и вместе.

Во время поездки я задремал — крепкие орешки вроде меня обычно не вспоминают детство, но когда мама хотела меня уложить, а я отказывался, она брала меня покататься. Из-за Пиковера я

не смог взять ни телефон, ни планшет; у меня не было инструментов, которые могли бы помочь вычислить наше местоположение. Но к тому времени, когда мы добрались, на востоке уже взошло солнце. Я надеялся, что оно встанет над зазубренными вершинами гор или изломанными стенами кратера, которые можно было бы сопоставить по топографическим картам, но полоса света над горизонтом — а потом, когда солнце поднялось выше, и весь горизонт — оказалась ровной линией, и только на западе виднелся небольшой осыпавшийся кратер.

Воспользовавшись туалетом марсохода, я надел взятый напрокат скафандр тусклого оливково-зелёного цвета и вышел на улицу. У багги были пружинящие колёса почти метрового диаметра и угловатая прозрачная кабина — из-за разрежённости марсианской атмосферы обтекаемость здесь значила мало.

Пиковер вытащил из багажника устройство, напоминающее вертикальный пылесос без мешка.

— Что это? — спросил я.

— Металлоискатель. Буквально вчера купил.

— Я думал, они бесполезны на Марсе, — заметил я. — Много железа в грунте.

— А, металлоискатели легко настроить, чтобы

они отсекали железо. Но их чертовски трудно достать в аренду. В поиске окаменелостей они не помогут, да и стандартное применение здесь не распространено — нет ни пляжей, которые можно прочёсывать, ни археологических артефактов.

Он протянул его мне. Я вскинул брови:

— Хочешь, чтобы я искал мины?

— Я сам не могу, — сказал Рори. — Пытался, но металл в моём теле создаёт слишком много помех. А вот ты…

А парень-то оказался умнее, чем я думал. Он взял меня с собой не потому, что я попросил; просто ему нужна была помощь обычного человека.

Он вернулся к багажнику и достал баллон со сжатым газом, к которому был прикреплён гибкий шланг.

— Для раздувания песка, — предвосхитив мой вопрос, пояснил Рори.

— Понятно, — сказал я. — Показывай, где нашёл первую мину.

— Сюда. Только иди по моим следам. Я знаю дорогу без мин — ну или они все давно уже проржавели, как та, которую я нашёл.

Он пошёл вперёд, взбивая клубы пыли. Видеть на Марсе человека в простой уличной одежде

казалось странным. Подозреваю, Пиковер был одет как типичный земной палеонтолог: в коричневые рабочие ботинки, плотные серо-зелёные брюки и фланелевую рубашку. На голове у него красовалась бейсболка с эмблемой «Торонто Блю Джейс» — видимо, трансферам тоже мешало бьющее в глаза солнце.

Пройдя пятьдесят метров — я считал шаги, — мы вышли на участок, разграниченный леской на сетку метровых квадратов. Нити практически сливались с красноватой пылью, и я вслух отметил, как трудно их разглядеть.

— Но не в инфракрасном диапазоне, — ответил Пиковер. — Я пропустил через них слабый ток от эксимерной батареи. Для меня они ярко-белые, но обычный старатель заметит их, только если споткнётся.

Он переступил леску, и я осторожно последовал за ним. Пять квадратов спустя мы остановились.

— До места, где сработала мина, ещё далеко, — сказал Рори, присев, — но позволь кое-что показать. Вот тут я нашёл контрплиту образца 2–1388.

— Окаменелости лежат прямо на поверхности?

— Некоторые, — ответил Пиковер. — Обыч-

но залегают под небольшим слоем грунта, но обязательно неглубоко. Видишь ли, на Земле осадочные породы формировались миллиарды лет. Но на Марсе отложение осадка закончилось более трёх с половиной миллиардов лет назад, когда высохли открытые водоёмы. Поэтому древние отложения и не ушли на глубину, а остались у самой поверхности, а то и вовсе прямо на ней. Водяной лёд на Альфе давно либо диссоциировал, либо сублимировал, оставив поверх древней матрицы восемь-десять сантиметров рыхлого сухого песка. Здесь эта матрица состоит из ареслития — марсианского камня. По сути, это сплав песка и ила с водяным льдом, причём лёд составляет шестьдесят процентов от веса. Понимаешь, что это значит, Алекс?

Я не понимал.

— Что?

— На Земле большинство окаменелостей перминерализованы: поры и полости в исходном органическом материале заполнены минералами, просачивающимися сквозь землю, и эти новые минералы постепенно заменяют исходный биологический образец, который в конце концов исчезает. Но на Альфе ископаемые представляют собой тот самый исходный материал, отложив-

шийся в матрице. Часто их можно достать, просто поместив ареслитий в комнатную температуру, чтобы растаял лёд. Вот почему окаменелости с Альфы так ценятся — это настоящие древние экзоскелеты, которые без изменений хранились в плотной замороженной суспензии более трёх миллиардов лет.

— Наверняка же не все. Мина, которую ты принёс, насквозь проржавела.

Пиковер кивнул:

— Да, это так. Нечто — возможно, столкновение с микрометеоритом пару десятилетий назад — разогрело почву достаточно для образования небольшого подземного резервуара, из-за которого и заржавела мина. Но остальное месторождение, — он обвёл рукой обширное пространство, — полностью заморожено ещё с нойской эпохи.

— Но контрплита, которую ты показывал, оставалась твёрдой даже при комнатной температуре.

— Только потому, что я использовал стабилизатор и заменил воду термопластиком.

— А.

Он поднялся и пошёл дальше, а метров через сорок на земле показалась большая выемка.

— Вот здесь взорвалась мина, — сказал он. — А вон там я нашёл проржавевшую. — Он указал на совсем небольшую лунку.

Я начал медленно прочёсывать все шесть тысяч квадратных метров, где, по словам Пиковера, располагалась залежь; тот шёл позади.

Продвигаясь, я пытался запомнить ориентиры; подозревал, что не в последний раз появляюсь на Альфе, а знание местности — уже половина победы. Ещё со времён первых посадочных аппаратов люди давали марсианским валунам причудливые названия. Слева как раз находился такой — своей формой он напоминал машины, которые я видел в фильмах 1950-х годов; у него даже была пара выступов, похожих на плавники. Мысленно я окрестил его «Плимутом». А справа возвышалась скала в форме головы с суровыми чертами лица; любитель старых фильмов во мне решил, что для неё идеально подойдёт «Хадсон».

Оказалось, Альфа не заминирована полностью — для этого взрывчатки потребовалось бы очень много. Но по восточному периметру проходила линия из двенадцати мин, расположенных с промежутками около восьми метров; взорвавшаяся и проржавевшая тоже к ним относились — тринадцатая и четырнадцатая точки соответ-

ственно. Полагаю, в том направлении находился Нью-Клондайк, и Уиллем Ван Дайк разумно предположил, что все посягающие на Альфу прибудут оттуда.

Было бы это старое поле боя, мы бы просто закидали камнями оставшиеся мины и подорвали бы их по очереди. Но здесь мы могли повредить ценные ископаемые, поэтому принялись осторожно их расчищать. В основном мины скрывались под небольшим слоем сухого песка. С помощью воздуходувки, направленной под небольшим углом, Рори убрал песок с верхней части одной из них, и прямо в центре диска нашлось отверстие деактивации. Внутри, правда, оно было полностью забито песком, чего мы не ожидали, хотя стоило бы. Но потом меня осенило. Я достал нож, который предварительно переложил в подсумок скафандра.

— Это что?

— Складной нож, — сказал я.

Рори нахмурился, явно недовольный, что я приехал с оружием. Но я передал ему нож и показал кнопку, с помощью которой выдвигалось лезвие. Его рефлексы были лучше моих, рука твёрже, а сам он уже пережил разрыв мины. Поэтому он встал над ней, упираясь ногами по обе стороны,

наклонился, поднёс закрытый нож к отверстию деактивации и нажал на кнопку.

Лезвие выстрелило, легко прорезав песок, и, видимо, действительно задело тумблер, потому что механический флажок у центра мины переключился с красного на зелёный — в точности так, как было написано в мануале.

Рори не мог вздохнуть с облегчением, зато я мог. Он вытащил мину; она немного вросла в вечную мерзлоту, но в итоге освободилась. Мы повторили тот же процесс ещё через восемь метров, деактивировав и достав очередную «Кальдеру-7».

Так бы мы и продолжили, но мне захотелось есть. Подобрав мины, мы направились к марсоходу: я закупился бутербродами в магазинчике на шлюзовой станции, но мне нужно было вернуться в герметичную кабину, чтобы снять шлем.

Перед этим Пиковер снова открыл багажник, и мы погрузили туда мины; решили, что по дороге придумаем, что с ними делать. В багажнике лежали мешки из коричневой ткани — видимо, часть инструментария палеонтолога. Пиковер аккуратно подстелил их под мины для дополнительной амортизации.

Пока он возился, я осматривал местность. На мой взгляд, она ничем не отличалась от осталь-

ного Марса: бесконечные оранжевые равнины под жёлто-коричневым небом да…

О господи.

— Рори, — сказал я в рацию шлема, — у тебя же телескопическое зрение?

Он захлопнул багажник, выпрямился и повернулся ко мне.

— Можно и так сказать. У меня линзы со встроенным двадцатикратным увеличением. Помогает работать с окаменелостями. А что?

Я указал на горизонт:

— Мне ведь не кажется?

Он присмотрелся. Его глаза совершенно не изменились, и мне стало интересно, какой мысленной командой он включал зум.

— Это ещё кто? — спросил он.

Чёрт. Значит, это действительно был марсоход, стоящий среди равнины. Кто-то проследил за нами в ночи от самого Нью-Клондайка. В любой другой ситуации я бы сразу заметил хвост, но всю поездку торчал в дурацком поляризованном шлеме.

А из-за Пиковера я даже не взял пистолет.

Глава 18

— Нам лучше убраться отсюда, — сказал я в микрофон гарнитуры.

— Нельзя оставлять Альфу на произвол мародёров, — ответил Пиковер.

— Рори, мы тут как на ладони.

— Окаменелости тоже.

— Чёрт побери! — Я имел в виду Пиковера, но в тот же момент далёкий марсоход двинулся в нашу сторону, поднимая шлейф пыли, и Рори воспринял чертыханье на его счёт.

— Да, — сказал он. — Они едут прямо сюда.

По идее, мы переговаривались на зашифрованной частоте, но пассажир или пассажиры приближающегося марсохода, видимо, приплатили владельцу скафандра за код шифрования. Вполне возможно, они прослушивали нас с Пиковером, а потому знали, что их заметили.

Когда биологические люди не хотели пользоваться гарнитурами на поверхности, они просто соприкасались шлемами, и звук проходил между ними. У Пиковера шлема не было; я задумался, не установил ли он себе модуль для усиления слуха,

пусть и слабо представлял, зачем он мог понадобиться охотнику за ископаемыми. Выключив передатчик, я крикнул:

— Есть шанс, что они нас прослушивают!

Атмосфера Марса была в сто раз разрежённее земной; она проводила звук, но плохо. Пиковер смотрел на меня, но я видел, что он ничего не услышал. Подойдя к нему, я жестом показал стоять на месте, а потом прислонился шлемом к искусственной голове.

— Проверка! — тут же воскликнул он.

Я едва ли повысил голос:

— Возможно, нас прослушивают. Отключи рацию. — Я отстранился, а он кивнул, но внешне не отреагировал, что снова заставило задуматься об устройстве трансферов — как он отключил передатчик? И хотя я мог говорить — шлем был под давлением, — он хлопал ртом в зыбком марсианском воздухе, не издавая ни звука. Я неплохо читал по губам — полезный навык для детектива, — но его скованные движения настолько отличались от человеческих, что я не смог разобрать ни слова.

Я прикоснулся шлемом к его лбу — последний раз на моей памяти подобным движением я врезал какому-то пьянчуге в «Гнутом зубиле».

— Я тебя не слышу, — громко сказал я. — Давай разделимся. На марсоходе они не смогут преследовать двоих. Оставайся здесь, а я попробую увести их от Альфы, договорились?

Он кивнул; его голова скользнула по шлему. Хорошо, что волосы у него были синтетическими — ещё не хватало, чтобы он заляпал маслом мне визор. Решив, что на этом обмен планами можно заканчивать, я бросил:

— Рванули! — и кинулся наперерез марсоходу.

Под куполом я бегал как ветер, но скафандр с кислородными баллонами добавлял пятьдесят кило к моим девяноста, а слой песка мешал движению. И всё равно я выложился по полной, чтобы привлечь незваных гостей: в конце концов, любые хищники, будь то люди или животные, по своей природе преследуют тех, кто пытается убежать. Посмотрев направо, я заметил, что марсоход действительно свернул ко мне.

Конечно, я не представлял, что буду делать, если меня перехватят. Даже если у них не окажется огнестрела, достаточно разбить мне шлем, и моя песенка спета.

Сердце колотилось, и я весь взмок, что было плохо: стеклянный шлем начал запотевать. В скафандр был встроен осушитель, но чтобы его

включить, нужно остановиться, чего делать совсем не хотелось. А поскольку запотел шлем изнутри, его нельзя было вытереть, и…

Чёрт! Поверхность Марса усеивали камни; один из них подвернулся под ногу, и я полетел. Хорошо хоть падал медленно: успел сгруппироваться перед ударом. Оглянувшись на марсоход, я понял, что могу разглядеть его в деталях. Он был жёлтого цвета — не редкость для подобных машин — и с герметичной кабиной, то есть гнались за мной, скорее всего, не трансферы.

Подскочив, я снова пустился бежать. Теперь сомнений не оставалось: марсоход преследовал меня, а не Пиковера. Я думал, он меня догонит, но он остановился метрах в семидесяти, крутанувшись вполоборота. А, это на границе Альфы водитель вдарил по тормозам: либо знал о минах, либо боялся раздавить лежащие на поверхности окаменелости.

Квадратная крыша кабины откинулась на петлях, и я увидел белое облако конденсата, образовавшееся при столкновении пригодного для дыхания воздуха с атмосферой Марса. Сквозь него шли двое людей в скафандрах. За поляризованными шлемами не было видно лиц, но слева явно шла фигуристая женщина в красном скафандре,

а справа — крупный мужчина в синем. В руках женщина держала дробовик, хотя я не представлял, где она раздобыла его на Марсе; охотой здесь точно не промышляли.

Они бросились за мной, и я запетлял, уворачиваясь от возможных выстрелов. Я сам не знал, куда бегу — укрытия не было, хотя на горизонте вроде как замаячили холмы, то есть мы находились неподалёку от Большого Сырта.

Я посмотрел налево, пытаясь найти Пиковера, но не смог его разглядеть. Посмотрел направо, и женщина в красном выстрелила из дробовика. В разреженном воздухе звук был почти неслышен, но я заметил отблеск пламени. Она не попала в меня и близко — подозреваю, не умела обращаться с оружием.

Давно ли человек на Марсе, можно определить сразу, только по тому, как он бегает: к лёгкости нужно привыкнуть. По женщине понять было сложно, а вот мужчина оказался старой закалки: он подобрался уже так близко, что я мог разглядеть детали скафандра. Шлем был старомодным, не полностью стеклянным, а с единственным визором спереди. Такие скафандры уже не сдавались в аренду, значит, этот был его собственным, и купил он его марсолет десять назад.

Ещё один выстрел. Попадание в скафандр меня бы, скорее всего, не убило: прочная прокладка служила неплохим бронежилетом. Но шлем, пусть и ударопрочный, всё же не был непробиваемым; аллокварц отлично экранировал ультрафиолет и не разбился бы от падения, особенно в условиях гравитации Марса, но в гарантии отдельным пунктом оговаривалось, что прокатчики не отвечают за повреждения от попадания микрометеоритов, а летящая на большой скорости свинцовая дробь мало чем от них отличалась.

Я решил снова включить рацию, для чего ударил подбородком по кнопке в воротнике скафандра, чуть левее отходящей за спину кислородной трубки.

— Пиковер, — сказал я. — Напоминаю, нас могут прослушивать. Не говори, где ты, но я направляюсь на запад и по мне открыли огонь.

— Понял, — раздался интеллигентный британский говор.

На той же частоте послышался другой голос, мужской, задыхающийся от бега:

— Профессор Пиковер, это вы?

— Да. Кто спрашивает? — удивлённо ответил Пиковер.

— Профессор, меня зовут Даррен Чун. Я из Геологической службы США. Мы приняли вас за мародёров, разворовывающих месторождение.

— Он врёт, Пиковер! — крикнул я.

Но скромный палеонтолог оказался не таким наивным, как я опасался.

— Девушки могут флиртовать и другие странные вещи могут делать, — сказал он. Если это был какой-то сигнал, я его не понял. — Что это значит? — добавил он.

— Профессор, — ответил тот же мужчина, — мы зря тратим время.

Голос Пиковера посуровел:

— Держи его, Алекс.

Я ценил его веру в мои силы, но понятия не имел, как мне его «держать», да и женщина быстро приближалась. Раздался ещё один выстрел — я скорее увидел его, чем услышал, — и в этот раз дробь попала в плечо. От удара меня отбросило в сторону, и я рухнул, подняв облако пыли. Нащупав под песком камень размером с грейпфрут, я схватил его, подскочил на ноги и побежал дальше. Плечо болело, но скафандр уцелел, то есть…

Чёрт, нет, шлем треснул. Не насквозь, но конструкция явно ослабла. Ещё одно попадание, и дышать мне придётся углекислым газом.

Мужчина немного опережал женщину, что было мне на руку — она опасалась стрелять снова; видимо, боялась, что попадёт не в меня, а в него.

У меня таких опасений не было. Мужчина приблизился достаточно, чтобы запустить в него камнем. Тренировки у Галли принесли свои плоды, да и у меня был богатый опыт метания предметов в условиях марсианской гравитации — Баттрик из «Гнутого зубила» свидетель. Я попал мужчине прямо по визору, и тот пошёл паутиной трещин — это явно ухудшило обзор, но задыхаться он, к сожалению, не начал.

Тем не менее он замедлил бег, и женщина, вырвавшись вперёд, вскинула дробовик к обтянутому красной тканью плечу. Она уже готова была выстрелить, как в шлеме — подозреваю, не только моём, — раздался голос Пиковера:

— Берегись, Алекс!

Я обернулся и увидел мчащийся навстречу марсоход, поднимающий за собой огромное облако пыли. Я отпрыгнул, тронутый готовностью Пиковера проехать по своим драгоценным ископаемым ради моего спасения. Он резко затормозил — до визга шин, были бы мы в нормальной атмосфере, — и распахнул прозрачную крышу кабины. Я запрыгнул внутрь, и он вдавил педаль

в пол. Я думал, что мы сейчас развернёмся, но вместо этого он устремился прямо к женщине в красном. Он нёсся на неё, пока я возился с дверью, явно намереваясь сбить. Но и она целилась в нас.

То, что женщина на Марсе недавно, теперь стало очевидно. На Земле машину легко было остановить, прострелив шины, но на Марсе мы отдавали предпочтение пружинистым крепким колёсам. Под управлением компьютера угол между спицами постоянно менялся, и вели они не к сплошному ободу, а к отдельным колодкам. Камера на кузове отслеживала препятствия, а спицы сами подстраивались под камни и преодолевали их, даже не задевая. Стрелять по таким колёсам было бесполезно, но она всё же попыталась, и это нисколько нас не замедлило.

Мужчина в синем побежал к жёлтому багги. Двигался он не так быстро, как раньше; подозреваю, сказывалась тут не усталость — когда на тебя несутся с явным намерением переехать, это неплохо так разгоняет кровь, — а трещины в визоре, не дающие разглядеть дорогу.

Перед Пиковером стоял выбор: женщина с дробовиком или безоружный с виду мужчина, который мог успеть добраться до марсохода. Я мог

привести аргументы в пользу обоих вариантов и не стал спорить, когда Рори решил преследовать женщину, бросившуюся прочь.

Она бы не смогла обогнать нас на плоскости, но даже на равнине были кратеры, словно Бог обстрелял её из собственного дробовика. Она направлялась как раз к тому, который я заметил чуть раньше, где-то тридцати метров в диаметре. Впереди возвышался борт кратера: чтобы взобраться, ей пришлось бросить дробовик, и он с марсианской неторопливостью заскользил вниз по отвесной стене. Женщина вскарабкалась, цепляясь за камни пальцами в перчатках. Чёрт, как жаль, что при мне не было револьвера! Было бы так легко разобраться с ней, пока она повернулась к нам спиной. Пружинистые колёса марсохода работали во всю силу, но когда уклон превысил сорок пять градусов, им перестало хватать сцепления с поверхностью, и мы покатились назад.

Я откинул крышу кабины и выпрыгнул. Без моего веса вкупе с весом скафандра скольжение марсохода замедлилось, и он вскарабкался выше, но это не помогло: уклон был слишком большим, и Пиковер бросил марсоход. Он так и остановился, заехав передними колёсами на осыпающуюся стену кратера. Я открыл багажник с минами.

Кнопка активации нашлась снизу, прямо по центру, за подпружиненной предохранительной дверцей. Я активировал обе, и флажки на них загорелись красным. Тогда я поднял одну из мин, ухватившись руками за край.

Мужчина успел убежать; я видел, как вдалеке он забирается в марсоход. Но вместо того чтобы уехать, он снова направился к нам. Я включил рацию:

— Вылезай, повторно предупреждать не буду!

Возможно, попадание камнем повредило не только визор, но и гарнитуру, или он попросту не хотел меня слушать, потому что мчался ко мне на скорости, соревноваться с которой не было смысла. Прицелившись, я бросил в марсоход мину, как обычно метают диски. Она крутанулась в воздухе, и…

Ба-бах!

…взорвалась, врезавшись в переднюю часть кабины. Навес брызнул стеклом, и мужчина в синем вскинул руки, пытаясь закрыться.

Он закрывал лицо, больше не защищённое стеклом визора. И задыхался — лёгкие, должно быть, сковал ледяной холод экваториального марсианского дня.

Но марсоход так и летел вперёд — разбитая

кабина не влияла на подвеску, и большие колёса на огромной скорости пронесли его вдоль стены кратера, направив — чёрт! — прямиком к нам.

Я бросился бежать, но жёлтый багги влетел в наш, и сработала вторая мина, которую я активировал заранее. На моих глазах шасси чужого марсохода оторвало взрывом, а наш вспыхнул пламенем, которое тут же погасло под воздействием углекислого газа.

Мы оказались в глуши без единого средства передвижения.

Глава 19

Я бросился к человеку в синем скафандре. Он вывалился из-под обломков и всё ещё отчаянно закрывал лицо. Я огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего: брезента, плёнки, даже бумаги. Но ничего не было.

Я сомневался, что он услышит меня без воздуха, но всё равно бросил:

— Держись! — и помог ему прикрыть лицо руками в перчатках. На мгновение казалось, что это сработало, но, несмотря на то что из воздуховода всё ещё поступал кислород, его пальцы обмякли, руки обвисли, и я не мог в одиночку закрыть образовавшиеся широкие щели.

Только теперь я смог хорошенько его рассмотреть. Идущая из носа кровь — то ли от низкого давления, то ли от удара, — замёрзла, коркой покрыв узкое азиатское лицо мужчины лет шестидесяти с густыми седыми волосами. Я не узнавал его. Несколько секунд он ещё хлопал ртом — то ли задыхался, то ли сыпал ругательствами. А потом просто замер, приоткрыв рот. Пусть он и пытался убить меня, я не был рад его

смерти — но и слёз по этому поводу тоже не лил.

За это время я успел потерять Пиковера из вида, а когда огляделся, не заметил следов — значит, он последовал в кратер за дамой в красном. Поискав взглядом дробовик, я обнаружил его воткнутым в песок. Ствол наверняка забился, но я всё равно прихватил его, вскарабкался на трёхметровый борт кратера и заглянул за край.

Я думал, Пиковер уже разобрался с женщиной. В конце концов, она лишилась оружия, а он, трансфер, был гораздо проворнее человека в скафандре. Но Пиковер явно предпочитал… ну, не знаю, предпочитал ли он заниматься любовью, но точно уж не войной. И да, оружия у неё действительно не было, зато нашёлся аркан: петля из углеродных нанотрубок, судя по их тёмной окраске, разорвать которую было практически невозможно даже силами трансфера. Умудрившись затянуть аркан на лодыжках Пиковера, она дёрнула его на себя. Рори завалился на спину — грохнулся со всей силы, вопреки марсианскому притяжению, подняв тучу пыли.

Так получилось, что Пиковер стоял ко мне лицом. Я мог сравнять счёт, всадив заряд ей в спину, но опасался, что скафандр её защитит. Да и у меня ещё оставались вопросы. Поэтому я перевалился

через борт кратера и спустился по осыпающемуся склону, приближаясь к людям, стоящим почти у самого центра.

Пиковер попытался подняться. Женщина дёрнула за верёвку, и он вновь завалился. Подозреваю, она предпочла бы связать его, но не хватало длины аркана — наверняка она соорудила его из альпинистской верёвки, которую прихватила с собой; может, думала, что к Альфе придётся спускаться в расщелину, вот и…

Да, точно. Дробовика у неё больше не было, это правда, зато на ремне висел самозабивной скальный крюк, напоминающий пистолет. Склонившись, она приставила его к груди Пиковера, явно надеясь повредить шипом что-нибудь важное и вывести его из строя, и выстрелила.

Пиковер закричал, забившись в конвульсиях. Точно так же бились обычные люди под разрядом дефибриллятора, только цель сейчас была ровно противоположной. Я спустился на относительно ровное дно кратера. Вдоль стены лежал иней, до которого не успело добраться восходящее солнце.

Оседлав Пиковера, женщина переместила крюк пониже и выстрелила ещё раз. Рори вновь забился в конвульсиях. Я вскинул дробовик к

плечу, а Пиковер подтянул колени к груди, защищая свои гайки.

Я выстрелил, слегка отступив от отдачи — а Пиковер вскинул колени между расставленных ног женщины и связанными ногами пнул её в грудь. Она подлетела на добрых два метра, и выстрел дробовика ушёл в образовавшуюся между ними с Пиковером щель.

Рори перекатился, чтобы женщина не рухнула на него, и я поспешил к ним. К тому моменту, как я подбежал, она уже упала и пыталась подняться, уперевшись руками в дно кратера. Ухватив за плечо, я перевернул её на спину и направил дробовик прямо в шлем.

— Слышишь меня? — сказал я в микрофон рации.

Я дал ей время подумать над ответом, и через мгновение по связи раздалось трескучее и неразборчивое «Да».

— Хочу на тебя посмотреть. Варианта два: либо я разнесу шлем дробовиком, либо ты уберёшь поляризацию. Выбирай.

Она осталась лежать. Надеялась, может, на помощь синего дружка, который набросился бы на меня сзади. Я хотел своими глазами увидеть, как она отреагирует на новость о его смерти — не

из садистских побуждений, а чтобы понять возможный характер их отношений.

— Даю пять секунд, — сказал я. — Раз. Два. Три…

Она потянулась к ряду кнопок на левом предплечье, и моё искажённое отражение исчезло — стекло стало прозрачным.

Мне открылся знакомый вид, роскошная симфония в шоколадных оттенках: смуглая кожа, каштановые волосы, карие глаза. Лакшми Чаттерджи, местная писательница Нью-Клондайка.

— Дорогуша, — сказал я, — а я-то думал, у нас высокие отношения.

— Ещё не поздно, — ответила она, кивнув в сторону лежащего на боку Пиковера. — Можем избавиться от него и поделить добычу с Даррен ном на троих.

— На двоих, милая. Даррен мёртв.

Карие глаза округлились, но она не слишком расстроилась.

— Даже лучше.

Я оглянулся на Пиковера — и да, на полсекунды тоже об этом подумал. Конечно, чисто технически разумнее было разделить богатство с Рори, который не пытался меня убить, чем с Лакшми, которая при первой же возможности с радостью

всадила бы мне пулю в грудь. Но старый добрый доктор Пиковер не хотел ничего продавать, а значит, и делиться с ним нечем.

И всё же мужиком он был неплохим.

— Без шансов, — сказал я, вырвал у неё из рук самозабивной крюк и отправил его в полёт — перекинуть его через борт кратера было совсем не сложно. — Перевернись, — велел я. — Лицом вниз.

Лакшми замешкалась, и я прижал дуло дробовика к её шлему. Кивнув, она перевернулась на живот.

— Не двигайся, — сказал я.

Я подошёл к Пиковеру. При обычных ранениях нож лучше не вынимать, чтобы жертва не истекла кровью, но в данном случае металлические крюки могли вызвать внутреннее замыкание, так что я схватил их перчатками — костюм защищал меня от удара током — и выдернул. Один вышел начисто; второй оказался заляпан чёрным машинным маслом. Я отбросил их в сторону.

— В порядке? — спросил я.

Пиковер выглядел ничуть не хуже обычного, хотя на лице по-прежнему не хватало кожи.

— Думаю, да.

Я глянул на связанные лодыжки.

— Нож мой не потерял? — Он оставил его у себя, закончив обезвреживать мину.

— Он в сумке, — ответил Пиковер.

Я порылся и вытащил нож. Попытался разрезать верёвку, но оказался прав: она действительно была сделана из углеродного нановолокна, и нож не оставил на ней ни царапины. Но сдаваться было рано. Я подошёл и не слишком аккуратно пнул Лакшми в бедро.

— Вставай, — сказал я.

Она поднялась на ноги.

— Ты его заарканила, — я кивнул на Пиковера, — ты и развязывай.

Она помедлила, но всё же нагнулась. Нужно обладать шикарной фигурой, чтобы оставаться привлекательной даже в скафандре, и сзади было заметно, что у Лакшми как раз такая.

— Ну! — бросил я. — Шевелись!

— Не могу, — сказала она, попытавшись, и вскинула руки. — Перчатки слишком толстые.

— Ну так сними.

— На улице минус пятьдесят!

Я задумался.

— Ладно. Рори, сам справишься?

Тот присел. Из дыры в груди брызнуло масло, но он будто бы не заметил. Его рукам ничего не

мешало, и я подозревал, что с мелкой моторикой у него всё отлично — в конце концов, он занимался обработкой мельчайших окаменелостей. Держа Лакшми под прицелом, я наблюдал, как он возится с петлёй, и в конце концов та ослабла.

Вопреки ожиданию, он не поднялся, а протянул мне руку — но то, возможно, был инстинкт человека, совсем недавно ставшего трансфером; лучше бы он не пострадал настолько серьёзно. Ухватившись ладонью в перчатке за голую руку, я помог ему встать. Он благодарно кивнул и выступил из аркана. Нагнувшись, я подобрал его и накинул Лакшми на плечи, а потом пропустил под грудью и накрепко затянул, прижав руки к талии, что только подчеркнуло её замечательную фигуру.

Взявшись за другой конец верёвки наподобие поводка, я слегка подтолкнул Лакшми, и она пошла впереди, а Пиковер пристроился сбоку. Отпустив аркан, чтобы дать ей вскарабкаться по стене кратера и спуститься, я залез следом. Мы очутились градусов на тридцать дальше места, откуда пришли, и…

— А, да, — сказал я. — Наверное, стоило об этом упомянуть.

У Пиковера отвисла искусственная челюсть.

Лакшми застыла на месте.

— Как же мы доберёмся до дома? — воскликнула она, глядя на останки двух марсоходов.

— Отличный вопрос, — заметил я. За пределами купола на Марсе не было ни телефонной сети, ни системы навигации, ни спутниковой связи — мы оказались на границе обитаемого мира. Слабая неустойчивая ионосфера планеты не отражала сигналы, поэтому рации работали только в пределах видимости, то есть у нас не было возможности попросить помощи в Нью-Клондайке. — Учитывая, сколько времени ушло на дорогу сюда, — продолжил я, — даже если Рори выбрал не самый короткий путь, возвращаться нам два дня минимум. — В условиях местной гравитации даже в скафандре я выдержал бы дорогу с лёгкостью, да и Лакшми явно была в хорошей форме. Проблема лишь одна: я посмотрел на индикатор воздуха, встроенный в левый рукав скафандра. — У меня осталось пять часов.

Неприятно выкрутив связанной Лакшми руку, я глянул на её датчик.

— А у неё — три. — Значит, с её баллонами у меня будет восемь. Вслух я этого не сказал, но точно подумал. Потом обратился к Пиковеру: — Пойдём.

— Вы не можете меня бросить! — воскликнула Лакшми.

Я обернулся.

— Почему это? Ты пыталась убить меня и чуть не убила доктора Пиковера.

— Я хотела его обезвредить — такие повреждения легко устранить!

— Вот что я тебе скажу, милочка: тебя здесь никто не держит. Дорогу ты должна знать.

— Но я недавно на Марсе! Это Даррен был за рулём. Я правда не знаю, куда идти.

— А ты спроси Рори, пусть он тебе подскажет.

Тот, опустив голову, ощупывал отверстия на груди, и…

Хотя нет, не отверстия — он ощупывал дырки, которые она проделала в его рабочей рубашке. До этого момента я особо к ней не присматривался, но рубашка была немного потрёпанной, в тёмно- и светло-серую клетку, с двумя карманами на груди. Над левым красовался логотип, в котором я с гордостью узнал трилобита, и мелкая нечитаемая надпись.

— Это моя счастливая рубашка, — сказал он. — Я купил её, когда работал на сланцах Бёрджесс. С самой Земли привёз. — Он посмотрел на Лакшми. — А ты её испортила.

Верхнюю дырку можно было зашить; нижняя насквозь пропиталась маслом.

В голосе Лакшми послышалось отчаяние:

— Пожалуйста, скажите, куда идти.

— Какая разница? — спросил я. — Всё равно ты не успеешь добраться. Лучше останься; так мы хоть будем знать, где искать твоё тело, и сможем достойно тебя похоронить.

— Ублюдок.

— Я просто говорю правду.

Рори огляделся и сориентировался.

— Туда, — указал он немного севернее, чем я ожидал, но не настолько, чтобы в нём усомниться. — Иди туда.

— Спасибо, — сказала она Рори и потом обратилась ко мне: — Ты тоже умрёшь, Ломакс. Да, у тебя больше воздуха, но его всё равно не хватит.

Я улыбнулся.

— Чтобы идти — да. Но это не мой случай.

— За вами приедут? — Она явно обрадовалась. — Тогда я лучше подожду здесь.

— А, нет. Я здесь не останусь. Просто Рори меня понесёт.

— Серьёзно? — спросил Пиковер.

— Ещё как. Наклонись-ка немного.

Он упёрся руками в колени, и я забрался ему на

спину. Он легко выдержал вес — спасибо низкой силе тяжести и силе андроида.

— А тебе придётся бежать. — Я подумал ткнуть его пятками, как лошадь, и крикнуть «Н-но!», а потом решил, что палеонтолог этого не оценит. Поэтому просто сказал: — Пойдём.

Лакшми уставилась на нас в ярости, но Пиковер действительно бросился бежать, не обратив на неё внимания. Ему потребовалась сотня метров, чтобы приспособиться к моему весу; горизонт прыгал на каждом пружинистом шаге его мощных ног. Я цеплялся за него — это было нетрудно. Километры мелькали один за другим, и вскоре проклятия Лакшми стихли — связь оборвалась.

Глава 20

До окрестностей Нью-Клондайка мы добрались после полудня. Стоит признать, Рори бежал по прямой, больше не пытаясь скрыть от меня маршрут. Ночью в поляризованном шлеме не было видно ни зги, но при свете дня затемнение позволяло спокойно осматривать окрестности, так что теперь я имел примерное представление, где расположена Альфа.

— Почти добрались, — сообщил Пиковер по рации. Слушать его было странно: он бежал целый день и совершенно не запыхался. Я посмотрел на индикатор воздуха: оставалось ещё двадцать с лишним минут. Никогда раньше я не считал купол красивым, но сейчас, когда он предстал передо мной, сверкая на солнце, он показался именно таким.

— Хорошо, — сказал я Пиковеру. — Тогда дойдём пешком. Лишнее внимание нам ни к чему.

Учёный остановился и согнул колени. Я спрыгнул; стоять на своих двоих было очень приятно.

— Надо за ней вернуться, — сказал Пиковер, продолжая идти. — Прихватить кислородных

баллонов, арендовать марсоход. Спасти её.

Я положил ему на предплечье руку, обтянутую перчаткой.

— Рори, она мертва. Без вариантов.

— Но вдруг…

— Что «вдруг»? У меня было больше воздуха, и тот почти кончился. Даже если она каким-то чудом ещё жива, мы не успеем за ней вернуться.

— Да, но…

— Но что? Она пыталась нас убить.

— Знаю. Просто не хочу, чтобы это было на моей совести.

— Я от своей давно избавился, — сказал я. — Сразу жить стало легче.

Дальше мы шли в молчании. Маячащий впереди купол поражал; ещё сорок лет назад его постройка казалась невозможной, а потом наносборщики возвели его молекула за молекулой: извлекая исходный диоксид кремния из марсианского грунта, они превращали его в не пропускающий ультрафиолет аллокварц и выкладывали по схеме, разработанной инженерами Говарда Слэпкоффа. Обод купола был закреплён в вечной мерзлоте, а огромный вес приняли на себя изогнутые распорки и центральная колонна из углеродных нанотрубок.

Мы миновали шлюз, и я вернул арендованный скафандр. Сотрудника, который нам его сдал, не было — и хорошо, потому что я бы обязательно вмазал ему за то, что он выдал Лакшми ключи радиошифрования. Мало того, Пиковеру ещё и не вернули залог из-за трещины в шлеме.

Забрав из шкафчика планшет, телефон, наплечную кобуру и пистолет, я положил планшет в карман, телефон надел на левое запястье, а пистолет вложил в кобуру и перекинул через плечо. Моя одежда осталась чистой, но Пиковер был покрыт пылью, которая к тому же забилась в открытые лицевые механизмы. Пока я ходил в туалет, он прошёл через очистную камеру, где струи воздуха сдули всю пыль, а вакуумные шланги всосали остатки песка.

Когда Пиковер закончил, мы вышли на Девятую авеню.

— Что дальше? — спросил он.

Я окинул его оценивающим взглядом.

— Ты уже бог знает сколько времени ходишь без лица, а теперь ещё и дыры в груди появились. Думаю, самое время наведаться в «Новый Ты».

Он содрогнулся.

— Как вспомню, что они сделали, злость пробирает! Взяли и клонировали меня!

— Знаю. Но тех, кто в этом виноват, больше нет, и копии тоже, а тебе нужен ремонт, которым больше никто не занимается.

— Ладно, — сказал он. — Сходишь со мной?

— Любой каприз за твои деньги. Точно хочешь платить, чтобы тебя подержали за руку?

— Пожалуйста, Алекс.

Я надеялся сходить домой, принять душ, переодеться, а потом навестить Диану. Но всё же сказал:

— Ладно.

— Спасибо.

Пиковеру пришлось подождать, пока я загляну в магазин и куплю себе сэндвич; те, что я прихватил в поездку, взорвались вместе с марсоходом. Мясо синтезировалось напрямую — держать грязных вонючих животных было ни к чему, — а в заведении, куда мы зашли, печатали неплохие ростбифы на булочке из водорослей. Сэндвич я съел на ходу. Нам пришлось пройти через центр — «Новый Ты» находился на Третьей, примерно на полпути к противоположной стороне купола. Перед входом Пиковер остановился — хотел бы глубоко вдохнуть, чтобы собраться с силами, но не мог.

Внутри нас поприветствовал Горацио Фернан-

дес, обладатель массивных рук.

— Боже мой, — сказал он, глядя на Пиковера, — что случилось?

— С альпинистским снаряжением не повезло, бывает, — сразу вмешался я.

— А с лицом что? — спросил Фернандес.

— Порезался при бритье, — ответил Пиковер.

— Господи, — сказал Горацио. — Пойдёмте скорее в мастерскую.

Пиковер обернулся на меня.

— Я подожду, — сказал я. — Не волнуйся.

— Рэйко! — позвал Фернандес, и из глубины здания в зал вышла женщина. Фернандес с Пиковером удалились.

Я помнил Рэйко Такахаси — мы встречались, когда я расследовал дело Уилкинса, — поэтому подошёл поздороваться. Она была небольшого роста, лет двадцати восьми, очень симпатичная для женщины из плоти и крови.

— Здравствуйте, мистер Ломакс, — сказала она, сверкая идеальными зубками.

Меня порадовало, что она запомнила моё имя.

— Просто Алекс, — сказал я.

— Алекс, хорошо. Привет.

— Привет.

Она придвинулась ближе и огляделась, чтобы

убедиться, что мы одни.

— Расследуешь новое дело?

— Моему другу понадобился ремонт, так что я просто зашёл за компанию.

— А.

Длинные чёрные волосы Рэйко доходили до середины спины. Три пряди были окрашены в рыжий: по одной за каждым ухом и третья ровно по центру. Карие глаза обрамляли тени под цвет волос, а одета она была в тёмно-серый брючный костюм с шёлковой блузкой оранжевого оттенка.

— Что привело тебя на Марс? — спросил я для поддержания беседы.

— Космический корабль, — озорно улыбнулась она.

— Ха-ха. А если серьёзно?

Она на мгновение задумалась, будто пыталась решить, заслуживаю я доверия или нет. Но потом просто сказала:

— У меня здесь дела.

Я включил своё коронное обаяние.

— Что ж, я только рад. — Я жестом указал за окно: — Тут так уныло; красота нам не помешает.

Она довольно склонила голову, а потом так и взглянула на меня снизу вверх.

— Я тоже рада, что ты заглянул, — сказала она.

— Спасибо. — Я не сбавлял обороты. — А я-то как рад.

— Я, если честно, сама думала к тебе зайти, — неуверенно призналась она.

— Правда?

— Ага.

— Почему же не зашла?

— Я… Прости, но я немного сомневалась, нужен ли мне детектив.

Я поддел пальцем её подбородок и приподнял прелестное личико.

— Конечно, нужен. Почему бы нам не пойти куда-нибудь и не поговорить?

Она огляделась.

— Ничего, здесь тоже хорошее место. Мы одни.

— И правда, — согласился я.

— Видишь ли, мне нужна помощь в одном деле.

О.

— Это в каком же?

Она некоторое время смотрела на меня, оценивая.

— Ладно, — решилась она. — Только никому не рассказывай.

— Чего не рассказывать?

Поразительно, как часто люди просят сохранить их секреты и всё равно раскрывают их, даже не получив ответа. Когда она начала говорить, я был крайне собой доволен, но когда закончила, я понял, что зря.

— Дело в том, — сказала она, — что мой дедушка — Денни О'Райли.

Глава 21

Я не смог сдержать удивления; это было весьма сильное заявление.

— Серьёзно? — спросил я.

Она кивнула.

— Моя мать была его единственным ребёнком. А я — его единственная внучка.

Я видел фотографии Денни О'Райли. Он был простым белым парнем, а мисс Такахаси обладала утончёнными азиатскими чертами лица. Было заметно, что она не впервые сталкивается с таким удивлением.

— Моя бабушка родом из Киото, — сказала она. — А мама вышла за мужчину из Токио. И всё же я так надеялась, что мне передалось хоть немного ирландской удачи. Я думала, что смогу отследить путь дедушки и найти Альфу.

— Но не вышло.

— Не вышло.

— И теперь ты работаешь здесь? — Я вскинул брови. — Прости, но раз ты внучка Денни О'Райли, где же, ну, куча денег?

— Моя бабушка была любовницей, не женой.

— Он ей ничего не оставил?

— Он никому ничего не оставил. У него не было завещания. По законам его страны это означало, что всё имущество переходит к жене. Детей у них не было — как, впрочем, и у Саймона Вайнгартена. Я единственная наследница их достояния, только суд лишил меня причитающегося.

— А. Значит, богатства ты здесь не нашла, зато нашла работу.

— Именно так. — Она жестом указала на выставочный образец: — Вы никогда не задумывались о трансфере, мистер Ломакс? Человеку вашей профессии это было бы кстати.

— За проценты работаешь, Рэйко?

— Прости, — улыбнулась она.

— Итак, с чем же тебе нужна моя помощь?

— Ну, я уже говорила: я сомневалась, стоит ли нанимать детектива. Но на прошлой неделе в мою квартиру залезли.

— Что украли?

— Ничего. Только перевернули всё вверх дном. Я обращалась в полицию, они приняли заявление по телефону, но на этом всё.

— Ты знаешь, что искал вор?

— Нет, — сказала она, но я почувствовал ложь.

В магазине по-прежнему не было ни души.

Теперь уже мне пришлось задуматься, стоит ли ей доверять.

— Ты спрашивала, есть ли у меня новое дело. На самом деле оно есть, только старое: я расследую судьбу Уиллема Ван Дайка.

Она округлила глаза.

— Вижу, имя тебе знакомо, — сказал я.

— О да. Дедушка с Саймоном брали его с собой в экспедицию. Ужасный человек; пытался увести окаменелости прямо у них из-под носа.

— Это тебе дед так сказал?

— Да. А почему ты хочешь узнать, что случилось с Ван Дайком?

— Мой клиент не любит оставлять дела незаконченными.

— Это был он? Твой клиент? Который ушёл в мастерскую?

Я кивнул.

— Несладко ему пришлось.

— Переживёт.

— Как его зовут?

— Рори Пиковер.

— Так это был мистер Пиковер? Ого.

— Да. Ему бы над лицом поработать.

— И не говори. А почему его это интересует?

— Ты же в курсе, что он учёный? Он ищет ока-

менелости с Альфы, ушедшие в руки частных коллекционеров, а для этого ему нужен Ван Дайк.

— А, — сказала Рэйко. — Возможно, я тоже смогу помочь. В дневнике упоминались их имена.

— В каком дневнике?

— Дедушки.

— Он вёл дневник второй экспедиции?

— Да, насколько я знаю. И первой тоже. Сама я их не видела, но…

— Но что? Где упоминаются имена?

— Был и третий дневник.

— Серьёзно? — спросил я. — Разве он не был утерян, когда их корабль сгорел при входе в атмосферу?

— Нет. Дедушка переслал его бабушке перед вылетом с Марса. Разумеется, потом они несколько месяцев провели в гибернации и проснулись только перед входом в земную атмосферу, но дневник он передал перед самым вылетом, то есть если говорить с его точки зрения, за день до смерти.

— И у тебя сохранились копии?

— Да, одна. Переплетённая распечатка.

Я вскинул брови.

— Бумажная?

— Ага. Бабушка не хотела, чтобы дневник стал достоянием общественности. Там есть очень личные записи, а ты сам понимаешь — всё, что попадёт в интернет, там и останется. Но она хотела, чтобы я помнила, откуда я родом и кем был мой дед. Поэтому где-то год назад, перед смертью, она оформила распечатку и стёрла цифровой файл. У меня остался единственный экземпляр.

— И он на Марсе?

Она не ответила.

— Ну? — спросил я.

Помедлив, она слабо кивнула.

— Его-то вор и искал. — Я даже не спрашивал — какой смысл? Это было очевидно.

Она снова покорно кивнула.

— В дневнике сказано, где искать Альфу?

— Нет, иначе я бы здесь не работала. Но там упомянуты кое-какие коллекционеры, с которыми он сотрудничал.

— Кто-нибудь ещё знает…

В этот момент входная дверь распахнулась, и в зал вошёл какой-то старик.

— Прошу прощения, — сказала Рэйко и направилась к нему. Из разговора стало понятно, что это старатель пришёл решать, тратить ему деньги с находок на трансфер или на обратный

билет.

Достав планшет, я открыл энциклопедию и нашёл статью о Денни О'Райли, решив поинтересоваться его личной жизнью. О любовнице не говорилось ни слова, хотя на момент смерти он действительно был женат, и та женщина унаследовала его имущество. Сама она тоже десять лет как погибла — денег на трансфер у неё, без сомнения, хватило, но неожиданная авиакатастрофа оборвала её жизнь.

Пожилой покупатель разглядывал тело в витрине. Он был чернокожим, а тело — белым, но похожего сложения.

Раз уж Рэйко занялась покупателем, а Рори был в мастерской, я вышел на улицу и связался с Дугалом Маккреем.

— Привет, Алекс, — сказал тот с крохотного экрана наручного телефона.

— Здоро́во, Мак. Вам намедни не поступало заявление от Рэйко Такахаси?

Он отвернулся от камеры.

— Секунду. — Затем он вновь повернулся ко мне веснушчатым лицом. — Да, проникновение со взломом. Каур им занималась. Странное дело; ничего не украли.

— А что по самой мисс Такахаси?

Он снова посмотрел в сторону.

— В розыске не числилась, ордеров нет. Налог на жизнеобеспечение оплачен. Приехала сюда три месяца назад. Работает в «Новом Ты» — вы с ней встречались, помнишь?

Я кивнул.

— Спасибо, Мак. До скорого.

— Погоди, Алекс, раз уж ты позвонил, у меня есть вопрос.

— Валяй.

— У нас тут двое пропавших без вести нарисовалось.

— Н-да?

— Ага. Лакшми Чаттерджи и Даррен Чун. Вышли из купола, но не вернулись. Они арендовали марсоход и скафандр для женщины; фирма-прокатчик хочет их вернуть.

— Представляю.

— В том же логе значится, что вы с доктором Пиковером вышли незадолго до них.

— Я вернул скафандр.

— С треснутым шлемом.

— Некачественная работа, — сказал я.

Мак взглянул на меня с сомнением.

— Увижу их — обязательно сообщу, — заверил я.

— Да уж давай, Алекс.

Я кивнул, сбросил звонок и направился обратно, но не успел дойти до двери, как она распахнулась и на улицу вышел старик.

— Что решили? — спросил я дружелюбно.

Тот сощурился, недоумевая, какое мне до этого дело. Но всё же ответил:

— Поеду домой.

Он не был похож на человека, способного выдержать гравитацию родины.

— Серьёзно? — спросил я.

— Ага. Вернусь в Лунапорт. Там никаких окаменелостей нет; задолбали уже эти камни.

Я кивнул; самое то для такого, как он.

— Счастливого пути, — сказал я. Я как-то пытался разглядеть Луну с Марса без телескопа; отсюда она такая же яркая, как Меркурий с Земли, то есть не особо. Протиснувшись мимо старого чудака, я зашёл внутрь.

— Сочувствую с ним, — сказал я Рэйко, ткнув пальцем в сторону двери.

— Спасибо. Тебя точно ничего не заинтересовало?

Я окинул взглядом симпатичное личико и подумал, что меня она очень даже заинтересовала. Но вслух сказал:

— Насчёт дневника…

— Да?

— Вор его не нашёл. Надеюсь, он в надёжном месте?

— О да.

— Где-то здесь?

— Нет.

— Тогда где?

Она поджала побелевшие губы.

— Рэйко, если ты хочешь, чтобы я взялся за дело, придётся мне довериться.

— Тут есть одна писательница, которая работает над официальной биографией дедушки, — подумав, сказала она. — Дневник у неё.

Я очень сомневался, что на Марсе найдётся второй писатель, но всё же спросил:

— Кто?

— Лакшми Чаттерджи. Живёт в Доме Шопацкого.

— Я думал, она пишет книгу о «Травене», — сказал я.

— Это что? — спросила Рэйко.

А ведь и правда, выдавать себя за писателя — замечательное прикрытие. Можно просто сказать, что пишешь о чём-то книгу, и тебе сразу поверят. С другой стороны, раз дневник и так был

у Лакшми, она бы не пошла грабить Рэйко.

— Кто-нибудь кроме Лакшми знает о дневнике?

— Нет. По крайней мере, на Марсе. Лакшми пообещала никому не рассказывать.

В этот момент из мастерской вышел Пиковер. Ему починили лицо, и хоть на любимой рубашке до сих пор красовались две прорехи, с повреждениями под ней наверняка разобрались. Вдвоём с Горацио Фернандесом они направились к кассе рассчитываться.

— Ну ладно, — сказал я Рэйко. — Я поищу, кто к тебе вломился, и если найду — дам понять, чтобы больше к тебе не лезли.

— Спасибо, мистер Ломакс.

— Алекс. Зови меня Алекс.

Она улыбнулась, вновь сверкнув идеальными зубками.

— Спасибо, Алекс.

Я попрощался с Рэйко, и мы с Пиковером вышли на улицу. Как только за нами закрылась дверь, я обернулся к нему:

— Ну, как ты?

— Как новенький, — ответил тот.

— Тебе же не установили датчик слежения?

— Я следил как ястреб — было довольно просто,

учитывая, что мне чинили лицо. Вроде бы никаких датчиков, но я на всякий случай проверю.

— Хорошо. Уж не забудь. — Я помедлил и добавил: — А у меня тут внезапные новости. Мисс Такахаси — внучка Денни О'Райли.

— О, разве?

— Нет, — не удержался я. — О'Райли. — Я подождал смеха, но Рори, видимо, смеялся про себя. — Кхм, так вот, — сказал я. — Она действительно его внучка. Денни спал с её бабушкой. И ещё кое-что; смотри, как бы у тебя шарики за ролики не заехали от шока. О'Райли вёл дневник последней экспедиции с Вайнгартеном. Он переслал его бабушке мисс Такахаси перед вылетом с Марса.

Пластиковое лицо Рори просияло — почти буквально, я бы сказал.

— О боже! Если там есть палеонтологические подробности, я должен это увидеть! Сведений о находках с третьей экспедиции совершенно не сохранилось. Кто знает, какие сокровища Альфы были потеряны вместе с их кораблём?

— Спокойно, — сказал я. — Достану я твой дневник. Он сейчас в Доме Шопацкого, а место писателя, как ты знаешь, недавно освободилось. Пойду загляну туда.

— А как же я? — спросил Пиковер.

Я одарил его своей самой обнадёживающей улыбкой.

— Иди домой, поработай с окаменелостями. Я заскочу в офис, а потом схожу за дневником. Это не займёт много времени.

Глава 22

У Дома Шопацкого висела табличка, которую я в прошлый раз не заметил, потому что подошёл с другой стороны. Белый прямоугольник тёмно-зелёным шрифтом рассказывал, кем был Ставрос Шопацкий, и пояснял, что хотя некоторые рассматривают дом как туристическую достопримечательность — как будто на Марсе много туристов, — на самом деле это частная собственность, и посетителям стоит вести себя тихо и не беспокоить проживающих в нём трудолюбивых писателей.

Но, как и многое в Нью-Клондайке, табличку не обошли стороной вандалы. «Книги — дерьмо», — вырезал на ней кто-то. Видимо, очередной критик.

Обычно входные двери и другие потенциальные лазейки в местных домах защищали на совесть, поэтому я обошёл дом сзади. Территория поросла папоротниками, они отлично чувствовали себя в тусклом солнечном свете.

Раньше люди оставляли запасной ключ под камнем, а камней на Марсе было предостаточно.

Но в наши дни биометрическими замками не пользовались разве что трансферы, и запасные ключи никто не хранил. На всякий случай я всё равно огляделся, но ничего не нашёл. Зато в доме было большое окно — писатели, по слухам, любили пялиться в никуда; неплохая работа, если удастся пробиться. Окно наверняка было сделано из аллокварца или ударопрочного стекла, зато наличники выглядели менее прочными: так оно и оказалось.

К счастью, Дом Шопацкого располагался во внешнем кольце, и на задний двор мог заглянуть разве что прохожий, случайно оказавшийся по ту сторону купола. С помощью ножа Дирка я срезал наличник вокруг окна, надавил на тяжёлый стеклопакет снизу, и тот, выгнувшись, выпал из рамы. Я оттащил его в сторону.

Без полноценного скафандра не было смысла заметать следы — ДНК всё равно бы осталась. Я не стал даже пытаться; в конце концов, я уже был в доме с разрешения Лакшми, и если люди Мака возьмутся расследовать проникновение, у меня будет алиби.

Оглядев небольшое пространство, я быстро нашёл письменный стол. Лакшми пользовалась клавиатурой — она лежала на маленьком столике

рядом с креслом напротив настенного монитора. Неудивительно; те, кто серьёзно относился к словам и знакам препинания, предпочитали механический набор распознаванию речи.

Я обыскал кабинет, но дневника там не оказалось. Не оказалось его и в ящичках старинного стола, который я обшарил в гостиной.

Подойдя к стене, у которой стоял книжный шкаф, я поочерёдно оглядел корешки. Как я и заметил ранее, они были расположены не в алфавитном, а в хронологическом порядке, причём в конце стояли книги самой Лакшми. Всего книг было около восьмидесяти, и да, конечно: справа у самого края второй сверху полки обнаружился тонкий томик в твёрдой обложке без названия на корешке.

Спереди обложка тоже оказалось пустой, зато на титульном листе значилось: «Дневник Денни Т. О'Райли». Текст был набран приятным шрифтом — получилась самая настоящая книжка.

Раздался шорох; обернувшись, я заметил, как открывается входная дверь. Сбежать тем же путём и не попасться на глаза вошедшему у меня бы не получилось. Отступив подальше в гостиную, я осторожно выглянул из-за угла и посмотрел, кто пришёл.

Сердце подпрыгнуло. Я будто увидел привидение.

Прекрасное кареглазое привидение с каштановыми волосами и смуглой кожей.

Лакшми Чаттерджи воскресла из мёртвых.

Я отступил ещё дальше. В прихожей не было ковра, и я услышал стук упавших на пол туфель на твёрдой подошве. На некоторое время воцарилась тишина — возможно, Лакшми просто стояла, но скорее ходила босиком. Я не представлял, как она спаслась, но наверняка она вспотела и устала; на её месте я бы первым делом направился в душ, а я не знал, где он тут расположен. Если в другой комнате, то нет проблем — я сбегу, пока она будет мыться. Но если в ванную можно попасть только из гостиной — а тут действительно была закрытая дверь, — тогда у меня могли возникнуть проблемы.

Она повернула направо, а не налево, и я затаил дыхание — но она шла не в ванную, а на кухню, чёрт подери. Ладно, пока она будет рыться в холодильнике, я смогу проскочить мимо. Раздался непонятный шорох, а потом зашумела какая-то машина. Я скрылся из вида и затаился. Лакшми покинула кухню не сразу, но когда появилась — оказалась абсолютно, совершенно, восхити-

тельно голой. Значит, где-то там она держала стиральную машину; теперь я узнал звук электростатического отжима.

А потом она повернулась во всём своём нагом совершенстве и застыла с открытым ртом.

— Здравствуй, Лакшми, — сказал я, шагнув к ней с пистолетом в руке.

— Что ты тут делаешь? — резко спросила она.

— У меня тот же вопрос. Как ты вернулась?

— Тебя не касается. — Она заметила дневник у меня в руках. — Верни.

— Ни за что.

— Заберёшь его — я вызову полицию.

— Вызывай. Заодно расскажешь, что пыталась сделать с доктором Пиковером и со мной.

— Я ведь вызову, — сказала она, положив руки на прекрасные бёдра. — Пусть вся Солнечная система узнает, где находится Альфа-залежь.

Я обдумал варианты. Можно было застрелить её, но тело бы рано или поздно нашли, и пуля без труда привела бы Мака ко мне. Можно было просто сбежать — она явно не знала про снятое окно, поэтому удивилась бы, что я бросился не к двери, а к нему. Или же я мог остаться и посмотреть, что будет дальше; в конце концов, я предпочитал не бегать от обнажённых красавиц.

С лёгкой неохотой я решил просто уйти. Не опуская револьвер, я обошёл её и направился в кабинет, отступая спиной вперёд. Уже добравшись до пустого окна, я убрал пистолет в кобуру, освободив руку, и отвернулся, но тут…

Бам!

Она схватила что-то тяжёлое — я не заметил что — и швырнула в меня. На Земле такой бросок потребовал бы немало сил, но здесь это проще простого. И пусть из дробовика она целилась плохо, но сейчас попала прямо между лопаток. От удара я перевалился через подоконник головой вперёд — приземлившись, к сожалению, не на мягкие папоротники, а на большой лист снятого аллокварца. Чтобы прийти в себя, потребовалась секунда. Но не успел я подняться, как Лакшми крикнула:

— Не двигайся!

Я не послушал. Вместо этого перекатился на задницу и сел, снизу вверх глядя на её свисающие из окна идеальные груди.

— А не то что? — спросил я. Оружия при ней точно не было.

— Ты умрёшь.

— И как же?

— Книга самоуничтожится.

— Я тебя умоляю.

Она равнодушно пожала плечами.

— Переверни.

Я перевернул книгу и действительно увидел на задней обложке пластинку размером со старомодную визитную карточку толщиной в несколько миллиметров — такую взрывчатку в народе называли кардитом. В неё встраивались микросхемы дистанционного управления; я попытался оторвать обложку, но твёрдый переплёт оказался слишком крепким.

— У тебя нет пульта, — сказал я, взглянув на Лакшми.

— Хочешь поспорить?

— Он у Рэйко Такахаси.

— А вот и нет. Он подключён к моему компьютеру.

— Блефуешь.

— Давай, попробуй. Книгу разнесёт на кусочки, а тебе оторвёт руку, если совсем не убьёт.

— Давай позвоним мисс Такахаси и узнаем, — сказал я, поднося наручный телефон ближе к лицу.

— Всё думаешь, что владеешь ситуацией, мистер Ломакс? Ошибаешься. — Она окликнула через плечо: — Персеида?

До меня слабо донёсся женский голос компьютера — того самого красного куба, стоящего на рабочем столе:

— Да, Лакшми?

— Через тридцать секунд после отмашки взорви книгу — и, пожалуйста, начни обратный отсчёт.

— В марсианских или земных секундах? — спросила Персеида. Поскольку марсианские солы были в 1,03 раза длиннее земных суток, марсианские секунды были в 1,03 раза длиннее земных.

— О, ради всего святого! — воскликнула Лакшми. — В марсианских!

Какое-то время компьютер молчал, а потом Лакшми сообразила, что не дала отмашку.

— Начинай, — сказала она.

— Тридцать. Двадцать девять. Двадцать восемь.

— Брось книгу, Ломакс.

Я достал пистолет.

— Останови отсчёт, Лакшми.

Я надеялся, что она не додумается до очевидного, но нет — она пригнулась, прячась от пули за подоконником.

— Двадцать два. Двадцать один. Двадцать.

Но пока она пряталась — не видела, что я делаю.

Бросившись вперёд, я подскочил на ноги, встав на аллокварцевое стекло, схватил Лакшми за запястья, вытащил её через окно, перевернулся на спину и перебросил её через себя на подстилку из папоротников.

— Семнадцать. Шестнадцать. Пятнадцать.

Я отбросил книгу; в отличие от кордита, кардит не боялся тряски.

— Подозреваю, нам обоим она нужна в целости и сохранности, — сказал я, дёрнув головой в сторону книги. Попутно достав пистолет, я нацелился на Лакшми, которая привлекательно растянулась на животе, выставив попку.

— Персеида, — сказала она. — Стоп!

Одна проблема: Персеида её не услышала.

— Одиннадцать. Десять.

— Твою мать, — сказал я.

— Восемь. Семь.

Лакшми перекатилась на спину и подскочила, подпрыгнув на метр вверх.

— Стоп!

— Пять!

— Стоп! — закричала она, медленно опускаясь под действием гравитации.

— Четыре.

— Стоп! — крикнула она снова.

— Три.

— Стоп! — заорала она, бросаясь к окну. Я, успев подняться, вовремя уступил ей дорогу.

— Два.

— Стоп!

— Отсчёт остановлен, — спокойно сказала Персеида.

Я подскочил к Лакшми и схватил её за запястье, пока она не успела забраться в окно. Завязалась борьба, но хотя Лакшми была сильной — по марсианским меркам все недавно прибывшие с Земли такими были, — я оказался сильнее. Когда потасовка перестала меня забавлять, я подтолкнул её к куполу и бросил:

— Дальше сама. — Дождавшись, когда она точно выйдет из зоны слышимости Персеиды, или как там звали её компьютер, я сказал: — Вот там и стой. Не шевелись. Просто стой на месте.

Она послушалась, хотя теперь, растеряв преимущество, вдруг застеснялась. Одной рукой она прикрыла самую красивую часть груди, а вторую опустила, широко расставив пальцы, чтобы прикрыть то, что я уже видел внизу.

Подобрав книгу, я достал нож и занялся обложкой. А когда отодрал — швырнул изо всех сил, и она быстро скрылась за горизонтом.

— А теперь, — сказал я, держа Лакшми на мушке, — я уйду и заберу с собой книгу.

— Ты там ничего не поймёшь. Это личный дневник Денни, там полно шифровок и сокращений. Иначе для написания биографии не понадобился бы историк.

— Ну, если мне понадобится помощь — я знаю, куда идти. И советую больше не соваться на Альфу. Во-первых, она защищена, а во-вторых — я ради неё убил твоего дружка Даррена Чуна и тебя тоже убью, если придётся. Под куполом полиция тебя, может, и защитит — хотя я бы не рассчитывал на их помощь, — но ещё раз увижу тебя на равнине, и ты моя, ясно?

Она кивнула, не поднимая глаз. Стволом пистолета я приподнял её подбородок и заглянул в тёмные глаза.

— Приятно было повидаться, малыш.

А потом развернулся и пошёл прочь.

Глава 23

Я решил, что не стоит идти туда, где Мак легко меня обнаружит, если Лакшми всё-таки позвонит сообщить о краже. Долго искать он бы не стал, но наверняка заглянул бы ко мне домой и в офис, а потому я направился в зал Галли, принял там ультразвуковой душ и переоделся в синие спортивные штаны и чёрную футболку, которые хранил в шкафчике. Взглянув в зеркало и убедившись, что с внешним видом у меня всё в порядке, я направился к Пиковеру.

Когда я пришёл, тот как раз занимался тем, что я и посоветовал: работал с окаменелостями.

— Боже! — сказал он, посмотрев на меня. — Что случилось?

— В смысле?

Он указал на мой лоб.

— Ничего себе шишка.

Я пощупал кожу.

— А. Да. Я упал.

Детективом он не был, зато был учёным.

— Падение в условиях местной гравитации не привело бы к травме.

— Это правда. Я налетел на аллокварц.

— Боже.

— Ладно, неважно, — сказал я. — Хорошие новости для твоей совести: Лакшми Чаттерджи жива.

— Живее всех живых, насколько я вижу, — ответил он, но с заметным облегчением. — Как она спаслась?

— Понятия не имею. Но я забрал у неё дневник.

Я передал книгу в протянутые руки.

— Извини за обложку, — добавил я.

Пиковер открыл дневник на первой странице и вчитался, а потом поднял взгляд.

— Это точно О'Райли. Его интонация.

— Надо будет над ним поработать, — сказал я.

— Я тоже хочу его прочитать, — ответил Пиковер. Мы на мгновение задумались. Я не мог даже вспомнить, когда моё желание прочесть книгу в последний раз кому-то мешало. Наверное, где-нибудь в Нью-Клондайке нашёлся бы сканер для бумаг, но я даже не представлял, где его взять.

— Ну ладно. Тебе от него больше пользы. Забирай. Только, ради бога, держи дверь на замке и не подпускай к ней Лакшми Чаттерджи.

— Она пыталась меня заколоть, как вампира, — сказал Пиковер. — Её я точно на порог не пущу.

— Вот и хорошо. Читай себе. Сколько у тебя на это уйдёт, не знаешь?

Он пролистал страницы, оценивая плотность текста.

— Часа два-три, пожалуй.

— Ты уже проверился на датчики слежения?

— Да. Всё чисто. Наверняка Фернандес хотел их установить, но не смог подгадать момент.

— Ну ладно. Скоро вернусь.

— Куда ты?

— Пойду поужинаю. Тебе, Рори, есть больше не нужно, зато нужно мне.

* * *

В «Гнутом зубиле» меня встретил вечно недовольный Баттрик. Заняв привычный столик в углу, я дождался Диану; сказать честно, от неё мне хотелось совсем не еды, но до конца смены оставалось несколько часов, так что это откладывалось. Я заказал выпить, а заодно стейк со стручковой фасолью; мясо выращивалось искусственно из пробирки, а зелень здесь синтезировалась.

Вскоре Диана принесла скотч со льдом, и я выпил его залпом. Посетителей в это время было немного, поэтому она жестом показала подвинуться и устроила свою круглую попку рядом

с моей.

— Ну и чей муж заехал тебе по лбу на этот раз?

— Ничей, — сказал я.

— Ну да, конечно, — ответила она, сжимая моё бедро.

— Правда, — сказал я. — Слушай, ты же у нас девушка образованная. Слышала когда-нибудь о здешней писательнице?

— Лакшми Чаттерджи? Конечно.

— И как она? — Впервые в жизни я задавал этот вопрос, не подразумевая невысказанное «в постели».

— Отлично пишет. Я прочитала её книгу про Лунапорт, когда узнала, что она к нам приедет. Она как Шелби Фут с той войной.

— А, — сказал я. О Шелби Футе я слышал впервые, но подозревал, что в детстве его с таким именем часто били. — А неплохая штука, эта их оплачиваемая поездка на Марс.

— Ну, её ещё нужно отработать.

— А, да. Она пишет книгу о «Б. Травене». — Или официальную биографию Денни О'Райли. Или ещё что-то.

— Не только, — сказала Диана. — Ещё она работает с местными начинающими писателями. Рецензирует рукописи.

— Серьёзно?

— Ага. Такой договор: большую часть времени писатели свободны, но иногда приходится помогать новичкам.

— И что для этого нужно?

— Договариваешься с ней о встрече, заранее присылаешь рукопись, и потом вы час её обсуждаете.

— В Доме Шопацкого?

— Наверное.

— Ты пишешь стихи, — заметил я.

Она поморщилась.

— Плохие.

Тут я не мог поспорить, поэтому пропустил её слова мимо ушей и просто сказал:

— Можешь записаться к ней на приём.

— Боже, нет. Я не буду показывать ей свои стихи. Она великолепно пишет.

— Помогать начинающим — её работа.

— Я не могу, Алекс.

— Ну пожалуйста, детка. Мне нужно, чтобы ты к ней попала.

— А почему сам не сходишь?

— Уже сходил. — Я указал на шишку. — Там и получил по лбу.

Диана недовольно фыркнула и привстала.

— Ты неправильно поняла, малыш, — сказал я и понизил голос: не потому что боялся, что нас подслушают, а чтобы Диана склонилась ко мне во всём своём полуголом великолепии. — Я, кхм, побывал у неё дома без её ведома. Нужно было забрать там один… документ.

— Без её ведома? — холодно спросила Диана. — Значит, она настроила под тебя замки?

— Нет, милая, честно. Я влез через окно. Мы подрались, но я заполучил документы. Но ещё до этого она напала на нас с Пиковером за куполом, пыталась нас убить.

Диана нахмурилась.

— Пиковер же трансфер.

— Это не помешало ей пробить ему грудь крюком, да и пальнуть в меня из дробовика — тоже.

— Боже! — Она помолчала. — Но из-за чего?

— Она думает, мы знаем, где находится Альфа.

— А вы знаете?

В этот раз я сумел сохранить самообладание.

— Нет, разумеется.

— Но она на вас напала.

— Ага.

— И ты хочешь отправить меня к ней одну?

— Ну она ничего против тебя не имеет.

— Зачем тебе вообще это нужно?

— Я хочу, чтобы ты подкинула ей жучок, чтобы я мог подслушивать её разговоры. У неё есть как минимум ещё один сообщник — кто-то ей сегодня помог. Не знаю кто, но хочу это выяснить.

— Зачем? Какая тебе разница?

Человек, пришедший Лакшми на помощь, знал о местонахождении Альфы, вот и вся разница. К тому же с жучком я бы заранее узнал, не решила ли Лакшми нарушить обещание держаться оттуда подальше.

— Пожалуйста, малыш, — просто сказал я. — Мне нужна помощь.

Диана села обратно, но чуть отодвинулась.

— Ну? — спросил я, нарушив затянувшееся молчание.

— Ладно, — ответила она. — Но с тебя свидание.

— Я только рад…

— В «Блэйни».

Я нахмурился. Так назывался дорогой ночной клуб, куда ходили праздновать поймавшие удачу старатели.

— Договорились, — сказал я, наклонился и поцеловал её в щёку.

Просто включу это в графу о расходах, когда выставлю Пиковеру счёт.

* * *

Оставив Диану в «Гнутом Зубиле», я на самом деле и сам почти вернулся к Дому Шопацкого, потому что рядом там находилась клиника Уиндермира. Старый добрый док Уиндермир — похожий на моржа мужик с закрученными усами — согласен был даже вытащить пулю и залатать ножевое ранение, не привлекая надоед из местной полиции, что уж говорить о пустяковой шишке, но я решил всё же подкинуть ему работёнки. Да и сам был рад повидаться с Глорией, его медсестрой-секретаршей, славной энергичной девчушкой с выкрашенными в розовый волосами. Подозреваю, док разбавлял анестезию так же, как Баттрик выпивку, но одного взгляда на Глорию обычно хватало, чтобы на несколько минут забыть про боль.

Видимо, вечер выдался тихим, потому что ждать не пришлось. Док Уиндермир посветил мне на лоб парой целебных лучей, и в треснутом зеркале у него за спиной было видно, что припухлость спала, а лиловый отёк рассосался.

Поблагодарив его, я расплатился с Глорией наличкой и направился к Пиковеру, который к этому времени должен был закончить с днев-

ником.

— Ну что? — спросил я, когда он впустил меня в квартиру. — Нашёл что-нибудь интересное?

— Ещё как, — ответил он, опустившись в кресло; я сел напротив. — Вайнгартен и О'Райли связывались с несколькими покупателями с Земли, чтобы заранее организовать продажу окаменелостей. В дневнике есть их описание — и даже имя коллекционера, которому они продали декапода!

— Кого?

— Декапода! Единственный известный экземпляр, они привезли его из второй экспедиции. — Он торжественно продемонстрировал мне дневник. — Полагаю, декаподы были предками пентаподов, которые получили широкое распространение чуть позже, — и теперь я знаю, в чьей коллекции он находится! Говорю тебе, Алекс, такими темпами нам не придётся искать Уиллема Ван Дайка!

Это означало конец оплачиваемых часов, так что я быстренько возразил:

— У меня есть ещё пара зацепок.

Рори был в приподнятом настроении.

— Конечно, старина, конечно! У наших профессий один девиз: не оставим камня на камне!

— Хорошо, — сказал я. — Что будем делать дальше?

— Поедем на Альфу. Нельзя оставлять там разбитые марсоходы, кто-нибудь обязательно их заметит. И нужно закончить разминирование. Готов ещё немного проехаться, старина?

Дорога до Альфы занимала немало времени, а это означало много соларов.

— Почему нет? — сказал я. — Но нам понадобится новый багги.

— Возьмём напрокат или одолжим у кого-нибудь?

— Одолжим, — ответил я. — Не знаю, как Лакшми с этим Дарреном Чуном умудрились найти нас в темноте. Возможно, в арендованном марсоходе стояло устройство слежения.

— Но это незаконно, — возмутился Рори. Я промолчал, и он кивнул: — Ладно. Итак, у кого мы можем безопасно одолжить марсоход?

Обычно багги покупали по двум причинам: работать вдали от купола или устраивать гонки. Равнина Исиды, в конце концов, отлично для них подходила. А мой приятель Хуан Сантос любил любые машины, не только компьютеры. Я позвонил ему.

— Хуан, — обратился я к маленькому изоб-

ражению, появившемуся на экране, — можно одолжить твой багги?

— Ого, Алекс, — ответил он. — Со связью что-то совсем не то. Мне аж послышалось, что ты попросил одолжить мой багги.

— Ну помял я его в прошлый раз, знаю…

— Помял? По-твоему, это так называется?

— Я же его починил.

— Давай лучше тебя починим, пока ты никому свои дефектные гены не передал.

— А если за руль сяду не я?

— А кто?

— Доктор Пиковер?

— Этот пискля?

— Я всё слышу, — сообщил Рори.

— Ой! — сказал Хуан. — Кхм, извини. Я не хотел… Кхм, в общем, ладно, берите. Только будьте в этот раз осторожнее, ради всего святого.

* * *

Багги Хуана оказался белым с изумрудно-зелёными полосками. Как и было обещано, за руль сел Рори Пиковер, и мы снова выехали к Альфа-залежи в темноте. На этот раз он не стал требовать от меня надеть поляризованный шлем и оставить пистолет, планшет и телефон в камере хране-

ния — начал доверять, видимо. Всего-то стоило в очередной раз спасти ему жизнь. Ну, хорошо, что хоть кто-то из нас считал, что у меня благие намерения.

Сквозь стеклянную крышу я наблюдал, как за горизонт заходит сначала Венера, а следом за ней Земля. Небо завораживало. Даже на вершинах самых высоких земных гор атмосфера была куда плотнее марсианской, и два крохотных спутника Марса светили довольно тускло. Но в ясные ночи над головой ослепительно сиял Млечный Путь, и сегодня была как раз такая.

— В дневнике я нашёл ещё кое-что, — сказал Рори.

Я посмотрел на него — тёмный силуэт на фоне звёзд и синих индикаторов приборной панели.

— Н-да?

— Да. О'Райли писал, что оставил в посадочной ступени большую бумажную карту Альфы, на которой отмечены точные места найденных ископаемых. Это невероятно важная информация для науки.

— Тогда почему они оставили карту? — спросил я.

— Они планировали вернуться. В дневнике сказано, что они собирались продолжить раскопки

с места, на котором остановились. — Он мельком взглянул на меня. — Мне нужна эта карта, Алекс.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Но Эрни Гаргалян сказал, что никто не знает, куда подевался третий посадочный модуль.

— Я знаю, — тихо ответил Рори.

— Серьёзно?

— Да. Я не хотел говорить тебе в Нью-Клондайке. Там даже у стен есть уши — никогда не знаешь, кто подслушивает. Но да, я знаю, где он может быть.

Мы наехали на кочку, и я подпрыгнул в кресле. Потуже затянул ремень безопасности.

— Как ты его нашёл?

— По спутниковым фотографиям.

Я нахмурился.

— Наверняка много народа его так искало.

— Да, даже не сомневаюсь. Но они не знали, что именно ищут и с чего начинать. А я понимал, что он будет рядом с Альфой, и у меня было преимущество, ведь её я уже нашёл.

— Эрни считает, что его могли перебросить.

— Как второй посадочный модуль? Нет. Если бы они разбили его в другом месте, кто-нибудь уже наткнулся бы на обломки.

— А что тогда?

— Они закопали его там же, где приземлились.

— Марсианская мерзлота же как камень, — сказал я. — Они бы вечность его закапывали.

Пиковер перешёл на учительский тон, каким профессоры обращаются к студентам:

— Почему вечная мерзлота так называется, Алекс?

— Потому что она всегда заморожена.

— Что именно заморожено?

— Почва.

— Твёрдые тела нельзя заморозить.

— А, ну да. Значит, вода в почве.

— Именно. Равнина Исиды — это гигантский поверхностный кратер, оставшийся от удара. Миллиарды лет назад он был заполнен водой. Эта вода не просто исчезла, она частично впиталась в почву. Как я уже говорил, по образцам местной породы видно, что грунт Альфы на шестьдесят процентов состоит из воды.

— И они её растопили?

— Думаю, да. Если Вайнгартен с О'Райли хотели спрятать посадочный модуль, то должны были спланировать всё заранее. Я полагаю, что они оставили двигатель работать, пока замёрзшая вода не растаяла, превратив почву в грязь. Работа сопла при посадке раскидала бы её в стороны,

образовав яму. Они опустили туда посадочную ступень, а после отключения двигателя грязь стекла обратно и похоронила её под собой.

— Неплохо. И как это должно выглядеть с орбиты?

— Ну, лежащие на поверхности камни погрузились бы в грязь, так что нужно было искать пустую область метров сорока-пятидесяти в диаметре. Со стороны такой участок легко спутать с кратером. Даже при близкой орбитальной съёмке они практически идентичны; нужно смотреть с разных углов, меняя освещение, чтобы заметить отсутствие вогнутости.

— И ты его нашёл?

— Да.

— Потому что начинал с Альфы, — сказал я. Но потом покачал головой: — Нет, нет — всё было наоборот, да? Сначала ты нашёл свою круглую фиговину и уже по ней вычислил Альфу.

— Ты хороший детектив, Алекс. Всё так. Я понимал, что равнина Исиды слишком большая, чтобы просто случайно наткнуться на Альфу. И знал, что здешние старатели в большинстве своём не имеют геологической подготовки, достаточной для интерпретации орбитальных снимков. Я изначально подозревал, что посадочный модуль

закопали под землю — корабль с третьей миссии стал бы прекрасной основой постоянного поселения. Поэтому я занялся изучением фотографий со спутников. За последние сорок лет их не так уж и много; большинство были сделаны гораздо раньше, и никто не удосужился их обновить — в конце концов, на Марсе нет жизни. Но я получил доступ к съёмкам хорватской миссии пятнадцатилетней давности. Несколько месяцев изучал фотографии, но в итоге всё же нашёл нужное место.

— Неплохо, — одобрил я.

— Уж лучше так, чем бесконечно бродить по окрестностям в надежде наткнуться на Альфу.

— Вы с Дугалом Маккреем, случаем, не знакомы? — спросил я. Двойник Пиковера его встречал, но я сомневался, что оригинал имел такое удовольствие.

— Нет.

— Он бы тебе понравился. Главный детектив местной полиции. Тоже любит протирать штаны в кабинете.

— Я больше пяти тысяч часов провёл в полевых выездах на Земле и на Марсе, — обиженно заметил Пиковер.

— Прости. — Я вновь обратил взгляд в тёмное небо. В таких долгих поездках я обычно старался

развлекать водителя, но Пиковеру не грозило заснуть, разве что заскучать без собеседника. — Не против, если я вздремну?

— Нет, — ответил он. — Я слушаю музыку.

* * *

Когда я проснулся, солнце уже взошло и мы подъезжали к знакомым местам: буквально в тридцати метрах лежали обломки, оставшиеся от двух марсоходов. Я натянул взятый в аренду скафандр — в этот раз коричневый, — и Пиковер откинул крышу кабины. Мы вышли наружу.

— В первую очередь, — сказал Рори, — давай попробуем найти карту. — Он задумался. — Как забавно! Ищем карту без карты.

— С чего начнём? — спросил я.

Пиковер указал на кратер, где они подрались с Лакшми:

— Полкилометра в ту сторону. Не хочу туда подъезжать, следы шин здесь остаются надолго.

Мы пошли в указанном направлении. Размять ноги было приятно.

— О, кстати, — сказал я. — Всё хотел спросить. Помнишь, ты сказал Даррену Чуну какую-то ерунду, что-то о кокетливых девушках?

— Девушки могут флиртовать и другие стран-

ные вещи могут делать, — оттарабанил Рори.

— Да, точно. Что это значит?

— Это старая запоминалка минералогической шкалы твёрдости Мооса. Если бы он действительно работал в Геологической службе, знал бы.

Мы шли ещё какое-то время. Вскоре Пиковер жестом указал на раскинувшуюся впереди местность:

— Вуаля!

Я ничего не увидел.

— И?

— Да вот же, видишь? Круг, сорок метров в диаметре? — В его голосе звучало разочарование.

Я попытался понять, куда он показывает, и…

А. Красновато-рыжая, как и вся поверхность планеты, проплешина была прикрыта песком, да и только; никаких камней, никаких кратеров.

— И как мы доберёмся до посадочной ступени? — спросил я.

— Ну, она не может быть спрятана глубоко. Вечная мерзлота по своей глубине ненамного превосходит высоту посадочного модуля, а дальше начинаются коренные породы, которые не пробить соплом двигателя. Скорее всего, верхушка скрывается под самой поверхностью.

— Ясно, — сказал я.

— В посадочном модуле было два люка, — продолжил Рори. — Один спереди, для выхода на поверхность, а второй в крыше, чтобы обеспечивать доступ к взлётной ступени. Верхний люк, по идее, будет прямо по центру. — Он принёс с собой геологическое оборудование, в том числе большую кирку. — Посадочная ступень круглая в поперечном сечении, шириной около десяти метров.

Оглядевшись в поисках приметных камней за пределами круга, он уверенно направился прямо к центру.

Я пошёл следом. Насколько я понял из его объяснений, двадцать лет назад вся площадка представляла собой мешанину из воды и грязи. По ощущениям она казалась такой же твёрдой, как и остальная равнина.

Пиковер замахнулся. Острие кирки вошло в землю всего сантиметров на десять и тут же наткнулось на что-то металлическое. Опустившись на колени, Пиковер начал копать вечную мерзлоту голыми руками. Я ничем не мог подсобить, а потому просто наблюдал, уперев руки в бока.

У него ушло несколько минут, чтобы раскопать круглый металлический люк около восьмидесяти сантиметров в диаметре. Он оказался выпуклым,

а в центре было установлено колесо. Пиковер указал на него:

— Будь добр, Алекс.

Я ухватился за колесо обеими руками и попытался повернуть, но оно не подавалось; либо было заблокировано с другой стороны, либо механизмы забились пылью.

Пиковер, наклонившись, схватил колесо голыми руками. Странно было смотреть, как человек явно напрягается, а по его телу этого не видно. Он не рычал и не хмурился, а просто спокойно делал то, чего не смог сделать я: вращал колесо. Повернув его на сто восемьдесят градусов, он потянул за него, и люк открылся.

Внутри было темно, но я заметил лесенку с изогнутыми под проём перекладинами. Пиковер быстро скрылся во тьме, а мгновение спустя вспыхнул свет. Я отшатнулся — фонаря у него с собой не было, так откуда…

Нет. Это был не фонарь — это заработало внутреннее освещение. Ну, эксимерные батареи долго держат заряд…

Я огляделся в поисках того, чем можно подпереть люк. Ничего подходящего под рукой не оказалось, но от марсианского ветра он бы всё равно не захлопнулся. Я спустился по лестнице.

Внутри модуль оказался разделён на два уровня общей высотой около пяти метров. Лестница шла до самого низа, куда и спустился Пиковер, поэтому я спрыгнул на втором этаже и оглядел круглое помещение, словно пирог разделённое на шесть треугольных отсеков.

В первом стояли шкафы с горным оборудованием и медикаментами. Я поискал карту, но её там не оказалось.

Второй отсек справа был отведён под небольшой камбуз, но здесь шкафы пустовали; видимо, припасы закончились, и это послужило одной из причин сворачивания экспедиции.

Третий отсек оказался спальным: на полу обнаружился широкий поролоновый матрас. Я огляделся, но карты здесь не было.

В четвёртом отсеке стоял туалет — я не представлял, как им пользоваться.

В пятом я обнаружил рабочую зону; инструменты для очистки окаменелостей напоминали те, что я видел в магазине Эрни и дома у Рори.

Я думал, что в шестом отсеке будет вторая каюта, но та, видимо, находилась внизу, а здесь была кладовая. На стуле лежал белый скафандр, припорошённый марсианской пылью. Я попытался передвинуть его, чтобы добраться до шкафа, но…

Господи боже!

— Рори! — заорал я. — Сюда!

Пол палубы задрожал; это Рори быстро взобрался по лестнице. Вскоре он уже стоял сзади, заглядывая мне через плечо.

— Он не пустой, — сказал я, указав на скафандр. — Там внутри тело.

Скафандр был старомодным, с откидным зеркальным визором. На нём не было ни таблички с именем, ни какого-нибудь флага или эмблемы.

— Это точно Уиллем Ван Дайк, — сказал я. — Наверняка он знал, что они спрячут корабль под землю. Видимо, укрылся здесь, когда пришёл устанавливать мины — может, началась пыльная буря?

Рори, наклонившись, поискал кнопку на шлеме скафандра — хотел поднять визор, под которым скрывалось… что? Гнилая плоть? Череп? Я не знал, в каком состоянии может быть тело через столько лет. Обнаружив кнопку, он нажал на неё…

И попятился, ахнув. Я взглянул на труп, оказавшийся удивительно целым. Его глаза были закрыты, а каштановые волосы растрёпаны, но они не сгнили и не отвалились. Кожа, конечно, посерела, но мне и живые попадались с худшим

цветом лица.

— Боже… — сказал Рори. Он держался за полку, выступающую из стены. — Боже мой.

— Что? — спросил я.

Рори смотрел на труп огромными искусственными глазами.

— Это не Уиллем Ван Дайк.

— А кто тогда?

Рори слегка покачал головой, будто сам не мог в это поверить.

— Денни О'Райли.

Я оглянулся на труп.

— Но… он же погиб, когда возвращался на Землю…

— Говорю тебе, это О'Райли, — резко ответил Рори.

— То есть… его тут бросили?

— Видимо, да.

— Кто, Саймон Вайнгартен?

— Похоже на то. — Рори указал на толстый кабель, идущий от красного разъёма на передней панели скафандра к такому же разъёму в стене. — Он был подключён к системе жизнеобеспечения корабля.

— Не может быть, чтобы они всё время пользовались земным кислородом, — удивился

я. — Неужели нельзя было его переработать или как-то произвести?

— Можно, — сказал Пиковер. — Но недолго. Оборудование рассчитано на несколько месяцев работы, но в какой-то момент оно должно было выйти из строя. — Он покачал головой. — Вот горемыка.

Кажется, при мне впервые кто-то употреблял это слово, но оно весьма подходило. Не представляю, как О'Райли было паршиво: один на Марсе, он просидел здесь несколько недель, если не месяцев, и в конце концов задохнулся.

Внезапный грохот прорезал тишину марсианской атмосферы — это…

Господи!

…это, задребезжав, захлопнулся люк наверху.

Я поднял голову и увидел, как под потолком проворачивается колесо запорного механизма. Нас замуровали в том же железном гробу, где многие годы назад остался Денни О'Райли.

Глава 24

Я бросился к лестнице, насколько это было возможно в скафандре, но не обременённый подобными удобствами доктор Пиковер добрался до неё первым. Наверное, это и к лучшему; он был сильнее меня.

Вцепившись в колесо, Пиковер попытался остановить его, но — чёрт! — человеку по ту сторону люка удалось дёрнуть его с такой силой, что Рори слетел с лестницы. Теперь он болтался на колесе, держась за него обеими руками, на высоте двух этажей. Из-за повернувшегося колеса лестница оказалась у него за спиной, и у него никак не получалось за неё зацепиться. Колесо снова дёрнулось, и…

Твою мать!

…Пиковер то ли сорвался, то ли сам разжал руки; он свалился и медленно полетел вниз.

Я подумал было схватить его и удержать, но быстро понял, что не получится — скорее, он утянул бы меня за собой. Приземлившись, он согнул колени, но всё равно повалился на пол.

— Рори! — крикнул я и соскользнул вниз. До-

стигнув первого этажа, где ещё не был, я помог ему встать.

Новички на Марсе часто калечились, возомнив себя супергероями, хотя оставались простыми людьми из плоти и крови. Пиковер не был простым человеком, но даже ему падать с такой высоты, очевидно, неприятно. Пластиковое лицо искривила гримаса боли, и он засучил правую штанину. На человеческом теле повреждения видны сразу: кровь, синяки, отёки. У Пиковера ничего этого не было, но он всё равно ощупал лодыжку.

— Согнута, — наконец сказал он. — Не получается разогнуть.

Я вспомнил о багги Хуана, оставленном на поверхности. Даже если мы выберемся, нам понадобится марсоход; если его увезут или сломают, в этот раз Пиковер не добежит со мной до Нью-Клондайка. Я взглянул на датчик кислорода; в отличие от Рори, я не мог сидеть здесь до бесконечности. Тот, кто нас запер, был сильнее Пиковера — это мог оказаться как трансфер, так и простой человек с подходящими инструментами. Даже если бы нам удалось справиться с колесом, любой стрелок снаружи мог легко прикончить меня у самого люка.

— Опять Лакшми? — спросил Пиковер, возвращая штанину на место. — Или в этот раз за нами проследил кто-то другой?

Я внимательно наблюдал за дорогой, и в этот раз мне не мешал поляризованный шлем.

— Никого не было, — сказал я. — Это точно.

Он задрал голову к люку.

— Вдруг они отследили багги Хуана?

— Не представляю, каким образом. Он сам сказал, что проверял его на жучки. А отследить транспорт здесь гораздо сложнее, чем может показаться. Навигационной системы-то нет. Только…

— Что?

Я выдохнул, растрачивая драгоценный воздух.

— Я идиот, — сказал я. А потом достал из подсумка складной нож, который забрал у Дирка. Нажал на кнопку, обнажив лезвие, и под встревоженный взгляд Рори развернул его острием к груди.

— Не надо, старина! — сказал Пиковер. — Ещё рано сдаваться!

Но я просто хотел передать нож ему.

— Ты очень сильный, — сказал я. — Сможешь разломать рукоять?

Он забрал нож, осмотрел его, перехватил бор-

довую рукоятку двумя руками и остановился, как бы давая возможность передумать. Но я не стал его останавливать, и Рори разломал рукоять пополам.

Внутри обнаружились канал для лезвия, пружинный механизм — и устройство слежения. Достав маленькую микросхему, я бросил её на пол и наступил, разбив на мелкие части. Дирк — или его наниматель — понимал, что подбросить мне жучок будет нереально, а вот разместить его в ноже, который я обязан буду изъять, — дело совсем другое.

— Лакшми Чаттерджи, видимо, наняла пацана, у которого я отобрал нож, — сказал я. — Вот как она проследила за нами в темноте, но… — Я нахмурился.

— Что? — спросил Пиковер.

— Просто… хм. Откуда она узнала, что я поеду к Альфе? Ты кому-нибудь говорил, что собираешься меня нанять, Рори?

— Разумеется, нет.

— Но она могла заметить тебя у моего офиса. У тебя тогда половины лица не было, не лучшая маскировка.

— Я… я об этом не подумал, — признался Рори. — Я не привык действовать скрытно.

— Ну, сделанного не воротишь, — сказал я.

Пиковер изо всех сил старался сохранить невозмутимость, чему способствовала скудность мимики, но его голос дрогнул, а глаза нервно забегали по сторонам.

— И что делать? — спросил он. — Мы тут заперты.

Я оглядел первый этаж. В диаметре он был меньше второго, то есть со всех сторон нас окружали либо склады с оборудованием, либо топливные баки.

— Может, взорвём его? — предложил я. — Люки космических кораблей же идут с подрывными зарядами?

— Пойду проверю, — сказал Пиковер. Добравшись до лестницы, он подтянулся на руках, оставив ногу с повреждённой лодыжкой свободно болтаться. На самом верху он остановился и осмотрелся. — Не вижу никаких кнопок, — крикнул он вниз. Снова подёргал колесо, но оно не двинулось с места.

Я ушёл из центра в один из отсеков, обнаружил там кресло и плюхнулся в него. Опустил взгляд в пол, злясь на себя за то, что так легко повёлся на обманку с ножом. Пиковер возился в верхней части корабля, разными способами пытаясь раз-

блокировать колесо.

Через некоторое время я поднял голову. Кресло, где я сидел, смотрело на изогнутую перегородку отсека, но поворачивалось, поэтому я медленно крутанулся к центру; инстинкты не позволяли долго сидеть к людям спиной, хотя поблизости находились только мёртвый Денни да стальной Рори. Сначала я смотрел прямо перед собой, на подножие лестницы, но потом взгляд мой переместился к стене напротив — на красную дверь с запорным колесом в центре. Ну конечно же, второй выход — тот, что вёл бы наружу, находись мы на поверхности. Только, чёрт побери, корабль стоял не на поверхности. Он был погребён под марсианской мерзлотой.

А если он сюда опустился, то мог и подняться.

— Рори! — сказал я в микрофон шлема.

— Да?

— Иди сюда.

Тот быстро спустился.

— Что? — спросил он, встав между мной и красной дверью.

— Это ведь посадочный модуль, так?

— Да.

— То есть под ногами у нас топливные баки, — сказал я, постукивая ботинком по обшивке

корпуса.

— Не совсем. Они расположены по периметру этого этажа.

— А, ясно. Значит, внизу находится двигатель, так? Большой такой конус, посадочная ракета?

— Да.

— Предположим, что топливо ещё осталось — что будет, если мы заведём двигатель?

Пиковер посмотрел на меня как на больного. Что ж, к таким взглядам я привык.

— Конус двигателя наверняка забит грунтом, — сказал он.

— Получается, он взорвётся?

Он нахмурился, насколько позволяла мимика трансфера.

— Не уверен.

— Ну давай узнаем. Где-то тут должен быть центр управления.

— Сюда, — сказал Пиковер, указывая направо. Я подошёл к отсеку, у которого он стоял, и увидел изогнутую консоль, повторяющую контуры внешней перегородки. Перед ней стояло ещё одно кресло — двойник того, из которого я только что встал. Я посмотрел на Пиковера.

— Я не умею управлять космическим кораблём, — сказал тот.

— Я тоже. Наверняка и Вайнгартен с О'Райли не умели. А вот корабль должен уметь. — Я туманно махнул рукой в сторону светильников. — Электричество есть, так что и корабельный компьютер должен работать. — Я опустился в кресло, а Пиковер встал сзади. Я осмотрел консоль, но Пиковер заметил выключатель первым; потянувшись через моё плечо, он нажал на кнопку.

На консоли замигала большая квадратная лампочка. С первого взгляда казалось, что она не несёт в себе особого смысла, но я знал, что это не так; эти лампочки пришли прямиком из старой научной фантастики, где они мигали в такт произносимым словам, по вспышке на слог. Андроидам такие лампочки были ни к чему, зато их часто использовали для индикации слов корабельных компьютеров, ведь кабина могла находиться под давлением, а могла и не находиться. Воздуха у нас в салоне было немного, дышать им нельзя, но для передачи звука его более-менее хватало. Я увеличил чувствительность внешних микрофонов скафандра.

— Повтори, — сказал я.

— Говорю, я могу быть чем-то полезен? — раздался мужской голос; в разреженном воздухе опознать его было сложно, хотя звучал он весьма

самодовольно.

— Да, пожалуйста, — сказал я. — Можешь открыть люк?

— Нет, — ответил компьютер. — Эвакуационные выходы открываются только вручную.

— Можешь подорвать верхний люк?

— Функция отсутствует.

— Ну ладно. — Я скрестил руки на груди. — Тогда мы хотим взлететь.

— Десять. Девять. Восемь.

— Подожди! — сказал я, и в это же время Пиковер крикнул:

— Стой!

— Стою, — отозвался голос.

— Серьёзно? — сказал я. — Ты просто возьмёшь и взлетишь? Ты же знаешь, что мы вкопаны в мёрзлую землю?

— Конечно. Я лично проектировал погружение.

— Кхм, а взлетать вообще безопасно? — спросил Пиковер.

— Ну, относительно, — выдал компьютер.

— Это что за ответ? — поинтересовался я.

— Приблизительный, — заявил чопорный голос.

— Да уж заметно, — сказал я. И тут до меня

дошло, что я могу задать и другие вопросы. — Ты знаешь, как давно тебя отключили?

— Тридцать шесть лет назад.

— Ага. А знаешь, почему Саймон Вайнгартен улетел без Денни О'Райли?

— Да.

— Выкладывай.

— Требуется голосовая авторизация.

— Чья?

— Мистера Вайнгартена или мистера О'Райли.

— Они давно умерли, — сказал я.

— Не располагаю подобной информацией.

— Могу показать тело О'Райли. Оно наверху.

— Пусть так, — ответил компьютер.

Я нахмурился.

— Что ещё у тебя заблокировано?

— Навигационные и картографические данные.

Я кивнул. Даже если посадочный модуль переместили бы в другое место, никто, кроме Саймона или Денни, не получил бы от компьютера сведения, где находится Альфа.

— Ладно, — сказал я. — Нужно отсюда выбираться. Вон та дверь, — я указал на противоположную стену, — это шлюз?

Я не видел камеру, но подозревал, что у ком-

пьютера она имелась, и он понимал, куда я показываю.

— Да.

— Внешняя дверь запечатана?

— Да.

— Она открывается внутрь или наружу?

— Наружу.

Я махнул Пиковеру. Тот подошёл и занялся колесом внутренней двери; она распахнулась ему навстречу. Между внутренней и внешней стеной корпуса располагалась небольшая камера с изогнутыми стенами, подходящая для одного человека.

— Когда внутренняя дверь открыта, внешняя блокируется? — спросил я.

— Да, — ответил компьютер.

— Можно обойти блокировку? — Скорее всего, да, иначе испытание корабля на Земле превратилось бы в тот ещё геморрой.

— Да.

— Обходи.

— Готово.

— Хорошо. Тогда предлагаю поступить следующим образом: ты запустишь двигатель и поднимешь корабль так, чтобы шлюз был чуть выше поверхности. Справишься?

— Справлюсь, — ответил компьютер.

— Вот и отлично, — сказал я. — Ты готов, Рори?

— Как никогда.

Я поднялся из кресла и подошёл к Пиковеру, встав сзади.

— Ничего личного, — сказал я. — Но если по нам откроют огонь, у тебя больше шансов выжить, чем у меня.

Палеонтолог кивнул.

— Компьютер, — окликнул я.

— Меня зовут Мадж, — ответила машина.

Пиковер фыркнул; видимо, узнал имя.

— Ладно, Мадж, — сказал я. — Мы готовы.

— Десять, — произнёс Мадж и начал стандартный отсчёт.

Внешняя дверь всё того же красного цвета тоже открывалась с помощью колеса. Пиковер схватился за него обеими руками, готовый повернуть, как только мы окажемся над землёй. Я ухватился за поручень, удачно вмонтированный в стену шлюза на случай тряски.

— Два, — сказал Мадж. — Один. Ноль.

Весь корабль затрясся, и под ногами взревел двигатель, вибрация которого передалась через плиты пола в подошвы ботинок. Мы не взорвались, чему я был рад. Но и взлететь не взлетели.

— Мадж? — позвал я.

Компьютер предугадал вопрос.

— Вечная мерзлота тает под нами и благодаря проводимости корпуса вокруг нас. Подождите минуту.

Я подождал и вскоре действительно почувствовал рывок вверх. Интересно, как это выглядело снаружи? Наверное, как пробка, медленно выходящая из горлышка винной бутылки.

Над колесом перед Пиковером был небольшой прямоугольник, который я по глупости принял за украшение, но это оказалось окошко внешней шлюзовой двери. Через него проникал свет, и полоса эта расширялась сантиметр за сантиметром по мере продвижения корабля вверх из могилы. Но разглядеть ничего не получалось: всё стекло было заляпано красновато-коричневой грязью.

Если тот, кто нас запер, остался стоять на страже, я — человек добродушный и мягкосердечный — надеялся, что он быстро осознает происходящее, пока перегретый ракетный выхлоп не брызнул во все стороны.

Вскоре свет проникал уже по всей высоте иллюминатора. Мы поднимались медленно; Пиковер то и дело выглядывал в окошко — пытался понять, когда низ двери окажется над землёй…

…что, видимо, случилось прямо сейчас, потому что он в последний раз повернул запорное колесо, замахнулся и пнул дверь здоровой ногой.

Корабль резко взмыл в воздух, освободившись от вязкого плена подтаявшей грязи. Пиковер с криком «Поехали!» выбросился из шлюза.

Я ринулся следом, но корабль уже оторвался от земли на несколько десятков метров; даже в условиях марсианской гравитации такой прыжок закончился бы сломанными ногами, а то и шеей.

— Отбой! — крикнул я через плечо. — Мадж, опускайся!

Вибрация обшивки тут же изменилась: должно быть, это компьютер уменьшил мощность двигателя. На мгновение корабль завис в воздухе, как мультяшный герой, на бегу прыгнувший с обрыва, а потом принялся опускаться.

Пиковер валялся на земле, грязный по уши, но быстро поднялся и попытался отбежать, несмотря на больную лодыжку. Яма, которая раньше вмещала двухэтажный модуль, уменьшилась вдвое. Пиковер с трудом удерживал равновесие; я не хотел поджарить его.

— Вырубай двигатель! — крикнул я Маджу. Вибрация оборвалась, и мы полетели вниз камнем. Я опасался, что корабль грохнется обратно в

яму, которая от выхлопа ракеты наверняка стала лишь глубже. Решив, что на этой высоте как минимум не умру, я выпрыгнул из шлюза, стараясь оттолкнуться как можно сильнее.

При приземлении мои ноги ушли в грязь, как сваи. Не успел я опомниться, как талая мерзлота содрогнулась от ударной волны — это посадочная ступень врезалась в землю. Обернувшись, я увидел, что она упала на самый край ямы и теперь кренилась в мою сторону, вот-вот готовая опрокинуться. Я попытался выбраться из грязного месива, но быстро понял, что тут придётся изрядно повозиться, а шансы попасть под траекторию открытой шлюзовой двери крайне малы — скорее, меня просто раздавит. Жаль, что мы не захватили с собой аркан Лакшми — будь он под рукой, Пиковер вытащил бы меня из трясины.

Если бы, конечно, сам устоял на ногах. Шатающийся корабль издал похожий на стон скрип, который проник сквозь разреженную атмосферу прямо во внешний микрофон шлема.

Я барахтался в грязи, пытаясь выбраться, но скафандр не был рассчитан на подобную акробатику. Пиковер, в свою очередь, спасался бегством, пошатываясь на каждом шагу, как чудовище Франкенштейна.

Внезапно — а такие вещи всегда происходят внезапно — рядом прогрохотал выстрел, звук которого подхватили чувствительные внешние микрофоны. Пуля просвистела мимо и завязла в грязи. Я заозирался, пытаясь найти нападавшего. И точно: повернувшись на десять часов, буквально в тридцати метрах я заметил человека — вероятно, мужчину — в голубом скафандре со взведённой винтовкой в руках.

Глава 25

Пиковер наконец-то выкарабкался из жидкого месива, но тут же повалился на землю, спасаясь от стрелка. Вместо брызг грязи в воздух взмыло облако пыли, в очередной раз доказывающее, что он выбрался на марсианскую твердь.

Я подтянулся, достал из наплечной кобуры смит-вессон и прицелился в мистера Голубое Небо. Крикнуть ему что-то вроде «Не двигайтесь!» я не мог, поэтому просто нажал на спусковой крючок, подорвав насыщенный кислородом порох, и с удовлетворением проследил, как человек падает.

Кстати об этом. Грязь, кажется, снова начала замерзать. Я не хотел превратиться в очередную окаменелость на радость Пиковеру, а потому, приложив титаническое усилие, как Геракл — который греческий герой, а не из детективов Агаты Кристи, — вылез из густеющей жижи.

И как раз вовремя! Со скрипом, напоминающим рёв динозавра, корабль свалился на землю. Я успел обернуться к нему, и меня с ног до головы забрызгало грязью. Руками в перчатках я кое-как

протёр шлем, хотя он всё равно остался запылённым, и оглядел упавший корабль. Запертый круглый люк смотрел на меня глазом циклопа.

Путь через шлюз был отрезан; корабль лежал на нём, частично погребённый в земле. Сам я не видел, но подозревал, что внешняя дверь захлопнулась при падении. Чтобы вернуться внутрь, нужно было придумать, как открыть верхний люк. Я отложил это на потом и направился к Пиковеру.

— Можно вставать, — сказал я. Из-за больной лодыжки ему было сложно подняться, так что я подал ему руку. По пути я успел осмотреться, но не заметил, чтобы у мистера Голубое Небо были напарники. Мы пошли к нему.

— Ты в порядке? — по дороге спросил я Пиковера.

— Да, но прыжок был лишним. С лодыжкой совсем плохо.

Солнце стояло высоко над головой, и лёгкие облака плыли по небу. Они иногда появлялись сами собой, хотя сейчас я задумался, не сформировались ли они за счёт выхлопных газов нашей ракеты или пара растаявшей вечной мерзлоты. Фобос сложно было разглядеть днём, а уж если увидишь Деймос — значит, со зрением всё в

порядке; и если первый спутник я отыскал, то второй так и не заметил. Хотя кто его знает, был ли наш маленький ужас сейчас на небосводе вообще.

Я всё ещё держал пистолет наготове. Голубое Небо вроде как лежал без сознания, но мог и притворяться, просто поджидая, пока мы не окажемся на нужной дистанции. Но когда мы подошли ближе, он так и не шевельнулся; присев рядом, я понял почему.

— Упс, — сказал я.

— Ты только что убил человека, и это, по-твоему, «упс»? — ужаснулся Пиковер.

— Ну он пытался убить нас, — заметил я. Пуля прошла чуть выше, чем я рассчитывал, и разбила шлем: человек вдохнул морозный разреженный воздух Марса. Странное зрелище: парень явно был мёртв, открытые глаза остекленели, из уголка тянулась застывшая струйка крови — но гремучая змея на левой щеке по-прежнему шевелилась, покачивая хвостом. Это был Дирк.

— Я его знаю, — сказал я.

— Да?

— Ага. Один придурок, совсем недавно с Земли.

— А, — сказал Рори; видимо, просто не хотел

стоять в тишине. Но через мгновение он вдруг продолжил: — Так, а это что такое?

Неподалёку на земле лежал отбойный молоток — точно такой же Джошуа Уилкинс бросил в подвале, когда инсценировал суицид.

— Вот почему ты не смог удержать колесо, Рори. Он пользовался отбойником.

— А, понятно. И что будем делать с несчастным? Нельзя его здесь оставлять.

— Да, — тихо ответил я. — Нельзя.

В кои-то веки Рори оказался более меркантильным.

— Слишком яркий скафандр, — сказал он. — Кто угодно заметит, а люди рядом с Альфой нам не нужны.

Я ткнул пальцем за спину.

— Даже если мы его похороним, валяющийся на боку огромный корабль наверняка привлечёт внимание.

— Значит, нужно его передвинуть.

— Как? Багги Хуана с такой махиной не справится.

— Кто сказал, что корабль вдруг стал непригоден? — ответил Пиковер. — Пусть Мадж отправит его обратно в Нью-Клондайк.

В любой другой ситуации я бы поручил нести

труп Пиковеру, потому что для него это не составило бы труда, но он прихрамывал. Вскинув Дирка на плечи, я отнёс его обратно к яме, оставленной посадочным модулем. Отбойный молоток справился бы с вечной мерзлотой, но земля в яме и вокруг была ещё достаточно мягкой, чтобы с трудом, но всё же закопать его собственноручно, чем мы и занялись. А когда закончили, я ещё несколько минут постоял над могилой, пытаясь подобрать слова. В кои-то веки они совершенно не приходили.

Видимо, это Дирк забрал Лакшми, когда мы её бросили. Она явно не ожидала прибытия кавалерии, а значит, Дирк сам проследил за ней и Дарреном Чуном — надеялся, видимо, на свою долю богатства. Стоит отдать ему должное: обнаружив Даррена мёртвым, он спас Лакшми, а не бросил на произвол судьбы. Видимо, у воров действительно есть своя честь.

Оставлять багги Дирка было нельзя. Из старых фильмов я знал про ручную и автоматическую коробки передач, но на приборной панели багги этими словами обозначался простой переключатель, показывающий, будет марсоход двигаться сам или нет. Я попросил Рори помочь развернуть багги на северо-восток, примерно в сторону горы

Элизий, и включил автопилот; датчик эксимерной батареи показывал три четверти заряда, этого хватило бы на несколько тысяч километров.

Затем мы вернулись к посадочному модулю — и обнаружили новую сложность. Мы понятия не имели, как дозваться до Маджа снаружи. Я сомневался, что у него есть внешний микрофон; такие штуки сгорают при входе в атмосферу, даже если это разреженная атмосфера Марса.

Но Пиковер мог кричать достаточно громко, так что я предложил попробовать. Он пару раз позвал Маджа по имени, но ответа не последовало — хотя, даже если бы он услышал, вряд ли на внешней стороне корабля стояли динамики.

Цилиндрический корпус частично утопал в быстро застывающей грязи. Конус двигателя и часть нижней палубы нависали над ямой, но не настолько, чтобы можно было пробраться в шлюз. Верхний люк, теперь обращённый вбок, а не вверх, маячил на высоте нескольких метров: корабль не ушёл в землю даже наполовину. Подойдя ближе, я поднял Пиковера на плечи, чтобы тот взглянул на колесо запорного механизма. Из-за больной ноги ему никак не удавалось нормально устроиться.

— В него вставили лом, — то ли сказал, то

ли передал он; скорее второе, раз уж его голос подхватила внутренняя рация, а не внешний микрофон. Я ощутил, как Пиковер возится у меня на плечах, но в конце концов он всё же достал лом, отбросил его, потом повозился ещё немного и открыл люк. — Мадж! — крикнул он.

Микрофон скафандра уловил слабый голос:

— Чем могу помочь?

— Сможешь поднять корабль в воздух из текущего положения? — спросил Пиковер.

— Скорее всего, — ответил Мадж.

— Сколько топлива у тебя в запасе?

— Датчик не рассчитан на работу в перевёрнутом состоянии, — сказал Мадж, — но по моим оценкам бак заполнен на одну пятую. Боюсь, этого недостаточно для выхода на орбиту, не говоря уже о переходе на вторую космическую.

— Хватит до Нью-Клондайка?

— Где находится Нью-Клондайк?

Точно. Чёртов компьютер проспал последние сорок лет.

— Примерно в трёхстах километрах к востоку отсюда, — сообщил Пиковер.

— Мне потребуется навигатор, — ответил Мадж, — но топлива хватит для преодоления данного расстояния.

— Ты лети назад, Рори, — сказал я, задрав голову. — Я возьму багги Хуана и отбуксирую разбитые.

— Договорились. — Пиковер забрался в люк; я был только рад избавиться от лишнего веса. — Так, — раздался его голос, — я внутри… Боже!

— Что такое?

— Напугал меня до полусмерти!

— Кто? — спросил я.

— Да труп Денни. Его выбросило, когда корабль опрокинулся, и я наткнулся прямо на него.

— Фу, — сказал я, чтобы не молчать, и пошёл обратно к багги Хуана по следам, которые мы с Пиковером оставили на пути к кораблю. Багги, слава богу, не пострадал. Никакой обезумевший трансфер не сравнится с разъярённым Хуаном Сантосом. Но я не стал герметизировать кабину. — Рори? — позвал я в микрофон.

— На связи, Алекс.

— Багги цел. Можешь взлетать, как будешь готов. Но я хочу это видеть, так что дай пару минут отъехать.

— Принял, — сказал Пиковер, как подобает настоящему астронавту. Я обогнул кратер и направился к тёмной громаде Большого Сырта. Отсюда было недалеко до экватора, и солнце уже

поднялось высоко над головой. Проехавшись змейкой, я остановился у края подтаявшей грязи: пружинистые колёса марсохода не были рассчитаны на прохождение трясины, и я не знал, как они себя поведут. Но отсюда я видел повёрнутый в три четверти посадочный модуль — в основном, правда, крышу.

— Готов, — сказал я в рацию.

— Вас понял, — ответил Пиковер, с заметным наслаждением отыгрывая роль пилота космического корабля. Но ему всё равно пришлось передать бразды правления настоящему пилоту: — Мадж? Мы готовы.

Ответа я не услышал, но через мгновение Пиковер добавил:

— А, точно. Вперёд.

В боковой части корабля отворился небольшой люк, из которого высунулся четырёхтактный ускоритель — связка из четырёх реактивных двигателей, отвечающих за положение в пространстве. Ещё один ускоритель показался чуть дальше по окружности; подозреваю, всего их было четыре, по одному на каждую сторону.

В ближайшей ко мне связке заработал направленный вниз двигатель, и точно такой же включился по соседству. Цилиндрическая сту-

пень завибрировала, а потом начала вращаться — сначала медленно, понемногу набирая скорость. Я предпочёл не представлять, как Пиковер — и уж тем более труп — крутятся там внутри, как в барабане стиральной машины.

Верхняя часть посадочной ступени всё ещё частично нависала над ямой, но пульсацией реактивных толчков в дополнение к вращательному усилию Мадж всё же смог сдвинуть корабль, наполовину столкнув, наполовину выкатив его на талую землю. Ещё немного скорректировав положение, он отключил двигатели. В рации раздался голос Пиковера, обращающегося к Маджу:

— Да, я держусь. Взлетай, как будешь готов.

Мадж, видимо, рвался в бой, потому что мгновение спустя из конуса в задней части корабля вырвался шлейф пламени. Массивный цилиндр подался вперёд, проехавшись по земле корпусом и оставив борозду раза в два больше своей длины, а потом под углом поднялся в карамельное небо. Постепенно набрав высоту, он устремился к восточному горизонту.

Когда он скрылся из вида, я развернул марсоход и подъехал к небольшому кратеру с двумя разбитыми багги. Конечно же, ещё меня там ждал эксимерный отбойник Дирка. Я не разбирался в

ценности окаменелостей, но, побродив вокруг, с помощью молотка добыл себе четыре приглянувшиеся плиты, которые вместе с отбойником сложил в багажник багги Хуана. Если я правильно понял из лекции Пиковера, плиты лучше было не размораживать; на обратном пути я планировал спрятать их в известном мне одному тайнике.

Перед тем как снять плиты, я сфотографировал на планшет образцы в земле, чтобы запечатлеть их точное положение. Рядом с ними я положил телефон — специально для определения размеров.

Я не мог замести следы, оставленные ногами и шинами багги, но об этом должны были позаботиться извечные марсианские пылевые наносы. А вот следы собственного копания в земле я постарался прикрыть.

Как и большинство моделей, багги Хуана был оснащён крюком для прицепа, к которому я паровозиком привязал обе развалины. Я не стал тащить их до Нью-Клондайка, чтобы не отвечать на кучу неудобных вопросов о том, как они дошли до жизни такой, да и волочить подобную ношу пришлось бы целую вечность. Но я всё-таки увёз их на тридцать километров, только не на восток, откуда мы приехали, а на юг. Разумеется, на них рано или поздно наткнутся, но они уже не будут

так близко к Альфе.

После этого я наконец-то пришпорил багги как надо. Равнина Исиды, конечно, уступала скоростным трассам Бонневилля, но я всё равно неплохо подри́фтил, ради удовольствия даже пролетев на полной скорости парочку полных разворотов. А потом всё же поехал домой. Карты у меня толком не было, и я не мог вернуться тем же путём, каким приехал, но я знал, что купол находится на востоке, поэтому уверенно направился в ту сторону и не прогадал: полтора часа спустя на горизонте действительно замаячил Нью-Клондайк.

К тому времени, как я до него добрался, солнце начало клониться к закату. Оказавшись в зоне действия связи, я набрал Пиковера; тот уже сидел дома и был счастлив как никогда. Он нашёл на борту корабля карту — по его словам, она хранилась в свёрнутом виде, а в итоге оказалась размером с кухонный стол, и Рори уже изучал её в полном восторге.

Уже у купола я заметил, что Мадж с Пиковером посадили корабль на одну из специально предназначенных круглых площадок из плавленого реголита; он возвышался на трёх шарнирных ногах, которые раньше, видимо, прятались в корпусе. Номер площадки обозначался большими

жёлтыми цифрами, расположенными в трёх местах по её контуру; эта была под номером семь.

Перед тем как доставить корабль на верфи, нужно было разобраться с его документами. Я доехал до гаража у южного шлюза и вернул багги Хуана, с удовлетворением отметив, что он, пусть и остался заляпан грязью, в целом совершенно не пострадал.

Затем я прошёл под купол, сдал арендованный скафандр — в этот раз мне вернули залог — и направился в свою маленькую квартирку без окон. По дороге я прослушал накопившиеся голосовые сообщения, в том числе от Дианы: оказывается, у Лакшми Чаттерджи освободилось время, и Диана договорилась о встрече на завтра в два часа дня. Скорее всего, острая необходимость прослушивать Дом Шопацкого отпала: я практически не сомневался, что её сообщником был Дирк. Но всё же, наверное, стоило выяснить, не раскрыла ли Лакшми местоположение Альфы кому-то ещё и не планирует ли она повторную вылазку.

Несмотря на тяжёлый день, одежда не пострадала — вся пыль и грязь остались на скафандре. Но помыться определённо не мешало. Добравшись до дома, я разделся и направился в душ, решив побаловать себя и сполоснуться под насто-

ящей водой. (Иронично, но водный душ шумел куда больше ультразвукового — тот никак не мешал слышимости, так что желающих петь в нём было мало.)

Но пока струи воды заглушали другие звуки, кто-то вломился ко мне в квартиру. А может, проник ещё раньше, но спрятался. Как бы то ни было, когда я выключил давно требующий починки душ, то услышал не капающую воду, а низкий и неприятный голос:

— Ни с места.

Глава 26

Дверь душевой кабины была аллокварцевой — не пуленепробиваемой, но, как раньше говорили о часах, которые можно было мочить, пулестойкой.

Я медленно повернулся к незваному гостю лицом, чтобы хоть немного вывести его из равновесия. В воздухе висел пар, но даже через прозрачную дверь с бисеринками воды я готов был поспорить на деньги, что ко мне заявился трансфер. Увы, кошелёк остался в другой комнате вместе со штанами.

Мужик был здоровым — такого на Земле назвали бы лосём, но здесь они не водились. Он целился в меня из револьвера, причём, к моему вящему возмущению, из моего собственного.

— Чем могу помочь? — как можно дружелюбнее поинтересовался я. Он не требовал поднять руки, так что делать этого я не стал.

— Мне от тебя кое-что нужно, — сказал он медленно, низко.

Я опустил взгляд.

— Все вы, мужики, одинаковые.

— Заканчивай, — бросил он. — Я про дневник. У тебя два варианта: либо ты говоришь мне, где он, я его забираю и ухожу, а ты остаёшься вытираться полотенчиком и мазать попку детской присыпкой, либо я тут всё разнесу, а тебе всажу пулю повыше пресса. Никакие кубики не помогут.

— Первый вариант звучит заманчиво, — сказал я.

Какое-то время он переваривал сказанное, но всё же кивнул.

— Вот и хорошо.

— Дневник в сейфе в гостиной. Чтобы его открыть, нужен скан отпечатка и голосовой пароль — комбинированный замок, так скажем.

Он дёрнул смит-вессоном, показывая мне выходить. Стоял бы он ближе, я бы врезал ему по руке аллокварцевой дверью — ванная у меня была размером со шкаф, — но увы: когда я открыл дверь, он вышел в гостиную. Я отправился следом, капая на пол.

— Где сейф? — спросил он.

— В стене. За диваном.

Задрипанный диванчик повидал на своём веку немало интриг и интрижек. Он был тяжёлым — раскладывался в кровать, если вдруг гости не планировали ночевать в моей постели, — но

не настолько, чтобы в условиях марсианской гравитации его нельзя было легко передвинуть. Но я всё равно жестом попросил лося помочь, надеясь вывести его из равновесия и отобрать пистолет. Но не зря он был трансфером: нагнувшись, он ухватился за днище дивана левой рукой и в одиночку отодвинул его от стены, продолжая держать меня на прицеле.

Конечно, вмонтировать сейф в стену я не мог — тогда бы он вылезал в квартире соседа, а мы с Полоумным Густавом старались друг друга не беспокоить. Поэтому он просто торчал на уровне пола, сорок сантиметров в высоту и ширину, в глубину — где-то в два раза меньше. Лось явно расстроился: надеялся, видимо, схватить сейф и убежать, но задняя стенка сейфа плотно крепилась к стене.

— Открывай, — произнёс он своим низким, тягучим голосом.

Я присел на корточки, будто случайно загородив сейф спиной. Приложил палец к сканеру, который, разумеется, не только считывал отпечаток, а ещё проверял температуру и пульс, а затем процитировал любимое:

— «Жизнь научила меня не доверять полицейским. Только решишь, что можно расслабиться,

и они встанут на сторону закона».

Замок со щелчком отошёл в сторону, и я выхватил запасной пистолет — жизненно необходимую в моей профессии штуку, — а потом перекатился и прицелился в лося.

Амбал уставился на меня.

— И что ты будешь делать? — спросил он. — Выстрелишь? Пуля отскочит. — Он поднял пистолет выше, прицеливаясь. — А вот от тебя…

— Ты до сих пор ничего не добился. — Я кивнул в сторону сейфа. Внутри валялись всякие безделушки с Земли, а вот дневник отсутствовал. Я всё ещё полулежал, а трансфер возвышался по ту сторону дивана. Вскинув пистолет, я прицелился в светильник и выстрелил. Комната погрузилась в темноту. Оставалось надеяться, что у него нет инфракрасного зрения, потому что я прекрасно помнил планировку квартиры. Подскочив на ноги, я двинулся вдоль стены, разделяющей наши с Полоумным Густавом квартиры, в сторону стены между гостиной и спальней.

На звук выстрела соседи могли вызвать полицию, а те могли даже приехать — но как минимум ближайшие несколько минут я был один. Лось явно не умел управляться с револьвером: даже прицелившись, он не снял его с предохранителя.

Но всё равно, если бы он до меня добрался, сил свернуть мне шею у него бы хватило.

Босиком я передвигался бесшумно даже без ковра, а вот лось грохотал своими копытами. Если бы я успел добраться до ванной, то мог бы запереть дверь и дождаться подкрепления в душевой кабинке из аллокварца — позор, конечно, но хрен с ним.

Но не успел я отойти, как чёртова входная дверь распахнулась, и из коридора хлынул свет. Точно; лось же сломал замок, когда вломился в квартиру. На пороге нарисовался тёмный силуэт доктора Рори Пиковера. Лось обернулся и выстрелил — видимо, всё-таки разобрался с пистолетом. От удара Пиковера отбросило, и он врезался спиной в стену. Поморщившись от боли, он посмотрел на грудь, а потом вскинул взгляд, стиснув зубы.

В его голосе звучала едва сдерживаемая ярость.

— Как же мне надоело, — прошипел он, — что в меня постоянно стреляют.

Низко присев, он прыгнул во всю силу андроида, с лёгкостью преодолевая слабую марсианскую гравитацию. Зрелище произвело впечатление: пусть падать на Марсе было дольше, зато прыгать — куда быстрее, и он, врезавшись в лося, отбросил

его на диван.

Я ещё никогда не видел драку двух трансферов и скажу честно: дрался Пиковер как девчонка. Очень сильная девчонка на эксимерных батареях, но всё же. Он врезал лосю по лицу — грохот стоял такой, будто столкнулись два металлических ведра. Поскольку лось оказался на диване, я обхватил его за шею. Перекрыть ему кислород не получилось бы, зато можно было перекинуть через спинку, что я и сделал. Пиковер тем временем просунул руку в тонкий зазор между полом и диваном, перевернул его, а затем толкнул к стене, как ковш снегоуборщика, зажав лося в тесном треугольнике.

Я успел вовремя откатиться, поднялся на ноги и прицелился в щель у головы лося на случай, если тот попытается выбраться. Пиковер сел на диван, и я, подумав, влез за ним следом. Сидеть так оказалось весьма неудобно — зад упёрся в прямой угол между спинкой и жёстким дном.

Нашего общего веса хватило, чтобы окончательно зажать лося под диваном — в тесноте ему не хватало места, чтобы развернуться и столкнуть нас. Так мы и сидели — я, полностью голый, и Пиковер с дымящимся отверстием в груди (и, подозреваю, очередной испорченной люби-

мой рубашкой) — пока в коридоре не показался Полоумный Густав. Небритый, с привычно всклокоченными светлыми волосами, он с прищуром посмотрел на меня.

— Да, Ломакс, — сказал он. — С тобой не соскучишься.

Я скромно скрестил ноги.

— Спасибо. — Я подумал было попросить его вызвать полицию, но Полоумный Густав не любил копов, а мы справились и своими силами. Так что я просто отсалютовал ему несуществующей шляпой, и Густав вернулся в квартиру, покачав головой.

Глава 27

Я хотел сходить за одеждой, но не мог встать, не выпустив лося.

— Ладно, здоровяк, — окликнул я. — Начнём сначала. Ты кто?

— Никто, — приглушённо пробурчал он.

— Никто — это капитан Немо, — ответил я. — Все остальные — кто-то.

— Кроме меня.

— Имя у тебя есть?

— Нет.

— Да ладно. Как-то же тебя называют.

— Трейс[2].

Забавное имя для копии.

— Ты у нас, я так понимаю, наёмник. И кто тебя нанял, Трейс? — Если бы он начал выпендриваться, я бы выстрелил в него через диван.

— Настоящий.

— Кто-кто?

— Так я его называю. Настоящий.

— И что, хороший из него начальник?

— Издеваешься?

---

[2] Примечания: 2

В переводе с английского «след», «отпечаток». — *Прим. ред.*

— Нет. Если хреновый, ты можешь переметнуться. Ну так что, мужик хороший?

— Улётный.

Я знал много старомодных словечек по фильмам, но такого давно не слышал. С тем же успехом можно было назвать его ништяковым.

— И где этот твой… улётный господин? На Земле?

— Нет.

— На Марсе?

— Нет.

— Тогда где?

— Угадай.

Я вздохнул.

— Ладно, как скажешь, но потом не говори, что я не пытался сотрудничать. Мы с профессором не можем весь день тут сидеть, так что давай-ка в первую очередь верни пистолет.

Трейс не отреагировал.

— Ну? — сказал я.

— Я думаю.

В отличие от простых людей, ограниченных химическими сигналами мозга, трансферы соображали со скоростью света, но и у глупости была своя скорость, так что я подождал, пока он взвесит варианты.

Наконец это свершилось. Смит-вессон вылетел из-под дивана и остановился под плакатом «Касабланки». Отсюда я не мог до него дотянуться, но прогресс определённо наметился.

Тут из коридора раздался назойливый звон, который был слышен только с открытой дверью: приехал лифт. Послышался шум шагов, а потом в дверях появились детектив Дугал Маккрей вместе с сержантом Хаксли; Мак — в штатском, с пистолетом наперевес, Хакс — в тёмно-синей форме и с широкополосным прерывателем, который больше напоминал крышку от мусорки.

— Нас вызвали на громкие выстрелы, — сказал Мак, растягивая «р». — А адресок оказался знакомым.

Я не стал шутить, что выстрелы не бывают тихими, если не пользоваться глушителем.

— И один выстрел — это ещё ладно, — продолжал Мак. — Но два?

— Спасибо, что заскочили, — сказал я. — У нас тут трансфер под диваном. Бандит. Вломился ко мне.

— А тут вы развлекаетесь, мальчики? — сказал Хаксли.

— А тут я в душе моюсь, тупой ты кретин.

Мак повысил голос:

— Полиция Нью-Клондайка! Вылезай с поднятыми руками. Сразу предупреждаю, у нас широкополосный прерыватель. Я бы предпочёл его не использовать.

У Трейса было два варианта примерно одинаковой позорности: вылезти справа, вперёд головой, или слева, вперёд ногами. Судя по тому, как затрясся диван, он выбрал первый.

Выбравшись, он встал и поднял руки; роста амбалу хватило, чтобы коснуться пальцами потолка.

— Прошу прощения, господа, отлучусь ненадолго, — сказал я и направился в спальню, по пути прихватив револьвер. К тому времени я полностью высох — марсианский воздух отлично всасывал влагу. Я быстро натянул чёрные джинсы и тёмно-синюю футболку, которая без джинсов тоже показалась бы чёрной.

Я подумал было причесаться — в моём деле диковатый видок только на пользу, но сейчас я откровенно напоминал Густава, — но едва успел взять в руки расчёску, как услышал до боли знакомый электронный писк. Я выскочил из комнаты и в ярком свете коридора увидел вибрирующего всем телом Трейса с раскинутыми руками, в агонии.

— Господи! — заорал я. — Рори, беги оттуда! Быстрее!

Палеонтолог озадаченно оглянулся, но моему совету последовал. Он выскочил в коридор. Хаксли направлял круглый диск прерывателя на Трейса.

Мак мог вмешаться, но не стал; он просто держал трансфера на прицеле. Десять секунд спустя Хаксли потянул за кнопку выключения, и Трейс рухнул, как отданный под снос небоскрёб.

— Ну и зачем? — спросил я недовольно.

— Он первым напал, — сказал Хаксли, оправдываясь. — Попёр прямо на нас.

— Ага, — подтвердил Мак. — Всё так. Я его предупреждал, Алекс, сам слышал. Но… — Он философски развёл руками.

Если бы Трейс был обычным человеком, кто-нибудь уже подбежал бы проверять пульс, но мы понятия не имели, что делать с трансфером. Хаксли опустил прерыватель и прислонил его к стене с афишей «Ки-Ларго».

— Рори! — крикнул я. — Можешь возвращаться!

Через секунду в дверях появился доктор Пиковер.

— Он… — Но даже трансфер засомневался, мож-

но ли назвать его мёртвым.

Я ткнул Трейса босой ногой — не успел нацепить носки и ботинки. Он не шевелился.

— Да вроде.

— Ну ладно, — сказал Мак. Подняв левую руку, он кивнул на телефон, показывая, что теперь разговор записывается. — Нам поступили сообщения о двух выстрелах. Кто стрелял первым?

— Я.

— Тогда придётся…

Я перебил Мака, указав вверх.

— Стрелял я, но в светильник. Соглашусь, дурной тон, надо было метить в выключатель, но законы не запрещают стрелять по неодушевлённым предметам. Я решил, что в темноте у меня больше шансов.

Хаксли посмотрел на меня с сомнением — впрочем, он и на вафельницу смотрел с сомнением, будто в ней скрывался великий секрет. Главное было убедить Мака, а тот кивнул.

— Хорошо, — медленно произнёс он, опустив взгляд на трансфера. — Что он тут делал?

— Вскрыл замок. Деньги искал, наверное. Я как раз был в душе. Спугнул его, когда выходил.

— Ладно, — сказал Мак. — А второй выстрел?

— Пришёл доктор Пиковер, и этот отморозок в

него выстрелил.

Мак задумчиво осмотрел лежащего на полу громилу.

— Не очень понимаю, что делать с мёртвыми трансферами, но такими темпами судмедэксперту придётся искать другую работу.

— Отнесите его в «Новый Ты», — предложил я. — Может, там его опознают.

Мак кивнул и принялся оглядываться.

— Прости, — сказал я, вставая между ним и встроенным в стену шкафом, на который он навострился. — Без ордера не пущу.

— Это место преступления, Алекс.

— Ага, благодаря Хаксли. Нельзя убивать людей, просто чтобы у кого-то пошариться.

— Вы открыли стрельбу.

— Да, но я жалоб не подавал, и доктор Пиковер тоже.

Мак почесал за ухом.

— Ладно, — сказал он. — Можно хоть тело поснимать, пока мы его не забрали?

Я махнул на него рукой.

— Да пожалуйста.

Пока он возился с фотографиями, я попросил телефон вызвать электрика, чтобы починить свет. К тому времени, как я закончил, Мак уже

уходил. Он держал Трейса за руки, Хаксли — за ноги, и вместе они несли его в коридор, положив прерыватель лосю на живот.

— Я схожу с вами? — спросил я.

— Ага, сейчас, только квартиру твою обыщу, — ответил Мак.

«Туше», — подумал я.

Но тут вмешался Пиковер:

— Мы всё равно направляемся в «Новый Ты», детектив. У меня проблемы с лодыжкой, что уж говорить об этом. — Он указал на пулевое отверстие. — А мистер Ломакс работает моим телохранителем.

— Вижу, справляется на отлично, — заметил Хаксли, кивнув Пиковеру на грудь.

Но Мак понимал, что эта битва проиграна.

— Ладно, — сказал он. — Пойдёмте.

Глава 28

Мак с Хаксли приехали ко мне на служебном автомобиле, но здесь они были меньше стандартных земных машин, и как бы мы ни старались, запихнуть Трейса на заднее сиденье не получилось. Райончик у меня был не самым благополучным, но дорога до «Нового Ты» пролегала через дорогостоящие кварталы, так что мы не могли просто привязать труп к крыше. В конце концов Мак сдался и вызвал автозак. Я не питал любви к данному транспорту — в нём меня дважды заблевали, — а потому мы с Пиковером отправились на своих двоих, оставив Хакса и Мака дожидаться кареты. Сам бы я дошёл пешком, но у Пиковера болела лодыжка, так что мы сели в трамвай.

Как говорится, общественный транспорт — лицо города. Трамваи Нью-Клондайка были исписаны граффити и завалены мусором. В пограничном городке приглядного было мало — и, если честно, мне это нравилось. Со всеми остановками дорога заняла минут десять, но трамвай немного не доезжал до «Нового Ты»; до здания

нужно было пройтись.

Поговорить о чём-то существенном в транспорте не получилось — вокруг было слишком много ушей, — поэтому только на улице я спросил:

— Есть идеи, на кого работал наш здоровяк? Что это за «Настоящий»?

Пиковер нахмурился.

— Ну, он говорил о нём как о мужчине, так что это не Лакшми.

Мы почти добрались до Центра. Изогнутые распорки над головой звездой сходились к центральной колонне.

— Тоже сомневаюсь, что это Лакшми, но по другой причине. Лакшми знает, где Альфа, а Трейс искал дневник — возможно, как раз надеялся это выяснить.

— Кто ещё знает о дневнике? — спросил Пиковер.

Мы пересекли улицу.

— Я рассказал только тебе, но за мисс Такахаси не ручаюсь. — Под ногу подвернулся камушек. Я пнул его, и он пролетел чуть ли не целый квартал, отскакивая от реголита.

Мы опередили Мака с подручными и вошли в «Новый Ты» первыми. В зале сегодня работала Рэйко Такахаси. Обычно я смотрел на неё с

искренним восхищением: созданием она была, как я уже, наверное, упоминал, откровенно прелестным. Но сейчас я отвёл глаза. Она давно знала, что её дедушка умер; об этом можно было не сообщать. Но то, что его тело осталось на Марсе, её бы потрясло. Пиковер, прихрамывая, подошёл к стойке, за которой стояла Рэйко. Она сообщила, что мистер Фернандес сейчас в мастерской и обязательно приведёт его в полный порядок. «Будете здоровы, как бык», — сказала она, и я нахмурился, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел животных. Рэйко указала на дверь мастерской; Пиковер оглянулся на меня, я продемонстрировал ему большой палец, и он скрылся в глубине здания.

Рэйко подошла ко мне. Сегодня она собрала длинные волосы в хвост, и рыжие пряди были практически незаметны.

— Привет, Алекс, — с улыбкой сказала она. Судя по всему, Лакшми не стала рассказывать об украденном дневнике.

— Привет, Рэйко. Хвост тебе идёт.

Она скромно склонила голову.

— Спасибо. — Она кивнула на дверь, за которой скрылся Пиковер: — С твоими друзьями часто такое случается?

— Это ему ещё повезло. Полиция скоро привезёт… а вот и они.

В дверях показались Мак с Хаксли. По пути они раздобыли носилки, на которых и тащили массивную тушу Трейса, с головы до пят закрытую тонкой серой простынкой.

Мисс Такахаси поднесла ухоженные ладони ко рту.

— Боже! — воскликнула она, подбежав к Маку. — Что случилось?

— Да вот, нашёлся тут господин, — сказал Мак. — Он на нас напал, а мы его, кхм, деактивировали.

Рэйко нахмурилась.

— Я позову мистера Фернандеса. — Она поспешила в мастерскую, цокая высокими каблуками, а через минуту появилась в сопровождении начальника.

— Детектив Маккрей? — сказал Фернандес. — Что случилось?

Мак повторно объяснил ситуацию, а потом приоткрыл лицо Трейса. Кожа трансферов не бледнеет, и они не закрывают глаза; вот и Трейс смотрел в пустоту широко распахнутыми зелёными глазами, хотя прерыватель всё же что-то повредил в схеме, потому что один зрачок у него

сузился до точки, а второй был расширен, будто Трейс только что вышел от окулиста. Разумеется, он лежал неподвижно, но казалось, что он может в любую секунду вновь вскочить на ноги. По людям хотя бы было заметно, что они уже точно не встанут.

— Что с ним случилось? — спросил Фернандес. Он посерел хуже мертвеца; боялся, наверное, что сам оплошал с загрузкой и его за это засудят.

— Широкополосный прерыватель, — ответил Мак.

Фернандес кивнул:

— А, ясно, ясно. Я слышал, что вы заполучили себе прототип.

— Ага. Так что, можете его опознать?

— Конечно, — ответил Фернандес. — Это Ослепительный Дон Хатчисон.

Имя было мне знакомо, и я присмотрелся.

— Это правда он?

— Ну, не совсем, — сказал Фернандес. — Но лицо его. Официально, по документам. Родственники получают роялти за использование. Спрос, правда, небольшой — мало кто его помнит.

— Что ещё, чёрт возьми, за Ослепительный Дон Хатчисон? — спросил Мак.

Я открыл было рот, но Хакс тоже о нём знал

— редкий случай, так что я решил уступить.

— Футболист, — сказал он. — Играл за «Мемфис Блюз».

— И что, умер?

— Лет двадцать назад, если не больше, — ответил Хакс.

— Но трансфер — не он? — уточнил Мак у Фернандеса. — Просто сделал себе его внешность?

— Скорее всего.

— А настоящую личность опознать сможете?

— Люди, меняющие внешность, обычно предпочитают сохранять анонимность.

— Не сомневаюсь, — сказал Мак. — Но вы ведь должны как-то их различать, вдруг гарантийный ремонт понадобится или что-нибудь в этом духе. Серийника у них нет?

Фернандес ушёл в подсобку и через какое-то время вернулся с небольшим сканером. Он направил его на тело.

— Транспондер отсутствует, значит, он заказал услугу анонимно. Придётся вскрывать, чтобы проверить.

— Будьте добры, — сказал Мак.

— Я уже начал работать над мистером Пиковером. Сейчас я закончу и займусь опознанием.

— Сколько это займёт?

— Я закончу с Пиковером через час.

— Понятно, — сказал Мак и повернулся ко мне: — По стаканчику, Алекс?

— В другой раз.

Мак покосился на мисс Такахаси, а потом понимающе подмигнул.

— Ну ладно. Пойдёмте, сержант Хаксли. — Они вышли из магазина, а Фернандес вернулся в мастерскую и закрыл за собой дверь. Никто не удосужился прикрыть Трейса, так что я накинул на него простыню, и мы с Рэйко остались наедине — два человека из плоти из крови в окружении андроидов всех возможных цветов и размеров.

— Неприятное зрелище, — сказала она, — видеть трансфера в таком состоянии.

— Да. — Я глубоко вздохнул. — Рэйко, мне нужно тебе кое-что сказать…

Аллокварцевая дверь распахнулась, и в зал вошёл грязный старый старатель.

— Есть у вас тут туалет?

Обычно у сотрудников торговых залов был заранее заготовлен ответ: «Простите, только для клиентов». В «Новом Ты», как оказалось, соблюдали традицию в особой манере.

— Сэр, — сказала Рэйко, сверкнув блестящей улыбкой, — с нами вам не понадобятся никакие

туалеты! Проходите, а я покажу вам всё самое лучшее, на что способна наука!

Старый охотник за ископаемыми явно хотел приложить Рэйко парой недобрых словечек, но при виде меня передумал. Развернувшись, он затрусил к выходу.

— Что ты хотел сказать, Алекс?

— Тебе лучше присесть.

Судя по её взгляду, она считала это излишним — и, пожалуй, была права. Обморок на Марсе едва ли грозил переломом. Но она всё же прошла за прилавок, села на высокий стул и вопросительно посмотрела на меня:

— В чём дело?

— Во-первых, твой дедушка умер. Однозначно. Не хочу, чтобы ты питала ложные надежды, так что лучше прояснить этот вопрос сразу.

Она кивнула.

— Но, — продолжил я, — он погиб не при входе в земную атмосферу. Он умер здесь, на Марсе. А знаю я это, потому что мы с доктором Пиковером обнаружили его тело.

— О боже. — Она широко распахнула глаза. — Ты уверен? То есть, я не сомневаюсь, что вы нашли чьё-то тело, но…

— Уверен. Точнее, доктор Пиковер уверен; это

он опознал труп.

— Господи. А где… где же он?

— В посадочном модуле.

— Прошу прощения?

— Мы нашли посадочную ступень с третьей экспедиции.

— Отведи меня туда. Я арендую скафандр.

— Он тебе не понадобится, только нужно немного подождать. Мы переправили ступень к Нью-Клондайку. Она сейчас за куполом, но я хочу доставить её на верфь. Тогда и сходишь.

Она уставилась на меня остолбенело и потрясённо; наверняка радовалась теперь, что послушалась совета присесть.

— Не понимаю, — сказала она, сложив на коленях изящные руки. — Что он делал на Марсе?

— Его здесь бросили.

— Кто? Неужели… Саймон Вайнгартен?

— Других подозреваемых в общем-то нет.

— Ох, — вздохнула Рэйко. — Ох, боже.

Я хотел разобраться с посадочным модулем, так что сказал:

— Я пойду сбегаю по делам. Постараюсь вернуться к опознанию, хочу послушать, что скажет мистер Фернандес.

Рэйко кивнула, и я вышел через раздвижные

двери из аллокварца. Рядом на стене появилось большое мокрое пятно; возможно, Рэйко всё-таки стоило разрешить старику воспользоваться туалетом.

Я направился к верфи, расположенной на Седьмом кольце между Восьмой и Девятой авеню, где отыскал лачугу Берты. Та горбила спину над рабочими документами, как белая горилла.

— Привет, куколка, — сказал я.

— О, Алекс, как раз собиралась тебе написать. «Кэтрин Деннинг» прибыла к куполу. Её как раз сейчас разгружают.

— Спасибо. — Я вытащил из кармана монету в пятьдесят соларов. — Дашь знать, когда можно будет подняться на борт?

Она забрала деньги и кивнула, мотнув брылями.

— Чудно, — сказал я. — А пока мне нужно перетащить на верфи один корабль.

Она бросила на меня безучастный взгляд.

— У тебя появился корабль?

— Ага.

— Откуда?

— Нашёл.

— Трактор будет стоить денег, и аренда причала тоже.

— Предлагаю альтернативу, — сказал я.

Она прищурила свинячьи глазки.

— Да ну?

— Ага. Я ничего не плачу, а ты всё равно его привозишь и держишь тут у себя.

— Очень смешно, — сказала она. — Перегаром вроде не пахнешь.

— Да ты дослушай. Подсоби мне, а я поделюсь прибылью с экскурсий — скажем, по двадцать соларов с человека, половину мне, половину тебе.

— Никто не будет платить, чтобы полюбоваться на хлам, — возразила Берта и махнула в сторону маленького окошка. — У нас его и так тут навалом.

— За этот заплатят. Это посадочный модуль с последней экспедиции Вайнгартена и О'Райли.

— Твою мать, — сказала она. — Серьёзно?

— Ага.

— Половину мне, говоришь?

— Ровно пятьдесят процентов, но при одном условии. Пару дней я хорошенько там осмотрюсь, а уже потом можно пускать народ.

— Ну и зачем?

— Буду искать зацепки.

— Да ты и так цепляешься, как репей, Алекс.

Меня так и подмывало спросить, не знакома ли

она с сержантом Хаксли; они же буквально созданы друг для друга. Но я попросту улыбнулся.

— Ну что, по рукам?

— По рукам.

— Скоро ты его притащишь?

— Порша, трактористка, вышла перекусить. Я её попрошу, как вернётся.

— Отлично, спасибо. Корабль на седьмой площадке. Проследишь, чтобы никто к нему не лез?

— Да, конечно. — Она обвела рукой верфь. — Отгонять мародёров — моя работа. Я в этом хорошо разбираюсь.

— Знаю. Спасибо.

— Половина моя, не забудь, — сказала Берта, постукивая сосисочными пальцами по экрану наручного телефона, как бы намекая, что разговор записывается.

Я напустил обиженный вид.

— Мы столько всего пережили, а ты мне не доверяешь?

— А ты бы доверял? — легко спросила она.

— Всё, понял.

Глава 29

Я бы с удовольствием посмотрел, как трактор оттаскивает посадочный модуль к верфи — сколько бы лет мальчику ни было, любовь к большим машинкам он не растеряет. Но я уже видел, как это происходит. Корабли затаскивали через огромный южный шлюз шириной в триста метров и глубиной в полсотни. Если корабль не помещался — а «Джим Скукум» пролез бы разве что боком, — пиши пропало; иначе под купол было не попасть. Сам проход через шлюз занимал около часа.

Я вернулся в «Новый Ты», по дороге захватив синтезированные суши. Пиковер как раз вышел из мастерской. Рубашка у него до сих пор была порвана, но грудь вроде как починили и он не хромал. Я подождал, пока он расплатится с Фернандесом — такими темпами Рори придётся продать парочку пентаподов, чтобы не влезть в долги, — а затем обратился к Горацио:

— Ну что, теперь можно заняться Ослепительным Доном?

— Конечно, — ответил тот.

В этот момент в зал вошёл Мак; к счастью, Хаксли с ним не вернулся. Диск прерывателя Мак держал под мышкой — боялся, должно быть, что Трейс всё-таки жив.

— Ладно, — сказал Фернандес, ни к кому конкретно не обращаясь. — Пойдёмте.

Я думал, Пиковер к нам присоединится, но он махнул мне рукой и подошёл к мисс Такахаси. Может, хотел попытать счастья — или ему, как человеку, купившему за деньги бессмертие, неприятно было находиться при вскрытии другого трансфера. Как бы то ни было, в мастерскую Фернандеса мы с Маком пошли вдвоём. Как обладателю огромных рук, Горацио не составило труда перетащить Трейса в одиночку; наверняка он забрал его, как только мы разошлись — мёртвый трансфер в выставочном зале вряд ли способствовал бы продажам.

Люди после смерти казались меньше, чем были при жизни, но почему-то на трансферов этот эффект не распространялся. Не сомневаюсь, Фернандес привык одевать и раздевать андроидов — пусть люди рождались голыми, просыпаться в теле без одежды никому не хотелось. Он расстегнул пуговицы рубашки Трейса, обнажив грудь, которая оказалась на удивление хилой. Мельк-

нула мысль, что мужику стоило бы сходить в зал, но потом я понял, насколько это нелепо.

Достав небольшой лазер, Фернандес направил его чуть ниже кадыка, а потом отработанным движением прорезал грудь. Я как-то присутствовал при вскрытии обычного человека и сильно удивился количеству крови, но сейчас её не было, и только расплавленная пластмасса завоняла жжёным миндалём.

Натянув синие латексные перчатки, Фернандес раздвинул грудь, и тогда я понял, зачем такие предосторожности: расплавившаяся кожа липла к перчаткам.

Под кожей находился слой пористой резины, а под ним — скелет из блестящего сплава, отливающий фиолетово-розовым. Никаких аналогов органов; наоборот, в основном в груди было пусто.

Фернандес достал нечто, напоминающее плоскогубцы, только со странными изогнутыми клешнями, и подсоединил инструмент к одному из двух цилиндров, расположенных примерно на месте лёгких. Раздался щелчок, и цилиндр вышел из паза. Фернандес извлёк его и положил на стол рядом с телом. Стерев салфеткой зелёную смазку, покрывающую поверхность, он придвинул

большую лупу со встроенной лампой и осмотрел металлический корпус.

— Это балласт, — пояснил он. — Для дополнительного веса. Мы это не афишируем, но у них есть серийные номера. Кили, — окликнул он, а затем произнёс несколько цифр.

— Трансфер от… — приятным женским голосом ответил компьютер и назвал дату двухлетней давности.

— Где был произведён трансфер? — спросил Фернандес.

— Тело было собрано в данном филиале, — ответила Кили.

— Я тут ещё не работал, — сказал мне Фернандес и вновь обратился к Кили: — И как звали оригинал?

— Неизвестно, — ответила Кили.

Фернандес нахмурился.

— Должно было остаться досье, — сказал он, то ли обращаясь ко мне, то ли напоминая компьютеру. Он попытался перефразировать свой вопрос: — Кто в тот день записывался на трансфер?

— Никто.

Я нахмурился, вспомнив слова Трейса. «Я — никто».

— Но в тело ведь должны были поместить исходный разум, — в воздух сказал Фернандес. — Чей разум в тот день отсканировали?

— Ничей.

— Тогда откуда он взялся?

— Не знаю, — ответила Кили.

— Вы уверены, что это ваш трансфер? — спросил Мак.

— Балласт взят из наших запасов, — ответил компьютер.

— Всё чудесатее и чудесатее, — сказал я, поглядев на Фернандеса. — Вы упомянули, что лицо у него, скажем так, довольно стандартное. А остальное тело? Никаких особых модификаций?

— Выбрана опция номер пять: повышенная прочность, — ответил женский голос компьютера. — Другие модификации отсутствуют.

— Он назвался наёмником, — сообщил я. — Видимо, не соврал. Но кто его нанял?

— Вот уж действительно, — сказал Мак. Посмотрел на Фернандеса: — Что вы делаете с мёртвыми трансферами? Не похороны ведь устраиваете, это какой-то оксюморон.

— Да, — ответил Фернандес. — Трансферы, конечно, иногда погибают, но редко; на Марсе зафиксировано всего пара случаев. — Он помол-

чал. — Ну, раз нет записей об исходном теле, то и возможности связаться с ближайшими родственниками тоже нет. Видимо, просто разберу его на запчасти. — Он посмотрел на распростёртое перед ним тело. — Хотя, должен сказать, такие большие требуются редко.

* * *

Когда мы с Маком вернулись в выставочный зал, я с удивлением обнаружил, что Пиковер и Рэйко Такахаси пропали.

Фернандес, вышедший следом, разозлился: ему не понравилось, что магазин остался без присмотра. С другой стороны, кому нужна оболочка андроида? Без переноса сознания она бесполезна, а это не та процедура, которую можно было бы повторить дома на коленке.

Я сказал телефону вызвать Пиковера. Он не ответил: значит, либо попал в неприятности, либо действительно ушёл с мисс Такахаси; даже я со временем усвоил, что не стоит отвечать на звонки, когда ты в постели с женщиной.

Рэйко не терпелось взглянуть на деда, но я сомневался, что Пиковер пойдёт изучать посадочный модуль без меня, а целоваться на верфь бегают только подростки. Я огляделся, но не об-

наружил признаков драки, да и мы ничего не услышали, хотя находились в соседней комнате. С виду всё было в порядке — не хватало одной только дамочки.

Я обернулся к Фернандесу, который тоже кому-то звонил — наверное, Рэйко.

— Не отвечает?

— Нет. — Он сбросил звонок. — Она бы не оставила магазин. Она не такая.

— Алекс, — сказал детектив Маккрей. — В чём дело?

Я глубоко вздохнул; нужно было заинтересовать его, чтобы потом выведать детали расследования.

— Рэйко Такахаси — внучка Денни О'Райли.

Глаза Фернандеса полезли на лоб. Я продолжил:

— Денни О'Райли не сгорел вместе с кораблём. Саймон Вайнгартен бросил его на Марсе. У Рэйко была печатная копия дневника дедушки, который он передал на Землю перед тем, как его тут оставили, но она одолжила его Лакшми Чаттерджи, местной писательнице.

— У нас есть писательница? — скептически спросил Мак.

— Вот и я удивился! Могли бы хоть рекламу

организовать.

— Значит, дневник у этой Лакшми?

— Был, да сплыл. Он в надёжном месте, но тот громила, Трейс, думал, что у меня; поэтому он и вломился в квартиру. — Я обратился к Фернандесу: — Когда я работал над делом Уилкинса, мне сообщили, что на втором этаже нет камер наблюдения.

— Всё верно, — подтвердил тот.

— Но здесь они есть?

— Да, конечно.

— Можете показать запись?

— Сюда. — Он провёл нас вглубь здания; за мастерской находился небольшой кабинет. Включив настенный монитор, он обратился к Кили: — Воспроизведи запись последних тридцати минут со второй камеры, четырёхкратное ускорение.

Камера, установленная над кассой, показала прозрачную дверь, ведущую на улицу. Она отъехала в сторону, и… наверное, нельзя сказать, что я словно увидел привидение, ведь речь шла о трансфере, но в дверном проёме, весьма пафосно выхваченный уличным светом, стоял Трейс — а точнее, его точная копия. Лось был не один; у него было стадо.

— Ну, — произнёс Фернандес, — лицо и правда стандартное. Кили, включи нормальную скорость.

Я так засмотрелся на знакомую рожу, что не сразу заметил у него пистолет. Зато заметила мисс Такахаси, потому что застыла на месте. Лось-второй быстро подошёл к ней и жестом приказал молчать.

Пиковер сначала не обратил внимания, но потом заметил и лося, и его пистолет. Ему громила ничего бы не сделал, зато он мог убить Рэйко, что Пиковер отчётливо понимал. Он оглянулся на дверь мастерской, будто раздумывал, не позвать ли на помощь, но потом отказался от этой идеи. Камера фиксировала звук, но в зале стояла полная тишина. Пиковер едва заметно крутил ногой; скорее всего, думал, есть ли смысл бросаться на лося со здоровой лодыжкой.

Но потом дверь вновь отворилась, и в зал вошёл третий Ослепительный Дон Хатчисон. Этого хватило, чтобы Пиковер передумал геройствовать: даже в одиночку этот громила мог снести металлический череп с титановой шеи. Чёрт, и всё это творилось буквально в соседней комнате. Первый трансфер махнул пистолетом, и Рэйко направилась к выходу, а Пиковер пошёл следом.

Мак уже связался с участком — спрашивал, не попала ли странная компашка из двух громил-близнецов, трансфера-палеонтолога и горячей штучки в поле зрения уличных камер, но, разумеется, большинство из них давно не работали.

— Кому понадобился профессор Пиковер? — спросил Фернандес.

— Может, охотились за мисс Такахаси, — сказал Мак.

— Но зачем?

— Ради выкупа? — предположил я. — Если они знали, что она внучка Денни О'Райли, могли решить, что у неё водятся деньги. — Я обернулся к Фернандесу: — Вы знали?

Тот скрестил массивные руки на груди.

— Думаете, это я виноват?

— Нет. Нет. Просто спрашиваю. Мне показалось, вы удивились.

— Ещё как. Она же японка, а он ирландец. Я даже подумать не мог.

— Да уж, — хмыкнул я. — Никто бы не подумал. — Я подошёл ближе к стене. — Когда она мне это сказала, я стоял здесь. — Я указал на изображение с камеры, которая теперь показывала пустой зал. — То есть у вас была запись, из которой вы вполне могли это узнать.

— Я не смотрю записи с камер наблюдения без причины, — сказал Фернандес.

— У кого ещё есть доступ к ним? — спросил Мак. — Другие сотрудники могут просматривать камеры?

— Ну, Уилкинсы, конечно, могли — прежние владельцы. Но Кассандра умерла, а Джошуа подался в старатели.

— И всё? — спросил Мак.

— У Рэйко тоже есть доступ, но вряд ли она шпионила за собой. Остальные сотрудники не могут просматривать камеры, а я не знал, чья она внучка, клянусь.

Мак достал портативный сенсор и пошёл в зал. Трансферы не оставляли следов ДНК, но могли оставить волокна ткани или необычную грязь, что тоже полезно. Пока он возился со сканером, я кивнул в сторону лестницы.

— Горацио, — сказал я, — мне нужно в комнату, где вы проводите сканирование.

Фернандес пожал плечами.

— Как скажете.

Я пропустил его вперёд; мы поднялись, свернули в левую комнату, и я закрыл дверь, а потом достал пистолет — и, когда Горацио обернулся, прицелился ему в грудь.

Глава 30

— Ну ладно, — сказал я Горацио Фернандесу. — Выкладывай. Где Рори Пиковер?

Он смотрел на меня огромными глазами, но сохранял похвальное самообладание для человека, на которого направлен пистолет.

— Понятия не имею, — сказал он, разведя массивными руками.

— Ты же в курсе, чем он зарабатывает на жизнь?

— Ну да. Он палеонтолог.

— И ты знаешь, что он недавно разбогател.

— Впервые слышу.

— У скромного академика вдруг появились деньги на трансфер.

— Ну да…

— А ты только что его починил.

— Ага.

— И пока он лежал со вскрытой грудью, ты установил датчик слежения.

— Это незаконно.

— Ещё как. Тебя это не остановило.

— Но зачем мне за ним следить?

— Ты понял, что он нашёл Альфу или ещё какое-то крупное месторождение, и решил выяснить, где оно. Рори специально проверил тело на жучки, когда только стал трансфером, но он чуть ли не напрямую предупредил об этом Джошуа Уилкинса, и тот не стал рисковать. Ты не смог поставить датчик, когда работал над его лицом, потому что Рори обязательно бы заметил — но он всё равно на всякий случай проверился. А в этот раз ты работал над туловищем, и времени на проверку у него не было, значит, датчик до сих пор внутри. Так где он?

— Я вам говорю, ничего я не делал.

— На доктора Пиковера тебе, может, и наплевать, но вы с Рэйко если не друзья, то хотя бы коллеги. Говори, где они.

— Мистер Ломакс, честное слово, я вам клянусь…

— Заканчивай. Тут камер нет, помнишь? Твои собственные слова. Так что я скажу полиции, что ты свихнулся и напал на меня, а я просто защищался. Придётся повозиться, конечно, но я выкручусь — а ты умрёшь. Так что рассказывай, где сейчас доктор Пиковер. Живо.

Я дал ему пару секунд на раздумья, а потом взвёл курок.

— Ну?

Он выдохнул, а потом бросил через плечо:

— Кили? Отследи Рори Пиковера.

На ближайшей стене появилась карта Нью-Клондайка с красными радиальными авеню и синими кольцевыми дорогами. Не сразу, но довольно быстро на ней возникло перекрестье, в центре которого светилась яркая белая точка. Рори — потенциально в компании Рэйко и двух лосей — двигался на юг по Шестой авеню.

— Приблизь, — сказал Горацио Кили, и карта увеличилась до квартала между Четвёртым и Пятым кольцами. Точка двигалась быстро; видимо, они ехали на трамвае.

— Сможешь отслеживать его дистанционно? — спросил я.

Горацио достал из шкафа круглую приблуду, настроил её и передал мне. На экране отображалась та же самая карта.

— Чудесно, — сказал я. — А теперь посиди тут пять минут, понял? Долины Маринера пересчитай, пока триста каньонов не назовёшь — не останавливайся.

Я вышел в коридор, держа Горацио на прицеле, закрыл за собой дверь и спустился на первый этаж.

Мак, нагнувшись, водил сканером по полу.

— В Пиковере стоит датчик слежения. — Я помахал штуковиной, которую дал мне Фернандес.

Мак выпрямился.

— Уверен? — спросил он тоном человека, знающего, что тут что-то нечисто.

— Увер-р-ен, — протяжно ответил я, пародируя его говор. — Ещё как.

Мак забрал прерыватель, который стоял у прилавка, и мы вместе вышли на улицу.

Одноместная служебная машина, на которой вернулся Мак, не была рассчитана на второго пассажира, но у неё имелись бампер и пара креплений для рук — самое то, чтобы везти стоящего человека. Я расположился там, а Мак устроил прерыватель в зазор за сиденьем, сел за руль, и мы тронулись, ориентируясь по прибору Фернандеса.

Сзади я не видел экран, но мне было не до него — пришлось бросить все силы, чтобы не вылететь на дорогу. Насколько я понял, Рори — а вместе с ним, скорее всего, и Рэйко с лосями — направлялся в сторону южного шлюза. Трансферам не составило бы труда выйти прямиком на поверхность, но Рэйко пришлось бы арендовать скафандр, что заняло бы время; если им дей-

ствительно нужен был Рори, а не она, её могли бросить на пути к шлюзу.

Мак мог бы позвонить на шлюзовую станцию и попросить охрану задержать лосей, но простые люди не справятся с двумя амбалами с модификациями на суперсилу, а первостепенной задачей Мака была защита инвестиций Говарда Слэпкоффа; вряд ли старина Слэппи одобрил бы разрушение шлюзовой станции.

Прохожие глазели на нас; когда мы остановились, чтобы не врезаться в грузовик с мусором, я лихо помахал им рукой.

В какой-то момент мы проехали верфь. Вполне возможно, что лоси направлялись именно туда, но Мак не сбавлял скорость. Я оглядел море брошенных кораблей — разбитые мечты, поломанные жизни, несбывшиеся надежды. Вдалеке едва виднелась раскопанная нами посадочная ступень.

Мак вдруг включил сирену, которая напугала меня настолько, что я чуть не выпустил поручень. Но он отключил её, как только машина перед нами освободила дорогу. Купол Нью-Клондайка, и так всегда нависающий над головой, сейчас опустился совсем низко; таким было внешнее кольцо — выше второго этажа здесь не поднима-

лось ни одно здание.

Мак резко остановился. Я спрыгнул с бампера и обошёл машину. Водительская дверь откинулась вверх, и из неё выбрался Мак. Он достал прерыватель, и мы вместе направились к череде шлюзов.

— Они остановились, — сказал Мак, показывая карту на мониторе круглой приблуды. — Снаружи, примерно в полукилометре к востоку отсюда. Я хотел вызвать подкрепление, но все трое патрульных заняты на восточном шлюзе — там какие-то разборки старателей из-за украденного участка.

Я направился к стойке проката скафандров, но Мак кивнул на дверь с надписью «Только для служебного пользования». Внутри обнаружилось четыре полицейских скафандра: два тёмно-синих, со словом «Полиция» на спине и гербами у плеч, и два штатских. Мы переоделись. Мак натянул синий скафандр, я же предпочёл простой, тусклого серого цвета.

Через шлюз для персонала мы вышли на марсианский песок. В тёмном небе сияли звёзды. Вдалеке на боку лежал космический корабль. Сумерки скрадывали его очертания, но судно было небольшим — явно предназначалось для гибер-

нации, в отличие от «Джима Скукума», то есть…

Ну конечно. Это «Кэтрин Деннинг», бывший «Б. Травен», печально известный корабль смерти, недавно вернувшийся на Красную планету.

И, если верить устройству слежения у Мака в руках, лоси привели Рори Пиковера прямо к нему.

Глава 31

Когда кораблю требовался ремонт в доках, его затаскивали под купол, но в основном прибывающие на Марс суда разворачивали прямо среди равнин. Мы с Маком пошли к стоящей в пятистах метрах от нас «Кэтрин Деннинг». Берта говорила, что её разгружают — скорее всего, выносят гибернационные капсулы, — но, судя по всему, работы уже завершились: от машин остались только колеи на песке.

А ещё — следы ног. Людей было трое: двое громил в кроссовках и один человек в рабочих ботинках поменьше. Следов скафандра я не заметил. Лоси действительно бросили Рэйко; оставалось надеяться, что с ней всё хорошо.

Судя по следам, Рори шёл впереди, а лоси держались сзади, охраняя его с обеих сторон. Но я сомневался, что он показывал дорогу — скорее, его подгоняли, и…

— Видишь? — спросил я по рации.

— Ага, — отозвался Мак.

По следам всё стало ясно. Рори попытался сбежать: было видно, как он прыгнул и приземлился

в десяти метрах. Лоси бросились за ним, и в какой-то момент все трое повалились на землю. Дальше шли только следы от кроссовок, но одни запаздывали; видимо, один из лосей тащил Рори на себе, а тот вполне мог кричать и брыкаться.

Космический корабль напоминал обрубленный стержень с приподнятыми над землёй концами. В корпусе виднелись грузовые люки — как открытые, так и закрытые, — и пандус, ведущий к шлюзу. Мы подошли ближе, и я осветил нагрудным фонариком желтовато-бежевую обивку.

Вдоль носовой части тянулось написанное от руки название корабля: «Кэтрин Деннинг». Свет фонаря падал на буквы косо, и под ними виднелись следы старой краски, оставшиеся от «Б. Травена»; в нормальном освещении они были бы практически незаметны, и если бы я не знал, что там написано, то вряд ли смог бы разобрать.

Космический корабль — хорошее место для захвата заложников: корабли спроектированы выдерживать удары небольших метеоров, а значит, и град пуль выдержат. Ещё у них своя система жизнеобеспечения, и при необходимости они могут взлететь.

Мак поднялся по довольно крутому пандусу

и попробовал открыть дверь. Она оказалась заперта. Он набрал номер местного филиала «Внутрисистемных перевозок»; неподалёку от купола телефоны ещё работали, и я слышал звонок по внутренней радиосвязи.

Четыре гудка спустя я решил, что все разошлись по домам, но тут женский голос ответил:

— «Внутрисистемные перевозки». Чем могу быть полезна?

— Это детектив Маккрей из полицейского управления Нью-Клондайка, у меня срочное дело. Я нахожусь рядом с «Кэтрин Деннинг», и мне нужен доступ внутрь.

— Секундочку, — ответила женщина, а затем: — Мне передают, что для авторизации требуется кодовое слово.

— «Яшма», — ответил Мак.

— Отлично, спасибо, — сказала женщина. — Чтобы попасть внутрь, достаточно набрать код общего доступа на панели у шлюза; он открывает все двери на корабле, включая внешний люк. Сообщите, когда будете на месте, я вам его продиктую.

Кнопочная панель скрывалась за дверцей, весьма кстати подписанной «Кнопочная панель». Рядом красовалась надпись на китайском — ви-

димо, повторяла английскую. Мак открыл дверцу и сказал:

— Диктуйте.

— Пять ноль четыре, — начала женщина, — три два девять, три один семь, пять один ноль.

Мак набрал код, и дверь сдвинулась сантиметров на пятнадцать влево; видимо, была подпружинена, но ей не давал отъехать замок. Зато в углублении нашлась утопленная ручка. Мак просунул туда ладонь и открыл дверь до конца. Она вела в отсек не больше старинной телефонной будки — правда, я видел их только в фильмах.

Мак вошёл, держа в руках прерыватель. Я протиснулся следом. Только сейчас до меня дошло, что скафандр Мака наверняка был пуленепробиваемым. Вопрос в том, был ли пуленепробиваемым мой.

Мак захлопнул за нами дверь, затем нажал на большую кнопку слева; она тоже была подписана «Герметизация» по-английски и по-китайски. Я не слышал, как в камеру закачивается воздух, но чувствовал растущее давление на скафандр. Когда оно сравнялось с внутренним давлением корабля, загорелась зелёная лампочка, и для пущей убедительности внутренняя дверь отъехала

в сторону, открывая утопленную ручку.

Мак протиснулся мимо — шлюз действительно был предназначен для одного — и полностью открыл дверь.

Он всё ещё держал устройство слежения, но было сложно одновременно и нести прерыватель, поэтому он передал девайс мне. Я попытался увеличить картинку пальцами, но экран не реагировал на перчатку. Пользуясь нормализованным давлением, я снял её с правой руки и попробовал снова. Маячок Рори находился примерно в тридцати метрах от кормы, поэтому я жестом показал Маку следовать в том направлении.

Внутри корабль был хорошо освещён — я бы сказал, даже слишком. На Марсе мы предпочитали приглушать лампы, потому что сюда долетало в четыре раза меньше солнечного света. Щурясь, я огляделся, пытаясь представить ужасы, которые когда-то творились на борту этого корабля, и в какой-то момент мне почудилось, что в воздухе пахнет кровью, хотя я до сих пор был в скафандре.

Скорее всего, лоси не думали, что их найдут, а потому не ожидали и нападения. Но широкополосный прерыватель нужно было ещё навести.

Если бы в заложники взяли Рэйко, Мак мог бы выстрелить вслепую. Но с Рори мы не могли рисковать.

Мы тихо продвигались вперёд; я, типичный сыщик, и Мак, этакий коп. Вскоре впереди раздались голоса, и мы притихли. Слышно было плохо, но не из-за закрытых дверей — они-то как раз стояли открытыми, — а из-за шлемов, которые мы так и не сняли. Расстегнув застёжки, я стащил свой и сунул под мышку.

Оказалось, воздух на корабле действительно отличался: он пах сырой плесенью. Без шлема голоса стали чётче. Говорили два лося: речь у них была такая же густая и медленная, как и у Трейса. Иногда они перебивали друг друга, и разобрать, кто именно говорит, было трудно — одинаковые голоса причудливо переплетались.

Рори, если он ещё оставался с ними, молчал. Я сверился с девайсом, пытаясь определить, откуда именно доносятся голоса. Похоже, лоси бросили Рори, а сами ушли в другую комнату: они разговаривали впереди справа, а маячок указывал влево. Я жестами показал Маку идти разбираться с лосями и что сам я займусь спасением Пиковера; универсальный код был сохранён у меня на телефоне, и я мог воспроизвести его, если потре-

буется открыть дверь.

Вскоре коридор действительно упёрся в две двери. Лоси оставили левую открытой, и через неё виднелась широкая спина одного из них — я узнал его по одежде. Дверь справа была закрыта. На ней висела табличка, и хотя я не смог разглядеть надпись, символ узнал моментально: это был кадуцей, обвитый змеями жезл. Дверь вела в лазарет.

Я натянул перчатку и обернулся на Мака. Всё складывалось слишком легко. Если Рори действительно был заперт в комнате справа, оставалось разобраться с лосями, освободить профессора и двинуть отсюда. Одна проблемка: Мак наверняка считал, что похитители заслуживают надлежащего расследования, бла-бла, всё такое. Ну и ладно; лишь бы он задержал их до прибытия кавалерии, разбирающейся с беспорядками у восточного шлюза.

Времени на раздумья не было. Лоси нас пока не заметили, но в любой момент могли выглянуть в открытую дверь. Поэтому, чтобы не терять элемент неожиданности, Мак щитом выставил перед собой прерыватель и бросился в комнату, рявкнув в динамик скафандра:

— Полиция Нью-Клондайка! Ни с места!

Глава 32

Лось впереди резко обернулся. Я бросился к правой двери и поспешно ввёл код, включив запись на телефоне. Попутно вытащил пистолет — на случай, если Рори окажется не один, и…

Не прогадал. Палеонтолог лежал на единственной в лазарете койке, привязанный к ней ремнями — работа лосей, без сомнения. Одно утешение: с него сняли рубашку, так что в этот раз она не должна была пострадать. Над ним нависал бледный мужчина с тусклыми каштановыми волосами — лет тридцати пяти, моложе меня, но тощий, как ветка; я даже не сомневался, что с лёгкостью его одолею. Но в руках мужчина держал режущий лазер, которым как раз делал на груди Рори вертикальный надрез — точно таким же Горацио Фернандес вскрыл труп Трейса. На стену был выведен рентгеновский снимок; я не сразу сообразил, что на нём изображена грудная клетка Рори.

Я махнул рукой с пистолетом.

— Брось лазер! Руки вверх.

— Алекс! — воскликнул Рори, приподняв го-

лову.

— Руки! — бросил я тощему мужчине, который так и не шевельнулся.

— Ни с места, я сказал! — раздался из соседней комнаты голос Мака. Я разрывался: если ему понадобилась помощь, надо было бежать туда. Но через мгновение он добавил: — Так-то лучше. Это широкополосный прерыватель. С одним из вас он уже справился, так что не нарывайтесь. Руки держим над головой.

Я взвёл курок и прицелился мужчине в голову.

— Давай, повторяй за подручными, — сказал я. — Руки в небо.

Мужчина опустил лазер и поднял костлявые руки, обтянутые тонкой кожей.

— Ты кто такой? — поинтересовался я.

— Иди погуляй, — ответил он слабым голосом.

Я направил на мужчину телефон, прикреплённый к скафандру.

— Установи его личность.

— Ошибка двадцать три, — ответил аппарат голосом Питера Лорре, который я установил собственными руками. — Совпадения отсутствуют.

Взмахом руки отключив бесполезный девайс, я выглянул в коридор. Мак уже вёл лосей к шлюзу. Я обернулся к измождённому мужчине.

— На кой чёрт тебе вскрывать доктора Пиковера?

Вместо него ответил Рори:

— Я сказал этим головорезам, что дневник у меня внутри.

— А это правда? — уточнил я, впечатлённый.

— Да. Я попросил Фернандеса положить его туда для сохранности. — Я посмотрел на рентген. Рядом с балластом действительно виднелся призрачный контур подходящего по размерам прямоугольника. — Они угрожали убить Рэйко, если я не отдам дневник. Пришлось сознаться.

В лазарете стояли два кресла, достаточно мягкие, чтобы в них было удобно сидеть даже при земной гравитации. Поставив на одно из них шлем, я жестом указал на второе; тощий человек сел, опустив руки. Я вернулся к Пиковеру. Его связывали ремни, встроенные в койку, и хотя пациент на ней не смог бы освободиться самостоятельно, разобраться с защёлками не составило никакого труда: всё было чётко подписано. Я снял фиксаторы, и Рори сел, отчего разрез на груди слегка приоткрылся. Простой человек на его месте растирал бы запястья и лодыжки, восстанавливая кровообращение, но Рори просто сидел и сверлил похитителя взглядом.

— Дай мне дневник, — сказал я.

Помедлив, Рори сделал то, что собирался сделать худосочный мужчина, не прерви я его: просунул руку под пластиковую кожу и слой резины чуть ниже металлической груди, пошарил там и достал дневник — без задней обложки, зато в полиэтиленовом пакете. Он протянул его мне.

Пакет, чёрт бы его побрал, покрывала прозрачная смазка. Чтобы он не выскользнул из руки, я достал книжку и сунул её в карман штанов.

— Что с мисс Такахаси? — спросил я.

Рори просиял.

— Она сбежала, Алекс, с моей помощью; я их отвлёк. Амбалы хотели избавиться от неё; они вообще хотят убить всех, кто может знать об Альфе. По их мнению, раз она читала дневник, то могла догадаться. — Рори натянул рабочую рубашку. — Я всё твердил, что там не указаны точные координаты, и Рэйко сама так сказала, но они не поверили.

Держа похитителя на прицеле, я бросил телефону:

— Позвони Рэйко Такахаси.

— Сработал автоответчик, — сказал Питер Лорре.

— Позвони Горацио Фернандесу из «Нового

Ты».

Три гудка, затем:

— Слушаю, Алекс.

— Горацио, мисс Такахаси вернулась?

— Нет.

— Она сбежала… — Я обернулся к Рори: — Когда?

— Минут сорок назад.

— Она сбежала сорок минут назад. Я с доктором Пиковером.

— Я дам знать, когда она вернётся.

Я сбросил звонок.

— Так кто ты? — вновь спросил я у сидящего мужчины.

— Пошёл ты.

— Был бы ты местным, телефон бы тебя опознал, так что это отпадает. Буду считать, что ты прилетел на этом же корабле, но струсил зайти под купол. Мудро, мудро: Нью-Клондайк — город суровый, тебя там как веточку переломят. — Я подступил ближе. — Может, даже и я…

До этого момента я не обращал внимания на его одежду, но сейчас заметил тёмно-оранжевую рубашку с круглой нашивкой слева над грудью: эмблема «ВСП», «Внутрисистемных перевозок»; форменная одежда компании.

— Господи, да ты из экипажа. — Я вновь обратился к телефону: — Сколько человек обслуживают «Кэтрин Деннинг»?

— Двое, — прохрипел Питер Лорре. — Главный и запасной боумены. Главный руководит полётом, а запасной проводит его в гибернации и просыпается только в экстренных случаях.

— Ну и который ты? — поинтересовался я.

— Сходи в баню, — посоветовал мужчина.

— Тут их на сто миллионов километров ни одной, — ответил я и сказал телефону: — Узнай в офисе «Систем» имена боуменов.

— Секунду. — Затем: — Основной боумен — Беверли Ковальчук. Запасной — Джеффри Альбертсон.

— Значит, ты у нас Альбертсон. — Я жестом показал ему подниматься.

Он на мгновение замешкался, но всё-таки встал. Двигался он совсем не так, как обычно двигались прибывшие с Земли люди. Те, проснувшись, вставали так энергично, что аж подпрыгивали; я со своим ростом умудрился пару раз стукнуться о потолок вскоре после прибытия. Но Альбертсон поднялся медленно, морщась; раз он слаб здесь, на родной планете движения и вовсе должны были причинять муку.

— Насчёт твоих головорезов, — сказал я. — Один уже поджарен тем самым широкополосным прерывателем, про который говорил полицейский. Мы его пока не опознали, но ничего, успеем — и тех двоих, кстати, тоже.

Худой мужчина пожал плечами.

— У них нет других имён, только Уно и Дос.

Пиковер просиял.

— А, понял! Алекс, третьего звали не Трейс, а Трес — «три» по-испански. Звучит одинаково, но по-разному пишется. Уно, Дос, Трес.

— Хм, — сказал я. — И сколько же их всего, Джефф?

— Иди на фиг.

— Что с тобой вообще такое? — спросил я, не ожидая ответа.

Рори встал рядом.

— Мой дед выглядел точно так же, — сказал он. — Это болезнь.

— Какая?

— Ну, я не уверен, но…

Я махнул пистолетом:

— На кушетку.

Альбертсон раздражённо посмотрел на меня, но послушался. Он просто сел, но хватило и этого. Компьютер корабля опознал его, в отличие от

моего телефона, и на мониторе высветилась медицинская карта. Я мельком просмотрел записи.

— «Лимфатический рак четвёртой стадии». Вот тебе и куатро. — Я обернулся к нему. — Не повезло. Я бы не хотел умереть в тюрьме.

Альбертсон демонстративно скрестил на груди тонкие руки. Я мельком подумал, поднимется ли у меня пистолет на такого задохлика, но…

— Боже, — сказал Пиковер. Он изучал его медицинскую карту; подозреваю, для него вся эта научная тарабарщина была не такой бессмыслицей, как для меня. — Алекс, ты посмотри.

Он указал на экран. Я прищурился, и…

И понял, что никакой это не Альбертсон. Мало того, что у него была указана дата рождения, так компьютер ещё и услужливо подсчитал возраст, поместив его в круглые скобки: 78 лет.

Я посмотрел на него, и…

И…

Боже.

Он ведь работал запасным боуменом. Он… ну конечно. Я никогда с подобным не сталкивался, но…

Он выглядел лет на тридцать. Биологически так, наверное, и было.

— Ты годами не вылезал из спячки, — сказал

я. — Десятилетиями. Мотался между Землёй и Марсом, а это восемь месяцев в одну сторону, если не больше. Я даже не знал, что в глубокой заморозке можно провести столько времени. Но…

Рак.

Кому ещё много лет назад диагностировали последнюю стадию рака?

— Нет, ты всё-таки Альбертсон, — сказал я. — Только родился под другим именем, правда, Уиллем?

— Да пошёл ты…

— В лес по грибы? Они все там же, где бани.

Рори уставился на мужчину огромными глазами.

— Боже… Боже мой, — сказал он. — Уиллем Ван Дайк… Вот уж не думал, что встречу вас во плоти, но… — Он покачал головой. — Болезнь сильно вас подкосила, но да, это и правда вы. Так-так-так… Я бы очень хотел расспросить вас о второй экспедиции, но… — Он нахмурил искусственные брови, и в его голосе послышалась злость: — Господи, да вы меня чуть не убили!

Ван Дайк соскользнул с кушетки.

— Ничего подобного. Разрез можно легко зашить. Да и убить тебя невозможно.

— Я не про то. Не сейчас. До этого. Это вы про-

несли мины на «Б. Травен». Это вы заминировали Альфу. Чёрт, да вы мне половину лица снесли! Я мог умереть!

— Не мог, — сказал Ван Дайк. — Ты и так не живой.

Рори механически поперхнулся. Я посмотрел на Ван Дайка.

— Мины были нужны для защиты, — сказал я, — и лежат они там очень давно. Но потом ты узнал, что на Марс летит внучка Денни О'Райли, и понял, что пора пошевеливаться, я прав?

Ван Дайк не ответил. Я театрально вздохнул.

— Ты немного не понимаешь ситуацию, Билли. Я задаю вопросы, а ты либо отвечаешь, либо умираешь. Всё очень просто.

Ван Дайк смотрел не на меня, а на стену, на рентген Рори. Наверняка злился, что тот мог облучаться хоть целую вечность, а у него под воздействием радиации развился рак. Но молчания он не нарушил.

— Ну ладно, — сказал я. — Давай я сам расскажу. Ты знал про любовницу Денни О'Райли, а фамилия у неё была, конечно же, Такахаси. А работаешь ты на «Внутрисистемные перевозки», то есть имеешь доступ к пассажирским спискам со всех кораблей; ты проверяешь их при каждом

возвращении на Землю. И вот среди них тебе попалась Рэйко Такахаси, купившая билет на Марс. Тебе стало любопытно, и ты выяснил, кто она. Это было легко — коллекционер коллекционеру друг, даже если их интересуют разные вещи, а она наверняка наводила справки, сколько можно выручить за единственный сохранивший экземпляр дневника дедушки. Ты решил, что он мог оставить там координаты Альфы, а тебе совсем не хотелось, чтобы о них узнала общественность. И поэтому ты послал за ней клонов.

— Они не клоны, — огрызнулся Ван Дайк.

— Лучше поясни-ка мне кое-что, — попросил я. — Ты тридцать с чем-то лет провёл в гибернации. Сколько тебе физически? Тридцать? Тридцать два?

Ван Дайк обжёг меня испепеляющим взглядом, но я показал ему пистолет.

— Тридцать восемь, — всё же уступил он. Потом, явно осознавая, что не выглядит на свои годы даже с учётом рака, добавил: — Я редко бываю на солнце.

— А «Внутрисистемные перевозки» всё устраивает, — сказал Рори. — Не нужно заново обучать персонал. Для вас с начала работы прошло всего несколько лет. Вы ведь всегда в заморозке, а про-

сыпаетесь буквально на несколько недель между рейсами, пока корабль ждёт в доке.

— На Марсе я обычно вообще не выхожу из гибернации, — заявил Ван Дайк. — Когда я вернусь сюда жить, то вернусь с шиком.

— В качестве трансфера, — сказал я.

Ван Дайк фыркнул.

— Что? — спросил я у него.

— Да ни за что.

— Но это же лекарство от рака. Чёрт, да это лекарство вообще от всего!

— Нет, — возразил Ван Дайк. — Это не так. Но лекарство от рака рано или поздно появится.

— Так каждый раз говорят, — заметил Пиковер. — И каждый раз оказывается, что ждать его ещё двадцать лет.

— Прогресс уже есть, — сказал Ван Дайк. — Я каждый раз проверяю, когда выхожу из гибернации. Ещё лет десять…

— И если большую их часть провести в заморозке, то до лекарства можно дожить. — Я покачал головой. — Почему просто не загрузить разум в другое тело? Я понимаю, когда тебе только поставили диагноз, это было чертовски дорого, но…

— Дело не в этом.

Я нахмурился, и вдруг до меня дошло.

— Лакшми, местная писательница, упоминала, что ты был религиозен до крайности. Поэтому ты не хочешь становиться трансфером?

— Загрузка сознания, — фыркнул он. — Что за бред. На выходе получается другой человек.

Рори склонил голову, глядя на мужчину, который хотел его вскрыть.

— Сейчас люди относятся к этому по-другому.

— А Бог — нет, — ответил Ван Дайк.

С этим Рори поспорить не мог, а потому замолчал.

— И чем ты займёшься, когда лекарство найдут? — спросил я. — Когда победят рак?

— Пошёл ты.

— Ладно. Я сам расскажу. Вайнгартен с О'Райли пообещали тебе долю с продажи окаменелостей. Ты хочешь вернуть то, что тебе якобы причитается. И когда поправишься, этим ты и займёшься.

— А сейчас остановишь любого, кто попытается добраться туда до тебя, — отбросив вежливость, сказал Рори.

— И для этого ты нанял головорезов с лицом Ослепительного Дона Хатчисона, — добавил я. А потом понял, что ошибся. — Нет, — сказал я. — Нет, погоди-ка. Ты их не нанимал. — В голове промелькнуло то слово: «улётный». Старый

сленг, который использовал Трес. — Господи, да ты и есть они. Ты… боже, все трое — это ты. Ты уже трансфер. Поэтому Трес назвал тебя «Настоящим» — ты настоящий Уиллем Ван Дайк, а они просто клоны.

Ван Дайк явно хотел возразить, но для человека, так отчаянно цепляющегося за жизнь, он неплохо понимал, что с ним может сотворить смит-вессон.

— Я просто сделал себе помощников, — сказал он тонким голосом, измученным болезнью. — Я настоящий; только у меня есть душа. Они — просто подделки. Местный руководитель «Нового Ты» согласился сделать их в тайне.

— Горацио Фернандес? — спросил Рори.

— Нет, другой. Как его…

— Джошуа Уилкинс, — подсказал я.

— Точно. Неприятный человек, но его можно купить. Несколько лет назад я попросил его создать трёх Ослепительных Донов.

— Создавать копии одного и того же человека незаконно, — сказал Рори. — И омерзительно.

— Это просто расходный материал. Они не люди.

— А они что об этом думают? — поинтересовался я.

— То же, что и я, разумеется.

— Зачем делать всех трёх одинаковыми?

Ван Дайк вскинул брови, будто ответ лежал на поверхности.

— Чтобы они не забывали своё место. Они не настоящие люди. Они — суррогаты. Подделки, которые в любой момент можно выбросить.

Я кивнул.

— Спорим, что они должны обеспечивать друг другу алиби? Пока один показывается на людях, остальные устраняют угрозы для Альфы. По задумке, они не должны были появляться в одно время в одном месте. Но потом Треса пристрелили, и ты решил, что пора наращивать обороты.

Это объясняло, почему тот бросился на Хаксли, хотя Мак предупредил его о широкополосном прерывателе. Как и Ван Дайк, он просто не знал, что это такое; их разум на тридцать лет устарел.

— Ну ладно, — сказал я. — Пойдём.

— Куда?

— Рано или поздно — в тюрьму, полагаю.

— Меня не посадят в тюрьму, — сказал Ван Дайк.

— Правда? Ты напал на меня, стрелял в доктора Пиковера, а затем похитил их с мисс Такахаси и чуть не убил.

— Я ничего не делал. Это всё Уно, Дос и Трес. Треса деактивировали, а Уно с Досом уже арестовали.

— Но организовал-то всё ты.

— Доказать это будет трудно.

— Пусть так, — сказал я, позаимствовав фразу у Маджа.

— А ещё, — напомнил Рори, — ты заминировал Альфу.

— Даже если и заминировал, признаваться я в этом не собираюсь, Альфа вне юрисдикции полиции.

Я махнул пистолетом.

— Вперёд. — Забрав шлем, я жестом указал Ван Дайку идти вперёд, а потом вышел в ярко освещённый коридор вместе с Рори и продолжил: — Будь я на твоём месте, заключил бы с полицией сделку. Ты сам сказал: у тебя в запасе всего пара лет. Не трать их впустую. Признай вину, выплати штраф, забудь про Альфу и возвращайся в гибернацию — кто знает, может, лекарство от рака действительно изобретут.

Недалеко от шлюза ковровое покрытие закончилось, и наши шаги загрохотали по жёсткому полу.

Шлюз был закрыт. Интересно, как Мак умуд-

рился миновать его с двумя лосями? Все вместе они бы точно не поместились. Вот тебе и задачка на логику — Хуан Сантос любил ломать над такими голову.

Нас тоже трое, но тесниться нам нет смысла. Мы с Ван Дайком могли пропустить Рори или выйти первыми. Разумеется, Ван Дайку для этого понадобился бы скафандр, но запасной как раз висел у двери…

О, судя по нашивке, он принадлежал Джеффу Альбертсону. И правда, он же был членом экипажа.

Лампочка над внутренней дверью внезапно загорелась красным: кто-то вошёл с другой стороны. Возможно, это вернулся Мак, передавший лосей коллегам. Ещё могла прийти Берта, или другие работники верфи, или Беверли Ковальчук, или кто-то из местных сотрудников «Внутрисистемных перевозок». Вариантов было много, а потому я не стал запихивать Ван Дайка в скафандр; кто знает, может, это пришёл лось по имени Куатро, и готовый к побегу Ван Дайк только сыграет ему на руку.

— Ты погоди, — сказал я. — Не спеши переодеваться.

Обхватив пистолет обеими руками, я прицелил-

ся в шлюз. Вскоре лампочка вновь засветилась зелёным, дверь отъехала на пятнадцать сантиметров, открыв утопленную ручку. Вошедший отодвинул её до конца, и…

И навстречу нам вышел трансфер с лицом Крикора Аджемяна, звезды голографического телевидения.

Глава 33

— Берлинг? — спросил я, глядя на трансфера, стоящего в дверном проёме. — Стюарт Берлинг?

Тот нахмурился.

— Ломакс? Какого ты тут забыл? — Но тут его взгляд упал на Уиллема Ван Дайка, и карие глаза округлились. — Боже, — сказал он, тряхнув красивой головой. — Боже, так это правда. Ты не постарел ни на день.

— Мы знакомы? — спросил Ван Дайк. Складывалось впечатление, что он не узнавал лицо стоящей перед ним знаменитости, и неудивительно — если он провёл последние тридцать лет в заморозке, вряд ли он о нём слышал.

— Я Стю Берлинг, — сказал трансфер.

Ван Дайк развёл руками.

— Мне это должно о чем-то говорить?

— Я был на… на этом проклятом корабле.

— Когда?

— Тридцать лет назад. Когда он ещё ходил под именем… — Он сглотнул, но сумел выдавить: — «Б. Травен».

— А, — тихо ответил Ван Дайк.

— Я столько лет терзался вопросами, — начал Берлинг. — Но теперь у меня есть деньги, а на деньги можно купить ответы. Один парень из местного офиса «Перевозок» сказал, что ты числишься на корабле экипажем. Я сначала не поверил — не поверил, что после стольких лет ты всё ещё здесь работаешь.

— Я знать тебя не знаю, — заявил Ван Дайк.

— Это я тебя разбудил. Во время полёта. Много лет назад.

— Нет.

Берлинг, казалось, разозлился, что ему не верят.

— Да, чёрт побери.

— Не знаю, кем вырос тот чудаковатый пацан лет восемнадцати-девятнадцати, но ты не он. Ты — трансфер. Пустышка.

В тоне Берлинга проступил яд:

— Да ты мне в подмётки не годишься. Я четыре дня провёл с этим безумцем, прежде чем сумел добраться до гибернационных камер и разбудить тебя. А ты так ничего и не сделал.

— Ничем не мог помочь, — сказал Ван Дайк. — У него было оружие, а у меня нет.

— Но ты был вторым боуменом! — рявкнул Берлинг. — Единственным членом экипажа. Ты

должен был его остановить.

— Я пытался, — сказал Ван Дайк. — Тот пацан видел это своими глазами.

— У тебя были мины.

— Расследование постановило, что их пронёс на борт Хогарт Пирс, главный боумен.

— Пирса убили. — Берлинг ткнул пальцем за спину. — Застрелили, как только он показался из шлюза. А когда нашли мины, решили, что он перевозил их с целью продажи. Но их перевозил не он, а ты.

Ван Дайк машинально начал всё отрицать, но я перебил его, обратившись к Берлингу:

— Как ты догадался?

— Я же сказал: деньги открывают любые двери. Вот я и начал копать. — Он кивнул на тощего мужчину, хотя смотрел на меня: — Ты в курсе, что Ван Дайк был на Марсе ещё до того адского рейса?

— Во второй экспедиции Вайнгартена и О'Райли, — сказал я.

Берлинг кивнул.

— А знаешь, почему в третью его не взяли?

— Он поссорился с Вайнгартеном и О'Райли. Не поделил прибыль, и… А. Ты что-то раскопал в его прошлом. Ну и кто же он? Бывший военный

эксперт? Сапёр? Взрывотехник?

— Торговец оружием из-под полы, — ответил Берлинг.

Ван Дайк оскорблённо фыркнул.

— Я сводил высокопоставленных покупателей с теми, у кого был ценный товар. Поэтому Саймон с Денни и взяли меня с собой.

— А потом обманули, — предположил я. — Или ты их обманул.

Ван Дайк не ответил.

— Господи, — сказал я, подумав. — Так ты… Боже, конечно! Их корабль взорвался не просто так — это ты всё подстроил. Когда они улетали, мин той модели ещё не было, но у торговца оружием нашлись бы другие, ничуть не хуже. Это ты убил Саймона Вайнгартена.

— И Денни О'Райли, — добавил Берлинг.

— Нет, — сказал я, — но только потому, что Вайнгартен бросил О'Райли здесь. — Берлинг не ожидал таких новостей, но не успел ничего сказать, как я повернулся к Ван Дайку: — Так ты убийца. Неудивительно, что ты не спешишь на встречу с создателем.

— Ты мог остановить это безумие, — сказал Берлинг, тоже обратившись к нему. Пиковер благоразумно не вмешивался.

— Нет, не мог! — крикнул Ван Дайк. — Я не мог открыть грузовой отсек с минами во время полёта, он был на замке!

— Ты мог взорвать их дистанционно, — сказал Берлинг.

— Я бы подорвал весь корабль!

— Но остановил бы его.

— Мы бы погибли.

— Но ты остановил бы его. — Берлинг дошёл до точки кипения; казалось, ещё немного, и он взорвётся.

— Стюарт… — мягко сказал я.

Он резко обернулся ко мне.

— Этот безумец издевался над нами. Пытал нас. А Ван Дайк мог его остановить. Он мог его остановить! Но вместо этого мы страдали ещё два месяца. Два месяца пути до Марса, два месяца ада.

— Мне жаль, — сказал Ван Дайк.

— Жаль ему! — крикнул Берлинг. — Этого мало. Я не могу вернуться домой. Не могу вернуться на Землю. У меня куча денег, но здесь их не на что тратить. Я не выдержу лететь взаперти несколько месяцев. А всё это из-за тебя. — Он не мог глубоко вдохнуть, но он замолчал, огляделся и вздрогнул. — Вон там, видишь, прямо по коридору? Там

он впервые… там…

— Стюарт, — как можно мягче повторил я. — Прошло уже тридцать лет.

— Не для меня! Я никогда этого не забуду.

— Мне жаль, — снова сказал Ван Дайк. — Я правда не мог помочь, и…

Берлинг бросился на него со скоростью трансфера, такой же буйный и яростный, каким я видел его в «Лавке старинныхъ диковинъ». Он прыгнул, приземлившись в полушаге от Ван Дайка, и с силой толкнул его спиной в стену.

Здоровый человек, может, и выдержал бы такой удар. Клоны Ван Дайка точно легко бы его пережили. Но только не он. Его грудь прогнулась под открытой ладонью Берлинга. Тот шагнул назад, и на лице его проступил ужас, насколько способна была отразить его мимика трансфера.

— О господи… — произнёс он.

Ван Дайк рухнул на пол. Я бросился к нему и проверил пульс.

— Сердце не бьётся.

— О господи… — едва слышно повторил Берлинг.

Я перевернул Ван Дайка на спину и положил руки на грудину в надежде его откачать, но…

Но ощутил лишь проломленную грудь и раз-

давленное под рёбрами сердце. Терять было нечего, так что я надавил, но кости затрещали только сильнее, а из-под них раздалось жуткое хлюпанье.

— О господи… — в третий раз сказал Берлинг. — Я не хотел… не хотел… — Он беспомощно раскрыл рот. — Я просто… я хотел с ним поговорить.

— Ты его убил, — слабым голосом произнёс Рори.

— Простите… Простите, я…

Судя по лицу и движениям Рори, будь он простым человеком, то сейчас бы набрал воздуха в грудь; он явно пытался взять себя в руки.

— Хорошо, я понимаю, что над тобой издевались, но… но он ведь не виноват, и… — Он замолчал, слегка покачав механической головой. — Мне жаль, бедняга, но ты должен понимать, что даже местная полиция не закроет глаза на убийство. «Перевозки» — подразделение межпланетной корпорации Слэпкоффа; они потребуют выяснить, что случилось с членом их экипажа, и полиции придётся вмешаться.

Берлинг резко повернулся к нему. Я видел, как берут заложников люди из плоти и крови: зачастую они обхватывают шею сзади, но даже такой перелом трансферу нипочём. Поэтому Бер-

линг схватил Пиковера за голову одной рукой, а второй стиснул руку чуть ниже локтя и потащил Рори в шлюз.

— Отпусти его, — сказал я. — Лучше возьми меня. Из меня хороший заложник — точно не вырвусь.

— Не надейся, — ответил Берлинг. — У полицейских есть этот их прерыватель. Они не станут рисковать, пока он со мной.

— Алекс… — взмолился Рори.

Берлинг надавил ему на лоб, и я заметил появившиеся углубления, похожие на отверстия для пальцев в шаре для боулинга.

— Заткнись! — бросил Берлинг. Рори заткнулся. Берлинг ненадолго разжал хватку на его локте, но тут же захлопнул внутреннюю дверь шлюза. Герметизация длилась несколько минут, так что я опустился на колено рядом с Ван Дайком и осмотрел его, надеясь как-то помочь, но он давно умер.

Я надел шлем. Лампочка над дверью позеленела: Берлинг с Пиковером вышли и сейчас скорее всего спускались по трапу. Им не нужно было ни есть, ни пить, и они могли месяцами обходиться без подзарядки; я подозревал, что Берлинг утащит Рори в марсианскую глушь. Конечно, в

Рори до сих пор оставался чип, о котором Берлинг не знал. Но лучше остановить их на открытой местности, чем потом выцарапывать из укрытия, где можно обороняться.

Я проскочил через шлюз так быстро, как только позволяла система, и…

И как бы Мак ни решил задачку по прохождению через шлюз с лосями, получилось у него так себе. Берлинг, удерживающий Рори за череп и руку, уже тащил его по трапу к земле. Один из лосей лежал лицом вниз примерно в двадцати метрах — в него явно выстрелили из прерывателя, — а ещё в сорока метрах стоял сам Мак, держащий второго лося на прицеле.

Глава 34

Простое сопротивление аресту ещё не являлось поводом стрелять на поражение, а Мак, в конце концов, работал непосредственно на Слэпкоффа; во всей Солнечной системе вряд ли нашёлся бы второй человек, так сильно ратующий за права трансферов. Видимо, мёртвый лось напал на него первым.

Сейчас Мак стоял ко мне спиной, направив диск прерывателя на второго лося. Ситуация была тупиковой: лось не двигался, и если Мак не смог бы его заставить, оставалось только убить.

Мы всё ещё находились на одной частоте, да и Рори должен был оставаться на связи — только Стюарт Берлинг, его похититель, не мог услышать мой голос.

— Мак, это Алекс. Я нахожусь в открытом шлюзе «Кэтрин Деннинг». К нам только что ворвался трансфер по имени Стюарт Берлинг, он убил Ван Дайка и взял доктора Пиковера в заложники. Они спускаются по трапу в твоём направлении.

Тишина затянулась, и я успел решить, что рация Мака вышла из строя. Но затем сквозь помехи

— уж не в прерывателе ли дело? — послышался знакомый говор:

— А, Алекс, я видел трансфера, о котором ты говоришь. Я пытался его остановить, но был занят громилами.

— Остался последний, — сказал я.

— Так ты заметил, — ответил Мак. Они с лосём наконец сдвинулись с места, медленно кружа друг вокруг друга; подозреваю, инициатором стал Мак — так он мог повернуться ко мне лицом. Трансфер, которого он держал на мушке, и так уже должен был заметить и меня, и Пиковера с Берлингом. — Один из громил воспользовался случаем и бросился к кораблю, — сообщил Мак. — Погнался за трансфером — Берлингом, так ты сказал? В общем, останавливаться он не собирался, так что пришлось его поджарить.

— Ага. Он, видимо, понял, что Берлингу нужен Ван Дайк. И не ошибся.

Мак с лосём прошли половину круга, так что теперь он стоял ко мне лицом. Берлинг с Пиковером так и застыли посреди трапа.

— Мак, — помолчав, сказал я. — Ты можешь связаться с амбалом?

— Ага, вполне.

— Какая частота?

— Тридцать седьмая.

— Переключаюсь, — сказал я, коснувшись кнопок управления на запястье. Затем: — Так, здоровяк. Говорит Алекс Ломакс. Ты который? Уно или Дос?

Какое-то время он думал — подозреваю, не над ответом, а стоит ли вообще отвечать. Но потом всё же сказал:

— Уно.

— Хорошо, Уно, вот тебе пища для размышлений. Уж прости за плохие новости, но твой Настоящий — настоящий Уиллем Ван Дайк — мёртв.

— Ты за это заплатишь!

— Спокойно. Я его не убивал. Но его больше нет, так что мои тебе соболезнования. Ты сам знаешь, что Треса поджарили у меня на квартире, а Дос валяется вон там, — я указал на него. — Настоящий умер. Клоны тоже. Остался только ты. Это значит, что ты и есть Уиллем Ван Дайк. Согласно делу Дарксен против Хоксворта, согласно законам практически всех стран: первоначального тела нет, остался лишь трансфер. Ты теперь Уиллем Ван Дайк. Нет, детектив Маккрей, конечно, может повесить на тебя парочку мелких дел, и то не факт — ему придётся доказывать, что виноват

лично ты, а не Дос или Трес, а на это уйдёт время. Но даже если ему и удастся, ты теперь потенциально бессмертен; не упусти шанс. Мы все ещё можем уйти отсюда живыми.

Уно стоял ко мне спиной, но теперь обернулся. Мак мог в него выстрелить, но Уно, видимо, достаточно ему доверял. Он явно смотрел на меня — а значит, видел и Пиковера с Берлингом.

Я думал, что если Уно удастся переубедить, он поможет спасти Рори. Вооружённый одним пистолетом, я бы не справился с сильным трансфером, а Мак не мог использовать прерыватель из опасения задеть Пиковера. Но Рори тоже был сильным, и если бы они с Уно совместно напали на Берлинга, тот мог уступить.

С такого расстояния я не видел выражения лица Уно, но подозревал, что он видит моё, а потому постарался добродушно улыбнуться. Кажется, это сработало. Он кивнул — это я разглядел — и медленно поднял руки, сдаваясь.

— Вот и отлично, — сказал я. Берлинг оглядывался на меня с трапа, держа перед собой Рори на манер щита. Я сомневался, что уговорить его отпустить заложника будет настолько же просто, но поднял руку, пальцами показывая новую частоту — два и пять — в надежде, что Берлинг

согласится на переговоры.

Тот склонил голову — видимо, мысленно переключал частоту.

— Ладно, Ломакс, — сказал он. — Я слушаю.

— Мы все хотим уйти отсюда живыми, Стюарт, — начал я. — Подумай, что стоит на кону. Ты в искусственном теле и можешь жить вечно. Ты раздобыл замечательные окаменелости, а найдёшь ещё больше; денег у тебя завались. — Я задумался, стоит ли упоминать Лейси, но потом решил пустить в ход сразу все карты. — Красавица-жена ждёт тебя дома. Какой смысл всё портить?

Я ждал ответа, хоть какого-то подтверждения, что он тоже так думает, но он молчал, а потому я продолжил:

— И тебе не придётся. Если Уно признает, что он настоящий Уиллем Ван Дайк, то Ван Дайк не умрёт, понимаешь? Не будет никакого убийства. Тебе не нужен заложник. Мы можем попросту разойтись. Только…

Моё внимание привлекло движение на периферии. Уно в теле Ослепительного Дона Хатчисона всё ещё держал руки поднятыми, но присел, а затем распрямил мощные ноги и взмыл в ночной воздух. Согнув правую руку, он вскинул вверх

левую, будто передавал мяч, только в руках у него ничего не было. А, так вот оно что; повернувшись вокруг себя, он постепенно начал опускаться — наверняка хотел бы ускориться, но…

Да, он слегка отклонился назад. И прыгнул прямо на Мака. Тот судорожно пытался навести на него прерыватель, но быстро отказался от этой затеи и просто бросился наутёк. Даже в условиях Марса падение на голову ста пятидесяти килограммов могло закончиться плохо.

Приземлившись, Уно согнул колени, принимая на них весь удар. В воздух поднялось облако пыли, на какое-то время скрыв происходящее, но потом Уно вырвался из него и бросился к Маку, который, сгорбившись, бежал прочь. И тут Ослепительный Дон повторил то, что настоящий Дон делал множество раз — он навалился на игрока противника, и Мак упал лицом в песок, прямо на прерыватель; рывком поднявшись, Уно схватил Мака за плечи и отшвырнул в сторону. А потом поднял диск и побежал на меня.

Нет, не совсем. Он мчался к Рори Пиковеру и Стюарту Берлингу.

— Ты убил Настоящего! — крикнул Уно, и в его голосе не было ни капли усталости — только ярость. Я понял, что он тоже переключился на

двадцать пятую частоту: разделявшие нас сорок метров не помешали ему разглядеть знаки, которые я подавал Берлингу.

Расстояние стремительно сокращалось.

— Уно, не надо! — закричал я. — Нет!

Уно немного замедлился, но только для того, чтобы хорошенько рассмотреть прерыватель и понять, что с ним делать. И хотя я по опыту знал, что выключить его не так уж и просто, включался он очень даже легко…

Уно от Берлинга и Пиковера отделяло буквально пятнадцать метров. Теперь уже я прыгнул. Шлюз находился достаточно высоко, но что поделать; пройдя по трапу, я соскочил на землю.

— Берлинг! — закричал я, стоило мне приземлиться. — Отпусти Пиковера. Вернись в шлюз! Там он тебя не достанет!

Берлинг не шевелился.

— Да ради всего святого! — заорал я. — Запрись в корабле!

Но он просто стоял. Ну конечно же, он не мог. Он ни за что бы не вернулся на этот корабль смерти.

Уно остановился. Он держал прерыватель перед собой, ухватившись за ручки.

— Уно, ради бога, отпусти доктора Пиковера! Он не виноват!

Но Уно было плевать. Видимо, он нажал сразу на две кнопки, потому что Берлинг и Рори вдруг замерли, а потом затряслись в судорогах, и…

Господи! Берлинг всё ещё держал Рори за голову, и рука его сжалась.

Высокочастотный вой прерывателя тонул в разреженном воздухе, но действие его было заметно невооружённым глазом. Оба трансфера бились в конвульсиях, словно сквозь них пропустили сильнейший ток.

— Стой! — заорал я.

— Стой! — вторил мне Мак.

Но Уно не отпускал прерыватель, трансферы тряслись, а Рори…

Его лоб прогибался под пальцами Берлинга, будто широкополосных частот ему было мало.

— Ради бога! — крикнул я.

Уно явно не знал, как отключить прерыватель, но он направил его в сторону, отвернувшись от Берлинга с Рори всем телом. Их перестало трясти. Завалившись на бок, парализованный Берлинг рухнул с трапа. Он с тихим стуком приземлился у моих ног, подняв облако пыли. Рори упал частично раздавленной головой вперёд и заскользил вниз.

— Зачем было его убивать! — крикнул я. — За-

чем было трогать доктора Пиковера!

— Это был не доктор Пиковер, — с бескрайним спокойствием отозвался Уно. — Просто пустышка. — Затем он вытянул руки, постепенно поворачивая диск вдоль оси, и добавил: — Я тоже пустышка. Без Настоящего в моём существовании нет смысла. — И он направил излучатель Ослепительному Дону Хатчисону в лицо. Громадное тело забилось в конвульсиях, мёртвой хваткой вцепившись в диск. Мы с Маком бросились к нему с разных сторон. Ещё двадцать секунд он трясся на месте — а потом медленно повалился назад, содрогаясь в падении, пока не рухнул на спину с поднятым над головой прерывателем.

Подбежав, Мак дёрнул за выключатель, и в одно мгновение всё было кончено.

Глава 35

Я медленно подошёл к Маку, и какое-то время мы стояли в молчании: два измождённых человека из плоти и крови в скафандрах среди четырёх мёртвых трансферов, лежащих на марсианском песке в простой одежде.

Какое-то время спустя в герметичном фургоне прибыло подкрепление в виде Хаксли, Каур и ещё одного полицейского. Мак коротко переговорил с ними, и они отправились фотографировать тела, снимать показания сканеров и проводить всевозможные замеры. Пока они занимались своими делами, мы с Маком поднялись на «Кэтрин Деннинг», и я отвёл его к трупу Ван Дайка.

Говорить было не о чем, и мы с Маком молчали. Я оставил его на корабле со сканером, а сам медленно спустился по трапу. Всё действо разворачивалось у южного шлюза, но у меня ещё оставался воздух в баллонах, и я решил прогуляться до западного — просто чтобы проветрить голову и избежать встречи с людьми.

До шлюза было чуть больше трёх километров, и я побрёл вдоль купола, поднимая за собой клубы

пыли, как персонаж старого мультика. Примерно через километр я решил снова набрать Рэйко Такахаси, и в этот раз, к моему облегчению, на запястье высветилось её прелестное личико.

— Ну как ты? — спросил я в гарнитуру шлема.

Её волосы с рыжими прядками растрепались.

— Вымоталась, — сказала она. — Боже, мне было так страшно.

— Но сейчас всё в порядке?

Она кивнула.

— Как мистер Пиковер? Вы его нашли?

Она и так уже достаточно настрадалась; потом расскажу ей, что Рори погиб.

— Он сейчас с детективом Маккреем.

— О, хорошо.

— Рори сказал, что помог тебе убежать.

— Да, он отвлёк их, замечательный человечек. Завопил «Боже, храни короля» во всю мощь лёгких… ну, в общем, как можно громче. Громилы безумно перепугались, и я успела сбежать. — Она помолчала. — Если увидишь его, поблагодаришь от меня?

— Конечно.

— Спасибо. Я до сих пор в шоке. Наверное, приму лекарство и лягу спать.

— Понимаю. Но ты уж скажи Фернандесу, что с

тобой всё в порядке, ладно? Он тоже волнуется.

— Я ему сейчас позвоню, — сказала она и сбросила звонок.

Я побрёл дальше. Тень, падающая справа, брела рядом. Тишина оглушала.

Мне искренне нравился Рори Пиковер, каким бы странным малым он ни был. Он обладал редким для Марса качеством: беззаветной преданностью делу, а не личной выгоде.

Купол тянулся по правую руку. Я шёл метрах в тридцати от него: не горел особым желанием встретиться с кем-нибудь взглядом. Земля висела над горизонтом, такая голубая, такая яркая. Телефон подсказал бы, какое полушарие смотрело сейчас на Марс, но я не стал спрашивать. Пусть будет то, где осталась Ванда. И хотя я не знал наверняка, но надеялся, что у неё там тоже ночь. Что она глядит вверх, на красную планету на небосводе. И, невзирая на миллионы разделяющих нас километров, думает обо мне.

Я шёл и шёл. Впервые за многие марсогоды на плечи давила тяжесть.

Когда у тебя убивают клиента, нельзя оставлять это без внимания. Неважно, каким он был человеком. В первую очередь он был клиентом, и ты обязан это учесть. Так уж получилось, что

я работал детективом. А когда убивают клиента детектива и убийца остаётся безнаказанным, это плохо вдвойне — кто угодно так скажет.

Конечно, в этот раз убийца безнаказанным не остался. Уно был мёртв. Но Пиковер пришёл ко мне за защитой, а я оплошал.

Теперь никто не оплатит мне эту работу, но это неважно. И дальше мне некому будет выставить счёт. Но Рори хотел разыскать окаменелости, проданные Вайнгартеном и О'Райли — да и Ван Дайком наверняка, — не ради выгоды, не из желания набить собственные карманы, а чтобы сохранить их: и для науки, и для потомков, и для всего человечества; во веки веков.

Наверняка другие палеонтологи смогли бы продолжить его работу, если бы я отследил те окаменелости. Может, среди них даже нашёлся бы неизвестный доселе вид. Может, этот вид согласились бы назвать пиковерией.

Добравшись до западного шлюза, я сдал служебный скафандр. Мой офис располагался неподалёку, и я решил заглянуть туда. Поднявшись на второй этаж, прошёл по коридору, а в кабинете сразу же направился к раковине у бара. Сполоснул лицо, помыл руки, а затем рухнул в кресло.

Несколько минут я сидел, размышляя, а потом

включил компьютер и позвонил Хуану Сантосу. На экране появились широкий лоб и покатый подбородок.

— Ну ты и намотал километров на багги, — произнёс он.

Я насилу собрался с духом.

— Растряс немного. Ничего, ему только на пользу. Нечего простаивать.

— Хоть бы на бензин дал.

— Он не бензиновый.

— Какая разница.

— Слушай, — сказал я, — радуйся, что я его в идеальном состоянии вернул.

— Это я просто ещё не нашёл повреждений. Неудивительно, учитывая, что он был весь в грязи.

— Обижаешь, Хуан.

— Это ещё что. Вот найду бейсбольную биту — так тебя обижу…

Мы могли препираться часами, но сейчас не было настроения.

— Слушай, — сказал я, — я тут наткнулся на компьютер, которому почти сорок лет. Только для доступа к файлам он требует голосовой пароль от людей, которых давно нет в живых. Поможешь?

— Ты знаешь модель или марку?

— Нет, но он установлен на посадочной ступе-

ни марсианского корабля.

— Это ж как давно было?

Рано или поздно он всё равно бы узнал.

— Это компьютер с последнего корабля Вайнгартена и О'Райли.

— И ты его отыскал?

— Не только его.

— Что, весь корабль?

— Ага. Посадочную ступень.

— Где она?

— На верфи. Сможешь подъехать?

— Лады.

— Через полчаса нормально?

— Хм, да. Ага, хорошо.

— Спасибо, — сказал я и сбросил звонок. Достав из сейфа запасной пистолет, я взял его в дополнение к обычному револьверу и направился к остановке трамвая. Меня не покидало ощущение, что проблемы на сегодня ещё не закончились, а раз уж Хуан согласился помочь, пусть будет вооружён.

Я заскочил в подъехавший трамвай, а потом пересел на другой у «Амстердама» — модного спортзала, где занимались люди побогаче моей привычной компании, — и добрался до ближайшей к верфи остановки. Там я первым делом

направился к лачуге начальницы, но Берты на месте не оказалось. Зато я без труда обнаружил заляпанную грязью посадочную ступень, вертикально стоящую на трёх ножках. Я пошёл к ней.

Одна из опор вела к двери шлюза, и в неё была встроена лестница. Поднявшись, я прошёл через шлюз.

— С возвращением, — стоило мне войти, поприветствовал Мадж. — Чем могу быть полезен?

— Ты уже менял настройки, когда нужно было открыть двери шлюза одновременно, — сказал я. — Включи их снова, пожалуйста.

— Готово.

Снаружи донёсся голос, зовущий меня по имени. Я вернулся к шлюзу и заметил Хуана Сантоса, бродящего среди кораблей.

— Сюда! — крикнул я через открытую дверь и помахал рукой.

Он увидел меня, подбежал с типичной марсианской прытью и вскарабкался по ступенькам. Я подвинулся; Хуан, пройдя внутрь, положил руки на бёдра и оглядел круглое помещение.

— Прямо живая история.

— Или запретная территория.

— Оставь поэзию прекрасной Диане, — сказал Хуан. Он с задумчивой тоской поглядел в пустоту,

вспомнив любимую официантку, но через мгновение сощурился. — Компьютер до сих пор жив?

— Да, — ответил Мадж. — Чем могу быть полезен?

Сцепив пальцы в замок, Хуан потянулся, хрустя костяшками.

— Ладно, — сказал он. — Слушай внимательно. Всё, что я говорю, — ложь. — Он немного подождал, а затем: — Я лгу.

— Я вас умоляю, — ответил Мадж.

Хуан посмотрел на меня и добродушно пожал плечами.

— Попытка не пытка. Где терминал?

— Вон там, — сказал я, указав на нужный отсек. Хуан ушёл, а я снял телефон и положил его объективом к нему, чтобы не спускать глаз. Весь смысл моего возвращения заключался в том, чтобы выведать у Маджа главную тайну: точную карту местности между Альфой и Нью-Клондайком, и я не собирался отдавать Хуану эту информацию ради наживы. Конечно, вряд ли тот рассчитывал, что мы с Маджем знаем про Альфу; обломки второго корабля Вайнгартена и О'Райли обнаружили в четырёхугольнике Эолиды — наверняка он решил, что и этот модуль они забросили куда подальше.

Я поднялся по внутренней лестнице: хотел осмотреть тело О'Райли на предмет насильственной смерти. Но в комнате, где мы его оставили, трупа не оказалось. С другой стороны, корабль успел выползти из ямы, завалиться на бок, покрутиться на месте, перелететь половину равнины Исиды, несколько раз сменить вертикальное положение на горизонтальное и наоборот, а потом его и вовсе затащил сюда трактор. Да уж, наверняка один из богатейших людей планеты даже подумать не мог, что в будущем его тело будут швырять по салону, как тряпичную куклу.

— Мадж, — окликнул я, — а что случилось с Денни О'Райли?

— Переедание и недостаток физической активности.

— Нет, где его тело?

— В комнате справа.

Я прошёл в нужный отсек, и…

Как странно. Да, Денни О'Райли действительно лежал на полу, раскинув руки, но рядом с ним стоял распахнутый шкаф. Когда я уходил в прошлый раз, дверцы были закрыты. Наверное, они могли открыться во время полёта, но…

Я прошёл в следующий отсек. Шкафы здесь тоже стояли нараспашку. И не только здесь, но и во

всех отсеках, куда бы я ни заглядывал. Сомнений не было: корабль обыскали.

— Алекс? — позвал Хуан снизу.

Я спустился по лестнице и пошёл к нему в командный отсек.

Когда я встал рядом, Хуан повернулся в кресле.

— Я его разблокировал.

— Уже?

— Ну да. Ты же сам сказал, компу сорок лет. Системы безопасности обычно взламывают за пару недель после выпуска. Спрашивай, что тебе нужно.

Спрашивать про Альфу при нём я точно не собирался.

— Мадж, — сказал я, — пока меня не было, корабль обыскали. Помимо доктора Пиковера сюда кто-нибудь заходил?

— Кто такой доктор Пиковер? — спросил компьютер.

— Рори. Он тебя пилотировал.

— Да. После прибытия на верфь на борт поднималась посторонняя личность.

— Кто?

— Не знаю.

— Простой человек или трансфер?

— Эти термины мне не знакомы. — Чёрт, и

правда. В его годы на трансфер могли раскошелиться только самые безумные богачи.

— Женщина или мужчина?

— Женщина.

— Возраст?

— Двадцать восемь — двадцать девять лет.

— Кожа?

— Смуглая.

— Глаза?

— Карие.

— Волосы?

— Каштановые.

— Прямые или кудрявые?

— Прямые.

Я подумал спросить, была ли она сексапильной, но сомневался, что у Маджа найдётся мнение на этот счёт. Конечно, под его описание подходила сотня-другая женщин, живущих на Марсе, но я был готов поспорить, что речь идёт про Лакшми Чаттерджи.

— Эта женщина была одна? — спросил я.

— Да, — ответил Мадж.

— Она ни с кем не разговаривала? Может, по телефону?

— Разговаривала.

— С кем?

— Не знаю, я не слышал.

— Что она говорила?

— Она сказала: «Алло». Потом замолчала. Потом сказала: «Конечно». Потом замолчала. Потом…

— Она говорила что-нибудь важное?

— Я не знаю, что вы считаете важным.

— Перечисли все имена и названия, которые она упоминала.

— В порядке употребления: Дом Шопацкого, Даррен Чун, Персеида, равнина Исиды, Дирк, Ломакс, Марс…

— Погоди. Что там было про Ломакса?

— «Раз мы не можем убрать Ломакса, нужно перестраховаться».

— Воспроизведи разговор с того момента.

— Она замолчала. Потом сказала: «Нет, Дирк видел их в «Гнутом зубиле». Они явно вместе, а у неё как раз скоро назначена встреча. Очень удачно». Потом она замолчала. Потом…

— Стой. — Я посмотрел на экран телефона. Часы показывали 14:08, а встреча у Дианы была запланирована на два. Пульс участился. — Хуан, пойдём отсюда. Диана в опасности.

Глава 36

Хуан Сантос посмотрел на меня, соображая.

— Диана? — спросил он. — Моя Диана?

— Да, да, — ответил я. — Она в Доме Шопацкого. — Я вышел на улицу через открытый шлюз и быстро спустился по лестнице; Хуан последовал за мной. Уже внизу я выругался. — На трамвае мы туда сто лет добираться будем.

— Значит, поедем не на трамвае, — сказал Хуан. — Возьмём мой марсоход.

— Пока мы до него дойдём, только больше времени потеряем.

— Потеряли бы, если бы я не затащил его под купол на помывку — я такой грязи ещё не видел. — Помыть багги вне купола невозможно: для ультразвуковой очистки воздух был слишком разрежён, вода выкипала из-за низкого давления, а вездесущая пыль всё равно сразу же на всё налипала. — Я отвёз его в автомойку у южного шлюза, — продолжил Хуан. Южный шлюз находился в противоположном направлении от Дома Шопацкого, но дорога на багги действительно заняла бы куда меньше времени, чем на трамвае.

Я подумал позвонить в полицию, но мне не хотелось повторения ситуации у «Кэтрин Деннинг».

Мы побежали к парковке, где стоял багги; белый кузов сверкал чистотой, а на зелёных полосках не осталось ни пятнышка. Хуан полез было на водительское сиденье, но я остановил его.

— Я поведу.

Он нахмурился, но обошёл марсоход и сел с другой стороны. Он понимал, что я уже был в Доме Шопацкого.

Я вдавил педаль в пол. Плохая аэродинамика не мешала багги на поверхности Марса, но здесь я чувствовал давление ветра на квадратную крышу кабины. Но ехали мы всё равно быстро и вскоре догнали тот самый антигравитационный трамвай, на который бы сели. Я выскочил вперёд; будь у трамвая водитель, он наверняка продемонстрировал бы мне средний палец, но управляющий им компьютер отреагировал на манёвр спокойно.

Когда я вывернул перед трамваем, впереди показался пешеход, переходящий дорогу. На скорости разглядеть его было трудно, но на трансфера вроде не похож — то есть я мог убить его, а не просто сбить с ног. Я врезал ладонью по центру руля, и…

Мать твою!

От сигнала у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Видимо, не стоило использовать в нормальном воздухе клаксон, предназначенный для разрежённой атмосферы. Пешеход подпрыгнул на добрых полтора метра вверх.

— Простите! — крикнул ему Хуан. — Извините!

Мы помчались дальше, к центру купола, который постепенно становился всё выше и выше.

— Остановитесь! Полиция!

Кричал полицейский в синей форме. Я пропустил его слова мимо ушей; что бы он сделал, пустился в погоню пешком?

Но через квартал нас заметил другой полицейский. Вот почему, когда копы нужны, их днём с огнём не сыщешь, а как нет, так они на каждом углу? Этот, в отличие от первого, решил проявить характер. Он выскочил на дорогу и встал, расставив ноги, на нашем пути. В вытянутых руках он держал пистолет; я, врезав по гудку, резко развернулся и рванул на Третье кольцо. Полицейский так и не выстрелил — не хотел небось потом оформлять бумажки, — а если и крикнул что-то нам вслед, я не расслышал его за рёвом клаксона.

Ближе к центру кривизна концентрических до-

рог становилась особо заметна, и мне пришлось накренить багги так сильно, что левые колёса слегка оторвались от земли. Впереди снова показался переход, и я запетлял, пытаясь разминуться с людьми — иногда на считаные сантиметры.

Мы проехали мимо «Нового Ты». Я хотел заглянуть в окна, но они бликовали, а мы двигались слишком быстро. Пролетев поворот, мы вырвались на Третью авеню, вновь направившись к краю купола. Откуда-то выскочила собака — настоящий марсоход, ей-богу, здесь их было немного, — и помчалась за нами. Даже мы, двуногие, бегали быстро, а четвероногие и вовсе носились как ветер. Скорости летящего за нами лабрадора позавидовал бы любой гепард…

— Сукин ты сын! — заорал я — весьма метко, пожалуй. Чёртова тварь запрыгнула на короткий капот багги, перегородив мне обзор.

— Притормози! — завопил Хуан.

Я бросил на него взгляд. На лице Хуана читался ужас; даже не знаю, переживал он за багги или за свою жизнь. Собака яростно тявкала, но явно наслаждалась поездкой. Я вытянул шею, пытаясь разглядеть дорогу. Мы на что-то наехали — то ли на мелкую кочку, то ли на кучу мусора, — и багги подпрыгнул, а Хуан завыл собаке под стать.

Эта улица меня не устраивала, так что на ближайшем перекрёстке я резко свернул налево, но выскочил прямо перед трамваем. Я врезал по тормозам. Марсоход закрутило. Собака решила, что пора слезать, и быстренько спрыгнула. Меня вдавило в Хуана так плотно, что после такого впору было на нём жениться. Когда багги всё же остановился, его нос смотрел не туда. Быстро развернувшись, я направился к Дому Шопацкого. Больше никаких препятствий не наблюдалось, и остаток пути мы проехали с ветерком. Эх, дороги! Не хватало только хороших колонок и погромче врубить классический рок годов этак 2040-х.

Остановив багги прямо посреди заросшего папоротником двора, я откинул крышу. Мы с Хуаном выпрыгнули и помчались к зданию, за шаг перескакивая по три метра. Я не стал глушить движок — возможно, уходить тоже придётся в спешке.

Я подумал вышибить дверь ногой, но это было не так-то и просто, а сломанная лодыжка доставила бы мне куда больше проблем, чем тому же Пиковеру. Да и смысла в этом особого не было. Если Лакшми была так занята своими подпольными делишками, вряд ли у неё нашлось время заменить снятое мной стекло.

Отдав Хуану запасной пистолет, я достал свой и обогнул дом. Напарник из Хуана был так себе — худой и с типичной для Марса дряблой мускулатурой, — но выбирать не приходилось. Я жестом показал ему не высовываться; пусть Лакшми считает, что я один.

Под куполом не бывало ни дождя, ни ветра; окна в первую очередь служили защитой от отморозков, но Дом Шопацкого стоял у самого купола, так что никто бы не догадался его проверить. Пригнувшись, я подобрался к окну. Прислушался, надеясь по разговорам оценить ситуацию — или «смотри, вот тут для рифмы нужно поставить ударение на предпоследний слог», или «сейчас ты умрёшь, но сначала я в подробностях расскажу свой план по захвату планеты», — но не услышал ровным счётом ничего, а потому приподнялся и заглянул в проём пустого окна.

После потасовки Лакшми чуть-чуть прибралась, но без фанатизма. Убрав пистолет, я перелез через подоконник и достал его снова. А когда вышел из кабинета в гостиную, то увидел Диану. Она сидела на зелёном диване с безмятежной улыбкой на круглом лице и смотрела в пустоту широко распахнутыми карими глазами. Со вкусом накрашенная и причёсанная, она выглядела

просто прекрасно — если не считать пулевого отверстия прямо посередине лба.

Глава 37

Сердце подпрыгнуло, а в глазах защипало. Я сделал шаг к телу Дианы, но тут раздался голос Лакшми:

— Замри.

Я застыл, подрагивая от ярости.

— Брось пистолет, — сказала Лакшми.

Не факт, что у самой Лакшми было оружие, но, судя по дыре во лбу Дианы, кто-то тут точно ходил с пистолетом. Я выпустил из рук смит-вессон, и тот мягко свалился на пол.

— Чёрт, — прошипел я. — Зачем ты её убила?

— Она была мертва, когда я пришла, — сказала Лакшми.

— Да ладно.

— Она была мертва, когда я пришла, — повторила Лакшми. — Я за это не сяду.

— И как же она вошла, раз тебя не было? — поинтересовался я.

— Как и ты, полагаю. Через окно.

— Ты меня не обманешь, — сказал я. — И полицию тоже.

— Персеида? — окликнула Лакшми.

Но компьютер Дома Шопацкого не ответил. За спиной послышались шаги Лакшми. Кажется, она заглянула в комнату со старинным столом.

— Персеиду забрали, — сказала она.

— Как удобно, — ответил я. — Никаких записей не осталось. Но тебе это с рук не сойдёт.

— Я в неё не стреляла, — повторила Лакшми. — Она умерла до того, как я вернулась.

— Бреши больше! — бросил я. — У неё была назначена встреча!

— А я на неё опаздывала. Она влезла через окно, о котором ты сам ей и рассказал, иначе откуда бы она про него знала? Видимо, тогда она и наткнулась на другого грабителя, который забрался тем же путём — наверняка искал дневник Денни О'Райли. Она спугнула его своим появлением, вот и получила.

— Чудесная история, сестрица. Жаль, не слишком правдоподобная.

— Мистер Ломакс, — резко сказала она. — Я профессиональная писательница. Все мои сюжеты правдоподобны.

— Можно повернуться? — спросил я.

— Поворачивайся.

Я так и сделал. Она была одета в красные брюки и облегающий серебристый топ с небольшим

декольте. Револьвер у неё все же был — моррелл двадцать восьмого калибра, кажущийся непривычно большим в изящных руках. Хотя, может, любая пушка покажется большой, когда смотришь ей в дуло.

— Может, стоит просто тебя пристрелить, — сказала она. — Один раз ты уже вломился ко мне, а теперь снова вернулся.

— Я бы не советовал, — раздался из-за её спины спокойный голос Хуана. — И вообще, брось пистолет, будь любезна.

Видимо, он не слышал, о чём мы говорили до этого. В его тоне чувствовалось волнение, но не было ярости, которую он не смог бы сдержать, узнав о Диане.

Надо отдать Лакшми должное: нервы у неё были стальными.

— Уж не знаю, кто ты такой, — сказала она, не сводя с меня взгляда, — но даже если ты выстрелишь, я убью Ломакса раньше.

Всё это было для Хуана в новинку — разумеется, стрелять нужно без предупреждения. Ну что ж, я сам привёл с собой дилетанта. Я вообще сомневался, что он сможет выстрелить в Лакшми — если его, конечно, не подтолкнуть.

— Мы все ещё можем разойтись мирно, —

сказал я. За годы работы я неплохо научился просчитывать линию видимости. Мы стояли довольно ровным рядком: Хуан в комнате без окна, Лакшми в дверном проёме, потом я, а позади меня — труп Дианы, не видный Хуану под этим углом.

Я продолжил:

— Ну, почти все. — Я обращался к Лакшми, но смотрел на Хуана. — Диана была замечательным человеком, Лакшми. Ты не имела права её убивать.

Это подействовало. Спокойствие Хуана сменилось яростью. В момент, когда он нажал на спусковой крючок, я бросился на пол — существовал большой шанс, что пуля пробьёт Лакшми насквозь и заденет меня. Лакшми тоже выстрелила, но я уже нырнул вниз, и пуля попала в обшивку дивана рядом с Дианой. Пуля Хуана застряла в Лакшми — оно и к лучшему; бедняга и так был не из сильных духом, и его бы замучила совесть, попади он в Диану, пусть та и мертва.

Лакшми, однако, пока держалась. Стрелок из Хуана был так себе: он попал писательнице в плечо. Пользуясь её замешательством, я успел вскочить, подобрать свой пистолет и выхватить у неё моррелл. Затем я повалил её на пол, а сам встал сверху, направив дуло прямо между гру-

дей.

Хуан бросился к Диане в отчаянной надежде найти её раненой, но не мёртвой. До меня донеслись его слабые возгласы.

У Лакшми начался болевой шок. Если я хотел получить от неё хоть какую-то информацию, нужно было поторопиться.

— Держись, милая.

Но нет; её глаза закатились.

Я не собирался без необходимости долго возиться с Лакшми — я не желал ей смерти, просто не хотел потом оправдываться перед полицией, не говоря уж об организаторах, которые прислали её на Марс. Она могла разыгрывать шок, но растекающаяся лужа крови говорила об обратном. Я засунул револьвер Лакшми за пояс, а потом поискал, чем бы её связать. Всегда можно было выдернуть ремень, но за время расследования я и так уже достаточно набегался голым; не хватало ещё оказаться среди погони со сваливающимися штанами.

Хуан всё ещё стоял на коленях перед Дианой, будто не мог поверить, что она мертва.

— Прикрой меня, — сказал я. Он и сам был немного в шоке, но кивнул, встал и поднял пистолет. Я заметил, что он целится не в Лакшми, а

в некую точку где-то в полуметре от неё; новичкам вроде Хуана всегда было сложно повторно спустить курок, когда они вживую видели последствия своего выстрела.

Я заглянул в другую комнату и обнаружил в шкафу белый махровый халат. Вытащив пояс, я вернулся в гостиную и связал Лакшми запястья. Ткань впитала натёкшую кровь, окрасившись в алый.

И тут, как часто бывает, вмешалась судьба. В дверь позвонили. На стене гостиной высветилось изображение с камеры безопасности. На крыльце стоял не кто иной, как Хаксли — бравый сержант нью-клондайкской полиции.

Глава 38

Я поманил Хуана за собой, и мы поспешили прочь из Дома Шопацкого. В дверь вновь позвонили. Сначала я решил, что в полиции догадались о причастности Лакшми, но потом до меня дошло, что Хаксли попросту расследовал нашу увеселительную поездку на марсоходе, который до сих пор стоял на поросшей папоротниками лужайке.

У меня не было времени на полицию. Да, Лакшми требовалась медицинская помощь, но даже у Хакса хватило бы ума обойти дом, заметить отсутствующее окно и полезть разбираться.

Мы с Хуаном прошли вдоль купола, касаясь прохладного аллокварца. Я понимал, что прозрачная стена на самом деле изгибается, но отсюда она казалась совершенно плоской.

— Бедная моя Диана, — то и дело дрожащим голосом повторял Хуан.

Мы прошли где-то сто метров. За куполом по правую руку виднелись скалы, возвышающиеся на фоне коричнево-жёлтого неба. Вдалеке на небольшой скорости проехала парочка багги.

Слева от нас стоял склад с потрескавшимися

стенами и парой заколоченных окон. Несмотря на виды бескрайних марсианских равнин, аренда земли возле купола была довольно дешёвой — те, кто мог себе это позволить, предпочитали жить ближе к центру и не видеть неизменного однообразия мира, полного несбывшихся мечт.

— Пойдём, — сказал я, махнув Хуану рукой. Миновав склад, мы вышли на радиальную улицу.

Раздался гудок — не такой громкий, как у марсохода, но всё равно резкий; мы выскочили прямо перед трамваем.

— Давай быстрее! — сказал я.

Мы побежали к остановке неподалёку, попутно обогнав ещё нескольких человек: угрюмого старателя средних лет, тащившего тележку с одними лишь инструментами, молодую девчонку, которая агрессивно на меня покосилась, но потом решила не возникать, и женщину лет тридцати, с виду похожую на банкиршу или адвокатшу: встреча с подобными обычно сулила мне неприятности.

Мы сели в трамвай. Среди пассажиров было пятеро обычных людей и женщина-трансфер. Люди уткнулись в телефоны; трансфер пялилась в пустоту — подозреваю, смотрела какой-нибудь фильм, никому больше не видный. Я давно взял

за правило не садиться в трамваях. Хуан тоже знал, что сиденья здесь грязные, но всё равно потрясённо присел. За окном промелькнула клиника Уиндермира.

На нужной остановке я кое-как вытащил едва реагирующего Хуана на улицу. Мы пересели на другой трамвай, а когда добрались до верфи, я тронул его за плечо. Он встал, и мы вышли. Хуан дрожал; видок у него был паршивый.

— Отдышись, — сказал я. — Если будет тошнить, гальюн там. — Я указал на пристройку за лачугой Берты. — Подходи, когда успокоишься.

Он кивнул и побрёл к сортиру, а я поспешил к посадочному модулю и забрался на борт корабля.

— Я могу быть чем-то полезен? — тут же спросил Мадж.

— Да, — ответил я. — Можешь.

— Чем я могу вам помочь? — крайне довольно поинтересовался компьютер.

— После моего ухода кто-нибудь приходил?

— Нет.

— Хорошо. Тогда давай по порядку: ты прилетел сюда с Альфы.

— Да.

— Значит, дорогу назад тоже знаешь.

— Конечно.

— Отобрази координаты в письменном виде, пожалуйста.

— Это закрытая информация.

— Была закрытой, стала открытой.

— Ну и ну, — сказал Мадж. — Вот так неожиданность.

Вдоль изогнутой внешней стены в ряд стояли четыре монитора. На левом высветился чёрный текст на бледно-зелёном фоне. Был бы Мадж поновее, я бы попросил переслать координаты, но у меня не было времени разбираться с допотопными технологиями. Достав планшет, я просто сфотографировал экран, убедился, что фотография получилась разборчивой, а потом убрал его обратно в карман.

— Хорошо, — сказал я. — А теперь сотри эту информацию без возможности восстановления.

— Вы уверены?

— Да. Стирай. Используй самый надёжный метод.

— Готово.

Я выдохнул.

— Отлично. Теперь вернёмся к другому вопросу. Денни О'Райли остался на Марсе. Так?

— Да, — сказал Мадж.

— Саймон Вайнгартен улетел без него. Так?

— Да.

— Нарочно?

— Всё верно.

— Сколько О'Райли после этого продержался?

— Он отключил меня для экономии энергии через семь дней. Мне неизвестно, сколько он после этого прожил.

— Почему Вайнгартен бросил О'Райли?

Я прислонился спиной к стене. На мой взгляд, ответ был вполне прозаичен: «Он хотел забрать его долю». Но Мадж сумел меня удивить.

— Саймон с Денни дружили, но между ними случился разлад.

— Дружили? — повторил я.

— Да.

Я быстренько вышел в центральное помещение нижнего этажа и огляделся; второй спальни действительно не было.

— Что случилось? — спросил я.

— Денни обещал уйти от жены, но Саймон узнал, что на Земле у него осталась любовница с маленьким сыном и по возвращении он собирался жить с ней.

— Как её звали? — спросил я.

— Кацуко Такахаси.

Я кивнул. Бабушка Рэйко.

— Почему О'Райли не настучал на Вайнгартена? — спросил я. — Достаточно было связаться с Землёй и сказать, что он его бросил.

— Передача радиосигналов на Землю — сложный процесс, — сказал Мадж, — за который отвечает бортовой компьютер, то есть я. Перед отлётом Саймон заблокировал возможность передачи подобных сообщений от Денни.

— Ты знал, что взлётная ступень сгорела при входе в земную атмосферу?

— Нет, — ответил Мадж. — Но это объясняет, почему я не мог связаться с Карри.

— С кем?

— Аналогичным компьютером на борту взлётной ступени.

— Саймон Вайнгартен сгорел вместе с ним, — сказал я.

— Принято к сведению, — бесстрастно ответил компьютер.

Я вдруг кое-что вспомнил.

— Мадж, это ты переслал дневник Денни О'Райли на Землю?

— Да.

— Когда?

— За три часа до отлёта Саймона.

— Значит, Денни знал, что остаётся на Марсе?

— Полагаю, что нет.

— Тогда какой смысл пересылать дневник?

— Космические путешествия подразумевают определённые риски. Всегда есть вероятность погибнуть в пути. К тому же Денни намеревался провести путешествие в гибернации. Он боялся заснуть и больше не проснуться.

— Кому ты отправил дневник?

— Кацуко Такахаси. Только у неё был ключ шифрования.

— И больше… — Я остановился и обернулся. В шлюз прошёл Хуан, уже не такой бледный. Он кивнул мне, но ничего не сказал. Я вновь обратился к Маджу: — И больше О'Райли никому ничего не посылал?

— Нет.

— Даже жене?

— Нет.

— У тебя сохранилась копия?

— Нет. Денни приказал стереть дневник после отправки. Он понимал, что посадочную ступень могут найти.

Я обернулся к Хуану:

— Не сможешь восстановить?

— Какой протокол ты использовал, Мадж? —

спросил Хуан.

— Бластрон 2.2b, — ответил компьютер.

Хуан помотал головой.

— Без вариантов.

Значит, в кармане у меня лежал единственный и неповторимый оригинал. Который принадлежал, конечно же, Рэйко Такахаси, моей клиентке. Я был обязан его вернуть — но никто не запрещал мне снять копию.

Телефон заиграл «Госпожу Удачу» из мюзикла «Парни и куколки». На экранчике появилось веснушчатое лицо Дугала Маккрея — видимо, сигнал прошёл через открытую дверь шлюза. Удивительно, что он так долго тянул; Хаксли наверняка давно доложил о подстреленной Лакшми Чаттерджи, не говоря уж о теле Дианы. Я принял вызов.

— Привет, Мак.

— А, Алекс, — ответил тот. — Просто звоню узнать, как ты там. Держишься?

Я постарался скрыть удивление.

— Ну, насколько могу.

— Мы забрали Пиковера в участок, и остальных трансферов тоже. — Он помолчал. — Мне жаль, что так вышло, Алекс.

— И мне. — Я воззрился на него, но продолжения не последовало. — Кхм, Мак, а сержант

Хаксли тебе не звонил?

— Когда?

— Где-то за последний час?

— Нет. Он пошёл домой, как мы разобрались с «Кэтрин Деннинг». Смена закончилась.

— А, — сказал я. — Слушай, а он поэзией или писательством, случаем, не увлекается?

Макс рассмеялся:

— Хаксли? Упаси Господь. Не удивлюсь, если он и читать не читает.

— Понятно, — сказал я.

Но Мак сощурился.

— А что?

— Ничего. Спасибо, что позвонил. — И я отключился.

Клиника Уиндермира стояла недалеко от Дома Шопацкого; я решил, что терять нечего, и позвонил туда. Трубку взяла Глория, очаровательная обладательница розовых волос.

— Привет, детка, — сказал я. — Звоню узнать, как там дела у Лакшми Чаттерджи. Её подстрелили в плечо, неприятная штука. Она ещё у вас?

Бинго!

— Ну привет, красавчик, — ответила Глория с придыханием. — Не думала, что вы знакомы. Знала бы — может, стерилизовала бы скальпель.

— Как она?

— Уже ушла, но мы её подлатали.

— Всё ещё в шоке?

— А, мы привели её в чувства. Она в полном порядке.

— Спасибо. А мужчина, который её привёз, случайно, не с вами?

— Нет. Нет, он даже не стал её дожидаться, сразу ушёл. Сказал, у него есть дела.

— Спасибо, ангел. — Я тряхнул рукой, и экран погас.

— Алекс? — спросил Хуан, посмотрев на меня. Точно, он ведь всё слышал.

— Похоже, у Лакшми есть друзья в полиции. Догадываюсь я, какие у него были дела, — сказал я и замялся: не хотел расстраивать Хуана.

— А? — спросил тот. — Какие?

— Никто не удивится, если полиция недосчитается тела — с ними такое случается, — мягко заметил я. — Подозреваю, Хаксли вернулся, чтобы избавиться от Дианы.

Глава 39

Я не сомневался: Хаксли успеет вывезти тело раньше, чем я доберусь до Дома Шопацкого. А я так устал, что исход внезапного столкновения мог оказаться весьма плачевным. Да, я хотел отомстить, но для этого нужно было выспаться.

Но сон не шёл, ведь эту постель мы делили с Дианой. Я принял мелатонин, который обычно вырубал меня напрочь, но и он не помог. Так что я просто лежал на спине, уставившись в потолок, и смотрел на медленно вращающийся вентилятор.

Внутри всё бурлило, мысли носились в голове — странное ощущение; как будто проснулась совесть. Если бы я не отправил Диану к Лакшми, она бы осталась жива. Работала бы себе в баре, писала бы стихи, смеялась, улыбалась и верила в светлое будущее.

Даже если Хаксли был в доле, даже если он избавился от Дианы, Лакшми Чаттерджи заплатит — уж я позабочусь. А если она не врала (шанс ничтожный, но всё бывает впервые) — я найду виновника и позабочусь, чтобы заплатил он.

Утром я встал, принял душ и как раз завтракал

яичницей с синтезированным беконом, когда зазвонил телефон. Я поглядел на запястье: звонили из «Нового Ты». Я принял вызов, и на экране появился Горацио Фернандес.

— Алекс, я переживаю. Рэйко опоздала на работу на полтора часа, и я решил заглянуть к ней, проведать. Но её нигде нет.

— Она вчера приняла снотворное. Небось дрыхнет без задних ног.

— Нет, нет. Она пропала. Дверь в квартиру выбита, и внутри никого.

— Чёрт! — Я думал, что после смерти Ван Дайка и трёх лосей ей больше ничего не угрожает, но…

Боже. Лакшми Чаттерджи. Я предупреждал сучку не приближаться к Альфе, но она решила, что с моей клиенткой в заложниках ей всё нипочём. В конце концов, один день работы на месторождении обеспечит её до конца жизни; не удивлюсь, если она запрыгнет на «Кэтрин Деннинг» при первой же возможности, прихватив с собой чемодан ископаемых.

— Понял, — сказал я. — Постараюсь её отыскать. — Я попрощался, а потом позвонил Маку, который как раз должен был добраться до участка.

— Доброе утро, Алекс.

— Мак, Рэйко Такахаси снова пропала. Дверь в квартиру выбита. Подозреваю, её вывезли за пределы купола. Можешь проверить? — На поверхность вело всего четыре шлюза; Лакшми не могла их обойти. Я мог оббежать их самостоятельно, но на это ушло бы всё утро, да и охранники не обязаны были брать мои взятки, а от вопросов Мака отвертеться уже не могли.

— Попрошу Хаксли, — сказал Мак.

— Нет! — воскликнул я. Затем уже не так резко: — Не надо. Можешь навести справки сам, Мак? Не в службу, а в дружбу.

— В чём дело, Алекс?

— А, да ты сам знаешь. Мы с Хаксли вечно собачимся.

Мак с сомнением нахмурился.

— Пожалуйста, Мак. Буду должен.

В ожидании новостей я пошёл собираться и как раз завязывал шнурки, когда снова зазвонил телефон.

— Её видели у северной станции, — сказал Мак. — И не одну. С ней была та писательница, мисс Чаттерджи.

— Ясно. А марсоход они, случаем, не арендовали?

— Нет, — ответил Мак. Слава богу; значит, они

не ушли далеко… — Нет, — повторил Мак. — У них был свой. Они приехали на нём к шлюзу.

Вот чёрт.

— Какого цвета?

— Марсоход-то? Господи, Алекс, я не уточнял. Какая разница?

— Никакой. Давно они уехали?

— Вышли из шлюза утром, в пять часов пятьдесят семь минут.

Я проверил время; прошло четыре часа. А то, что творилось за пределами купола, полицию не интересовало.

— Спасибо, Мак. На связи. — Я сбросил звонок. Дом Шопацкого располагался как раз недалеко от северного шлюза, и я был готов поставить последние деньги, что Лакшми вывезла Рэйко на белом багги с изумрудно-зелёными полосами, ведь именно его я так любезно припарковал на лужайке прямо у дома.

Была бы Лакшми одна, я бы, может, ей и не препятствовал. Мы так и не успели разминировать Альфу, и плакать по ней я бы точно не стал. Но Рэйко была моей клиенткой, а я не мог допустить очередной смерти работодателя.

Я набрал ещё один знакомый номер. Видок у Хуана Сантоса был такой, словно он спал даже

меньше моего.

— Слушай, — сказал я, — ты же хакер. Наверняка сможешь вырубить собственный багги дистанционно?

Он зевнул.

— Извини. Да, я как раз об этом думал. Ты же бросил его у Дома Шопацкого? Надо бы его забрать, пожалуй. Эксимерной батареи хватит надолго, но…

— Лакшми его угнала.

— Чёрт, Алекс. У меня нет денег на новый.

— Знаю, знаю. Я его верну. Какой код дистанционного отключения?

Он продиктовал код, и я записал его на телефон.

— Но если хочешь отправить его с телефона, багги должен быть в радиусе ста метров, иначе он его не подхватит, — добавил Хуан.

— Хорошо, понял. А код включения?

Он продиктовал и его.

— Спасибо.

— Алекс, послушай…

Но я сбросил звонок, схватил пистолет и выбежал из квартиры.

* * *

На марсоходе я бы добирался до Альфы полдня, а времени не было. И хотя корабль Вайнгартена и О'Райли мог быстро покрыть расстояние, если хватило бы топлива, его сначала нужно было вытащить на поверхность, на что ушла бы целая вечность. Поэтому я отправился к единственному знакомому, у которого было всё, чего пожелает душа, в том числе самолёт: к Эрни Гаргаляну из «Лавки старинныхъ диковинъ».

— Мистер Дваикса! — воскликнул Гаргантюан, стоило мне зайти в пустой магазин.

— Здорово, Эрни.

— Слышал, жизнь твоя так и полнится приключениями, мой мальчик.

— Н-да?

— Поговаривают, ты отыскал третий корабль Денни и Саймона.

— И кто это поговаривает?

— Я держу руку на пульсе, мой мальчик.

И правильно, а то помрёт, не дай бог.

— Нашёл, да, — признал я.

— Думаю, спрос на него будет.

— Ты про корабль?

— На всё найдётся коллекционер, — сказал

он. — Могу подыскать предложения, если хочешь.

— Давай, почему нет. Слушай, а одолжишь самолёт ненадолго?

К чести Эрни, смеялся он от души.

— Бог ты мой, драгоценный! Смелости тебе не занимать.

— Куда детективу без смелости. — Вообще хоть куда; осторожность обычно не помешает.

— И куда это ты собрался на моём самолёте, Алекс?

— На Альфу.

Он мигом бросил смеяться.

— Ты её нашёл?

— Да.

— Ладно. Когда вылетаем?

Я догадывался, что выбора мне не оставят. Рори бы не обрадовался, но Рори был мёртв. А вот Рэйко — не факт, но протянула она бы недолго.

— Сейчас, — сказал я.

Дверь открылась: пришёл покупатель.

— Нет-нет, — поспешил к двери Эрни. — Мы закрыты.

Клиентка — женщина лет сорока — указала на вывеску с лазерной гравировкой:

— Но…

— Ошибочка вышла! — заявил Эрни. — Сейчас поправим.

Даже за несколько шагов до двери он уже запыхался; до купола Гаргантюан бы попросту не дошёл. Насколько я помнил, его самолёт стоял у северного шлюза — так уж совпало, что Лакшми с Рэйко тоже выехали через него. Но Гаргалян, человек во многих смыслах немалых достоинств, не заморачивался с общественным транспортом. Заглянув в подсобку, он вернулся верхом на парящем кресле — и от меня не укрылось, что он прихватил с собой карабин.

Чуть не застряв в дверях, он всё же протиснулся, а когда я вышел — голосовой командой запер за собой магазин.

Кресло на воздушной подушке неслось так резво, что по дороге к шлюзу уже я успел запыхаться. Эрни с трудом натянул личный скафандр — ему в принципе всё давалось с трудом, и всё же он справился.

Я же взял скафандр в аренду. На этот раз мне попался зелёный, того оттенка, который раньше ассоциировался с деньгами. Костюм Эрни был тёмно-фиолетовым; в нём он напоминал баклажан.

Всего на парковке стояло три самолёта, один

из которых и принадлежал Эрни. Тёмно-серый, с огромным размахом крыльев — метров сорок, я бы сказал. Кабина, кажется, изначально была рассчитана на два кресла, но вместо них стояло одно двухместное. Я расположился сзади: своей формой кабина напоминала каплю, сужающуюся к концу, потому во втором ряду кресло было только одно. Когда мы уселись, Эрни завёл мотор.

Чтобы взлететь на Марсе, нужны не только большие крылья, но и длинная взлётная полоса. В данном случае её заменял километр расчищенной равнины, и мы проехали его почти до конца, прежде чем оторвались от земли.

До этого я летал только на Земле, на Марс прибыл в гибернации, а потому впервые увидел Нью-Клондайк с воздуха. Вытянул голову, разглядывая быстро исчезающий вдали город; большой невысокий купол, блестящий на солнце, будто Господь уронил контактную линзу. И ничего больше: только бескрайние марсианские равнины да жёлто-коричневое небо над головой. Достав планшет, я открыл фотографию с координатами и продиктовал их Эрни в широкий затылок.

Самолёт летел быстро и бесшумно. Я то и дело посматривал вниз, надеясь заметить белый багги. Конечно, Лакшми могла отправиться куда-то

ещё, и тогда я бы кусал локти, что рассказал Эрни об Альфе, но…

Но нет, она действительно ехала впереди. Мы подоспели вовремя: до Альфы оставалось всего несколько километров.

Как и для взлёта, для посадки самолёту требовался чистый открытый участок, и хотя равнина Исиды была, что и так очевидно, равниной, идеальных поверхностей на ней не наблюдалось, и посадить самолёт представлялось делом непростым. Эрни кружил, ища подходящее место, и пусть звук в разреженном воздухе передавался плохо, Рэйко с Лакшми достаточно было взглянуть вверх, чтобы заметить настолько большой самолёт.

Ругаясь по-армянски, Эрни вертел массивной головой, выискивая площадку.

— Ну была не была! — наконец пробормотал он, и мы пошли на снижение.

На выбранном им участке не было валунов, но камней оказалось предостаточно. Несмотря на адаптивные шасси, напоминающие колёса багги, только большего диаметра, мы всё равно несколько раз подпрыгнули, столкнувшись с булыжниками размером с баскетбольный мяч. Мой завтрак решил выйти на бис и комом встал

в горле.

Под восторженный вопль Гаргантюана мы пропрыгали на брюхе значительное расстояние, а когда всё же остановились — натянули шлемы, и Эрни откинул крышу кабины. Перекинув карабин за борт, чтобы освободить руки, он спустил свою массивную тушу по перекладинам, встроенным в борт самолёта, а потом с большим трудом нагнулся и подобрал ружьё.

Спустившись следом, я оглядел раскинувшуюся передо мной бескрайнюю марсианскую равнину. В голове заиграл «Золотой экстаз» Эннио Морриконе. Именно жадность положила начало Великой марсианской лихорадке, да и Великой клондайкской и Великой калифорнийской тоже, и жутковатая композиция Морриконе отлично передавала это безумие.

На горизонте показался приближающийся марсоход Хуана; мы приземлились ровнёхонько перед ним, в километре от восточной окраины Альфы — окраины, усыпанной минами.

Я обошёл крыло самолёта и сказал телефону передать код отключения, продиктованный Хуаном.

Белый багги не сбавлял скорость. На таком расстоянии сложно было понять, есть ли на нем

зелёные полосы; всегда оставалась вероятность, что Лакшми взяла другой марсоход.

Я передал код ещё раз… ещё раз… и ещё…

Но проклятый марсоход всё приближался и приближался — Лакшми явно вжала педаль в самый пол. Она немного отклонилась, намереваясь обойти самолёт, и я снова попробовал передать код отключения. Может, Хуан ошибся? В конце концов, он только проснулся, когда я позвонил, и…

…и марсоход наконец сбросил скорость, остановившись метрах в семидесяти от меня. В кабине кто-то зашевелился; точно, отрубились ведь все системы, включая жизнеобеспечение. Лакшми с Рэйко наверняка сейчас в спешке натягивали шлемы скафандров. По дороге я описал Эрни ситуацию, так что тот тоже не мешкал: уже поднял винтовку к плечу и выцеливал багги.

Я достал пистолет из кобуры, прикреплённой к скафандру, и побежал к заглохшему марсоходу. Видимо, моё появление произвело должное впечатление, потому что Лакшми откинула крышу кабины — по соображениям безопасности для этого не нужно было электропитание, — и они с Рэйко выскочили наружу.

Пользуясь длиной ног, я быстро нагнал их и

остановился. Они смотрели на меня, отделённые пятью метрами ржавой пыли, — Рэйко в зелёном скафандре чуть темнее моего и Лакшми, снова одетая в красное. За поляризованным шлемом женщины могли не узнать меня, но я легко различал их по росту.

Я обернулся через плечо; Гаргантюан Гаргалян ковылял к нам, вскинув винтовку. Похоже, писательская карьера Лакшми Чаттерджи на Марсе близилась к фееричному завершению.

Глава 40

Я бросил взгляд на запястье — посмотреть частоту, на которой работала рация, — а потом вскинул руку и показал сначала три, затем четыре пальца.

Лакшми склонила голову в лёгком кивке. Они с Рэйко коснулись наручных панелей, но если и переключились на тридцать четвёртый канал, то ничего не сказали. Просто ждали, пока заговорю я. Поэтому я не стал медлить.

— Ну ладно, шутки кончились. Отпусти её.

Я оглянулся через плечо на Эрни, и…

Ох. Он ведь впервые их видел, а из-за поляризованных визоров приходилось гадать, кто есть кто, и по ошибке он прицелился в Рэйко. Я открыл было рот, чтобы поправить его, но не успел: в карамельное небо поднялась пара рук с зажатым в них маленьким пистолетом. И сдавалась отнюдь не Лакшми Чаттерджи — руки подняла Рэйко Такахаси.

Лакшми отреагировала мгновенно: молниеносным движением она выхватила пистолет у Рэйко и приставила к её боку. В ту же секунду до

меня дошло: это не Лакшми похитила Рэйко, а Рэйко вынудила её показать, где находится Альфа. Видимо, Рэйко сама выбила дверь в качестве алиби, чтобы потом свалить всё на самооборону — никто бы и слова не сказал, если бы она убила свою похитительницу при побеге.

— Отойди, Ломакс, — велела Лакшми, — или сучке конец.

Вероятно, она узнала мой голос, ведь за поляризованными шлемами не было видно лиц, а уж тем более выражений — отчасти поэтому я и не смог распознать ситуацию с ходу.

— Ты меня не застрелишь, — сказал я, держа Лакшми под прицелом. — Только я знаю код, чтобы разблокировать багги.

— Если застрелю, — возразила Лакшми, — в самолёте освободится место, так что никакой код не понадобится.

Я нажал на регулятор и деполяризовал шлем; солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы не бить в глаза. Лакшми, видимо, решила последовать моему примеру, потому что её визор из чёрного стал прозрачным.

Эрни, разумеется, тоже подключился к моей частоте.

— Дорогая моя, — подал голос он, — у нас общая

цель. Но богатства Альфы несметны, и все мы можем получить то, что желаем. Зачем же нам ссориться?

— Ты ещё кто? — спросила Лакшми.

— Эрнест Гаргалян, — ответил он с учтивым поклоном. — Владелец «Лавки старинныхъ диковинъ». — Он отключил поляризацию, открыв миру круглое лицо и прилизанные волосы.

Лакшми, судя по всему, не слышала ни о самом Эрни, ни о его магазине. А жаль, потому что угрожать Гаргаляну опасно: наёмники отомстили бы за его смерть, а среди них были трансферы.

— Главный толстосум на этой богом забытой планете, — объяснил я Лакшми. — Так, просто к твоему сведению.

Рэйко тоже отключила поляризацию.

— Так вы Эрни Гаргалян? — спросила она голосом, полным изумления.

— К вашим услугам.

— Я… я не знала, что вы на Марсе. Даже не думала, что вы живы.

Эрни нахмурился.

— Жив, конечно.

— Вы… вы знали моего деда, — сказала Рэйко.

— А. Всё так, всё так, — подтвердил Эрни. — Алекс упоминал, что ты внучка Денни. Я был то-

гда совсем мальчишкой: встретил их с Саймоном на выставке драгоценных камней и минералов в Тусоне. Стал одним из первых посредников, которые вели с ними дела.

— Каким… он был человеком?

— Прирождённым предпринимателем. Осмелюсь сказать, вы и сами в него пошли. Зачем же похитили эту прекрасную даму?

— Она меня обманула, — ответила Рэйко. — Сказала, что пишет книгу о дедушке. Я отдала ей дневник. Надеялась, что там будет какая-нибудь подсказка и мы вместе разыщем Альфу, а она…

— Она не из дневника узнала об Альфе, — сказал я. — Да, Лакшми? Ты подбила того сопляка, Дирка, повесить на меня маячок. А потом проследила за мной.

Лакшми кивнула:

— Вот именно. В дневнике ничего не было. Я справилась без него. — Она посмотрела на Рэйко: — Так с чего мне брать тебя в долю?

— Потому что Альфа моя, — сказала Рэйко. — Её нашёл дедушка, так что все ископаемые оттуда принадлежат мне.

Рэйко так и не опустила руки. Лакшми — не опустила пистолет. Эрни целился в них из винтовки. Эннио Морриконе всё играл и играл у

меня в голове.

Вдалеке что-то мелькнуло. Может, просто пыльная буря — частое явление на Марсе. Но я не был уверен и понимал, что лучше сделать вид, будто я ничего не заметил. Я не сводил взгляда с Лакшми. Что бы мне ни привиделось, оно было достаточно далеко, а потому я решил потянуть время:

— Ну ладно, хорошо. Значит, у нас тут просто небольшое недоразумение. Мы ещё можем разойтись мирно.

Лакшми покачала головой, каштановыми волосами мазнув по шлему изнутри.

— По пути сюда Рэйко сказала, что ты нашёл труп её деда. Это правда?

Я кивнул.

— Ничего удивительного, — продолжала Лакшми. — Даже в то время только трое знали об Альфе. Сначала Саймон Вайнгартен с Денни О'Райли обманули Уиллема Ван Дайка. Потом Вайнгартен решил избавиться от О'Райли. Так и сейчас: всё достанется лишь одному, по-другому и быть не может. Такова человеческая природа.

— Дорогая моя, — сказал Эрни, — все мы алчем богатства. — Ни разу не слышал, чтобы кто-то выражался так в реальной жизни, но сейчас, на передовой, атмосфера располагала. — Но Альфа

удовлетворит даже мой аппетит, что уж говорить о вашем. Мы все можем неплохо подзаработать. В конце концов, вам понадобится посредник.

Обычно меня устраивало быть человеком из плоти и крови, но сейчас я жалел, что не трансфер — хотя бы из-за телескопических глаз. Что бы ни маячило у горизонта, оно приближалось. Конечно, это всё ещё могла оказаться пыльная буря…

…или неизвестное нечто надвигалось на нас так стремительно, что поднимало шлейф пыли.

И хотя Эрни обращался к Лакшми, ведь именно она держала в руках пистолет, вместо неё ответила Рэйко. Мало какая женщина может саркастично ухмыльнуться и при этом остаться красивой, но внучке Денни это удалось.

— Она меня обманула, — сказала Рэйко. — Ничего ей не светит.

Марсианский ландшафт был невыносимо однообразен; один и тот же кратер мог оказаться как метр, так и сто в поперечнике, одна и та же скала — величиной что с человека, что с гору. По ним невозможно было определить ни размеры приближающегося объекта, ни оставшееся расстояние. Но он был уже достаточно близко, чтобы разглядеть цвет: бирюзовый, совершенно не марсианский оттенок.

— Двуличие на Марсе не редкость, — сказал я Рэйко. — Эрни и сам меня мистером Дваикса называет. Не принимай близко к сердцу.

— Правда? — удивилась Лакшми. — Я думала, он тебя так называет, потому что у тебя нет яиц.

Бирюзовый объект стал ещё ближе. Разглядеть его в деталях не получалось — то ли мне пора к окулисту, то ли он по-прежнему слишком далеко для биологических глаз, — но что-то там двигалось, это точно.

Я всё ещё хотел отправить Лакшми в тюрьму за убийство Дианы, но если Хаксли избавился от тела, улик против неё не было — по крайней мере, пока. Ничего, я что-нибудь придумаю, если — когда — вернусь в Нью-Клондайк. Но для этого нужно было уговорить писательницу опустить оружие.

— Лакшми, — сказал я. — Что случилось на равнине, тут и останется. Отпусти Рэйко, возвращайся в Дом Шопацкого и работай над своей книгой, о чём бы она ни была.

Бирюзовый силуэт всё приближался, и я наконец увидел, что это человек. Но простой человек не бежал бы так быстро; это явно был трансфер. Я украдкой глянул на Эрни. Тот смотрел исключительно на женщин — по нему невозможно

было понять, заметил ли он пополнение в наших рядах.

Бегун слегка сместился, и теперь его закрывали Рэйко и Лакшми. Я мог бы отойти или вытянуть шею, но движение не укрылось бы от внимания Лакшми; я успел пожалеть, что отключил поляризацию.

Конечно, не факт, что трансфер мчался на подмогу нам с Эрни. Вполне возможно, он прибыл на помощь Лакшми, каким-то образом оповестившей о своём похищении, или Рэйко — может, и вовсе хотел расправиться сразу со всеми и заграбастать богатства себе. Были бы среди нас трансферы, ему бы понадобился широкополосный прерыватель, а так бегун мог легко обойтись дробовиком или пулемётом, хотя их на Марсе я ещё не встречал.

Эрни решил вмешаться:

— Послушайте мистера Ломакса, барышня. У меня есть связи, с ними любые трудности нам нипочём…

Эрни замолчал, ощутив слабую дрожь земли под ногами; у меня трястись не могло ничего, а вот он был ходячей системой экстренного оповещения, и Лакшми явно что-то заметила. Она резко обернулась, увлекая за собой Рэйко. Так я

снова увидел трансфера, и от удивления у меня отвисла челюсть.

Навстречу нам мчалась шикарная женщина — поразительной красоты трансфер с лицом супермодели и длинными светлыми волосами, развевающимися за спиной. Я её не узнал, но одета она была в бирюзовый костюм, обтягивающий соблазнительные изгибы. Пышная грудь чарующе подскакивала на каждом шагу, но не вздымалась. Трансфер не запыхалась; она не дышала вообще.

Возможно, вскоре и нас ждала такая судьба.

Глава 41

Со спины сложно было разглядеть, что сделала Лакшми, но, кажется, она больше не держала Рэйко под прицелом, а вместо этого целилась в прекрасное наваждение, приближающееся к нам десятиметровыми шагами. Я уже готов был наброситься на Лакшми, но блондинка вдруг прыгнула, взмыв в подобие атмосферы. Врезавшись в писательницу, она повалила её на спину. Рэйко, отскочив в последний момент, сумела устоять на ногах.

Лакшми выругалась; падать на землю было больно, особенно с кислородными баллонами за спиной. Заметив, что она не выпустила из рук пистолет, я пнул её в ладонь. Пушка подлетела, а потом подлетела ещё и ещё. Лакшми забилась, пытаясь сбросить с себя красотку-трансфера, но та схватила её за запястья.

Блондинка посмотрела на Эрни и дёрнула прелестной головкой. Гаргалян на секунду растерялся, но потом понял, чего от него хотят. Пришлось повозиться, но в итоге блондинка поднялась на ноги, удерживая Лакшми, а он по-

просту уселся на неё сверху. Лакшми колотила его кулаками в перчатках, но в скафандре руками особо не поразмахиваешь, так что удары выходили практически безболезненными.

Блондинка улыбнулась мне, но вдруг удивлённо распахнула чудесный ротик, демонстрируя жемчужно-белые зубки. Я запоздало понял, что она смотрит мне за спину. А когда обернулся, увидел…

Чёрт. Мне точно пора к окулисту. На горизонте вновь что-то двигалось. Я прищурился, и да: кто-то ещё бежал в нашу сторону, на этот раз с севера.

Блондинка широко распахнула голубые глаза. Наверняка у неё было бионическое зрение; может, даже прицел на сетчатке. По лицу трансферов сложно понять, что они думают, но я сомневался, что она узнала нового бегуна.

Я не был уверен, друг это или враг, но решил готовиться к худшему. Блонди вроде не нападала, а потому я схватил её за руку — перчаткой за обнажённую кожу — и рванул наперерез незнакомцу в сторону Альфы, чтобы ему пришлось выбирать цель: либо гнаться за нами, либо направиться к Лакшми и Эрни. Вскоре стало понятно, что он выбрал нас.

Блонди легко подстроилась под меня, и мы пробежали ещё пару сотен метров. Марсианская пыль потихоньку перемещалась, но я разглядел на земле следы от двух лунок и проскочил между ними. Потом осмотрелся, выискивая скалу в форме машины, которую окрестил Плимутом, и более неровного Хадсона. Плимут обнаружился на северо-западе, Хадсон — слегка южнее востока; здесь я и остановился.

С незваным гостем нас разделяло буквально сто метров. Я пригляделся, но так и не понял, что на нём — бежевый скафандр, бежевая одежда или это бежит голый трансфер с бежевой кожей. Маловероятно, конечно, но всё же.

От размышлений меня отвлёк Эрни, крикнувший в рацию:

— Алекс! Алекс!

Я обернулся. Каким-то чудом Лакшми удалось то ли сбросить его с себя, то ли… нет, нет, куда там. Это Рэйко наставила на Эрни пистолет. Чёрт! Пока я уводил погоню, а Эрни своим весом сглаживал замечательные изгибы Лакшми, Рэйко добралась до выброшенного пистолета. На Земле в критических ситуациях люди умудрялись поднимать машины с зазевавшихся пешеходов; видимо, Лакшми было достаточно увидеть пушку

у Рэйко, чтобы на адреналине оттолкнуть Эрни и забрать у него карабин.

Блонди вывернулась из моей хватки, молниеносным движением подхватила камень размером с бейсбольный мяч, замахнулась и запустила его с силой, достойной питчера Высшей лиги. Рассекая воздух, камень упал недалеко от троицы, и я так и не понял, в кого именно она целилась: то ли в успевшего вскочить на ноги Эрни, то ли в Рэйко с Лакшми, которых разделяло буквально несколько метров. Они стояли, направив друг на друга оружие: Рэйко — собственный пистолет, Лакшми — винтовку Эрни.

На Диком Западе я бы услышал сам выстрел, но из-за разреженного воздуха только женский вскрик раздался в динамике шлема. Затаив дыхание, я ждал, кто же рухнет.

И три секунды спустя одна из них действительно покачнулась и с изящной марсианской неторопливостью повалилась на землю: невысокая брюнетка в тёмно-зелёном скафандре, наследница, получившая от деда только его одержимость богатством.

Блондинка внезапно кинулась к ним. Она не произнесла ни единого слова и вряд ли пользовалась той же частотой, что и мы, но я всё равно

крикнул:

— Нет! Стой! Вернись по нашим следам!

То ли она всё же была настроена на нужный канал, то ли вдобавок к бионическому зрению у неё был бионический слух, но она затормозила, развернулась и побежала туда, где мы до этого проскочили.

Между тем человек в бежевом упорно мчался ко мне. Если бы я отбежал, он бы сменил направление — и потому я не шевелился.

Блонди практически летела к Рэйко и Лакшми, окутанная облаком развевающихся волос. Лакшми направила на неё винтовку, и мы с Блонди, видимо, сошлись на одном — такая пушка покалечит любого, включая трансфера; белокурая богиня запетляла, не сбавляя скорости. Лакшми выстрелила, но промахнулась. Выстрелила ещё раз, и теперь попала блондинке куда-то в живот — трудно было сказать со спины, — но ту это не остановило.

Я обернулся к бегущему человеку. Точнее, к трансферу в светло-коричневых брюках и такого же цвета рубашке с длинными рукавами. За его спиной что-то висело — уж точно не кислородные баллоны, скорее, рюкзак с оборудованием. Наконец он приблизился достаточно, чтобы раз-

глядеть лицо, и…

Боже, только не это!

Я закричал, хотя в разреженной атмосфере и через шлем он бы всё равно не услышал:

— Рори, стой!

В последний раз я видел клон Пиковера, когда спасал его из пыточной на борту «Джима Скукума», но даже не сомневался, что это он — я узнал облик, который он принял, заняв место Джошуа Уилкинса. От мин его отделяло всего тридцать метров, и расстояние стремительно сокращалось.

Даже в скафандре я прыгал не хуже, чем на Земле. Я побежал к нему — и, соответственно, к минам. А когда до них оставалось совсем немного, я со всей силы оттолкнулся и взмыл в воздух, раскинув руки. Рори с нехарактерным для трансферов изумлением уставился на меня, и…

…чёрт! Мой смит-вессон вылетел из кобуры и, видимо, упал прямо на мину, потому что меня внезапно швырнуло вперёд. Оглушительный взрыв нарушил тишину разреженной атмосферы. Я врезался в клона Пиковера, сбив его с ног, и голень обожгло болью.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы оправиться от удара, но потом я поднялся и подал

Пиковеру руку. А когда подтянул его к себе — ощутил в ноге болезненное пощипывание. Оказалось, осколок мины прорезал штанину скафандра и джинсы, открыв морозному воздуху участок кожи примерно с банан, и по ноге текла кровь, которая, впрочем, должна была либо замёрзнуть, либо испариться. Порывшись в ремкомплекте, висящем на поясе, я нашёл самый большой лейкопластырь и наложил на порез. До ушей донёсся голос Пиковера.

— Боже! — воскликнул он. — Альфа заминирована!

Я кивнул — и ему, и собственным мыслям; настоящий Пиковер узнал об этом уже после создания клона. Я переключил частоту.

— Двадцать второй канал! — крикнул я. Трансфер кивнул, и хотя внешне ничего не изменилось, я перешёл на нормальную громкость: — Что ты тут делаешь?

В динамике шлема раздался голос клона, разительно отличающийся от настоящего Рори.

— Я работал в двадцати километрах к северу, — сказал он. — Увидел пролетающий над головой самолёт и понял, что чёртова машина направляется к Альфе. Решил на всякий случай проверить, а потом заметил тебя.

— Рад встрече, Рори. У нас тут объявилась парочка мародёров. Готов постоять за окаменелости?

Он сощурился.

— Ещё как.

Лакшми с Эрни стояли в пятидесяти метрах к востоку от нас. Рядом с ними опустившаяся на колени блондинка склонялась над упавшей Рэйко.

— Видишь женщину на земле? Это внучка Денни О'Райли.

— О, разве? — сказал он, прямо как настоящий Пиковер, когда впервые об этом услышал.

Я был не в том настроении, чтобы повторять «Нет, О'Райли», хотя редко удавалось одинаково подшутить над одним и тем же человеком.

— Да, — сказал я. — Женщина в красном — Лакшми Чаттерджи. Писательница, уже несколько раз пыталась меня убить. Кто та крошка в бирюзовом костюме — понятия не имею, но она на нашей стороне. Ну, как минимум не нападает. А тот здоровяк…

— Эрни Гаргалян. — Без британского акцента недовольство впечатляло не так сильно, но презрение Рори было всё равно очевидно.

— Да, — ответил я, оглядывая раскинувшуюся перед нами картину. Пожалуй, можно было по-

спорить, кто тут хороший, а кто плохой, но Рэйко с Лакшми и Блонди не особо подходили на роль злого: на это звание претендовали только я, Рори да Эрни. — Это был его самолёт. Но он просто согласился меня подкинуть. Сейчас главная угроза для Альфы — Лакшми.

— Я… я не хочу никого убивать, — сказал Пиковер.

— Выхода нет, — ответил я. — Потому что Лакшми нас точно убьёт. — Только сказав это, я осознал, что мисс Чаттерджи не представляет для Рори особой угрозы. Он мог попросту убежать — двигался он быстрее Лакшми; может, даже быстрее багги, если бы она его завела. Но я спас его от пыток, а потом спас ещё раз, когда скрыл его личность от настоящего Пиковера, который потребовал бы стереть клона, узнай он о его существовании. Я сомневался, что он меня бросит. И он не разочаровал.

— Ну ладно. Что будем делать?

— Видишь две лунки? Они остались от мин, которые мы выкопали с твоим, кхм, братом. Между ними можно спокойно ходить. — Клон кивнул, и я продолжил: — Тогда план такой. Пункт первый: обезоружить Лакшми.

— Хорошо, — сказал Пиковер. — А как?

— Придумай, — ответил я и побежал к остальным, отталкиваясь и проносясь по воздуху широкими прыжками. Пиковер помедлил, но вскоре догнал меня.

Лакшми не мешкала. Широко расставив ноги, она заняла удобную позицию и вскинула винтовку, напрочь забыв про Эрни. На это я и рассчитывал — стоило ей отвернуться, здоровяк прыгнул. И пусть на Марсе он весил в три раза меньше, чем на Земле — благодаря чему подскочил аж на полметра вверх и на полтора вперёд, — масса у него была точно такой же, и он врезался в Лакшми со страшной силой. Та подалась вперёд, пытаясь подняться; Эрни приземлился на неё сверху, и хотя на бегу разглядеть было сложно, похоже, что он собрался отключить ей подачу кислорода.

Неожиданно Пиковер вырвался вперёд, часто перебирая искусственными ногами. Несмотря на столкновение, выбившее из Лакшми весь дух, она с трудом подняла голову, вскинула винтовку и выстрелила в Пиковера. Тот кувыркнулся, и я решил, что Лакшми попала, но нет — Пиковер нарочно ушёл с линии огня, перекатившись, а пуля пронеслась у него над головой. Подскочив, он помчался дальше.

Только сейчас я разглядел, что Блонди, оказывается, не стояла на коленях, а сидела, скрестив ноги, на песке, уложив голову Рэйко Такахаси себе на колени.

Эрни всё ещё возился с Лакшми, но — да! — всё же смог отсоединить кислородные баллоны и отбросить их в сторону. Конечно, в шлеме ещё был воздух, но жить писательнице оставалось не больше пары минут.

Внезапно мой собственный шлем брызнул дождём осколков. Это Лакшми перевела прицел с Пиковера на меня и выстрелила. На мгновение всё заслонил белый туман конденсата, которым обернулся оставшийся кислород, но я вынырнул из облака и побежал дальше. Шлем разбился, но баллоны были на месте, и по трубке поступал кислород. Я остановился, понадеявшись, что у Лакшми нет больше патронов, и дёрнул трубку ближе к себе: её длина предусматривала некоторый запас на случай непредвиденных обстоятельств.

Мороз обжигал кожу, глаза болели от холода и почти полного отсутствия атмосферы, нос заложило; но через трубку, которую я засунул в рот и зажал зубами, поступал тёплый воздух, и я помчался дальше, потому что не знал, что ещё

делать. По лицу текла кровь — видимо, я порезался осколками.

Мне нужен был новый шлем, срочно. Эрни явно осознавал серьёзность моего положения, потому что пытался стащить шлем с Лакшми. Я постепенно начинал слепнуть — глазные яблоки замерзали, — и…

Всё вокруг потемнело, и я пропахал носом землю. Только и успел, что приподнять голову и выплюнуть кислородную трубку, пока не выбил себе передние зубы. А потом кто-то навалился на меня сзади, и сильные руки сомкнулись на моей шее с явным намерением задушить.

Глава 42

Не поднимая головы, я попытался отцепить от себя чужие руки и ощутил…

…голую кожу, открытую холоду атмосферы.

Оказывается, это не у меня перед глазами померкло — просто перед тем, как повалить, мне на голову набросили мешок, и теперь сильные искусственные руки как можно крепче затягивали его на моей шее.

Мешок надулся подобно воздушному шару, наполнившись поступающим из трубки кислородом. Видимо, Пиковер достал из рюкзака тканевый мешок для образцов и набросил мне на голову в качестве импровизированного шлема; это он сидел у меня на спине.

— Алекс! — крикнул он так, чтобы было слышно без рации, гарнитура которой разлетелась вместе с осколками шлема. — Ради всего святого, лежи спокойно!

Я даже не осознавал, что до сих пор пытаюсь сбросить его с себя: видимо, паника взяла верх. Глубоко вздохнув, я ощутил запах затхлого мешка, чему невероятно обрадовался. И хотя вокруг

царила темнота и я ничего не видел, глаза как минимум двигались.

Пиковер ослабил хватку, отпуская мешок. Шеи коснулся бодрящий порыв холодного воздуха, и я зажал горловину самостоятельно.

— Скоро вернусь! — крикнул Пиковер — если, конечно, я правильно расслышал его приглушённый голос.

Лицо пылало; подозреваю, сказывалось обморожение. А мешок, похоже, прилип к макушке — значит, я действительно поранился до крови. Вряд ли смертельно, но с мешком на голове я оказался вне игры, что тоже не радовало. Приподняв голову, я натянул ткань, пытаясь разглядеть обстановку через холстину, но тогда терялась всякая герметичность, и в итоге я решил рискнуть и на секунду поднять мешок…

…и увидел, что Пиковер добрался до бело-зелёного багги Хуана. Он сидел за рулём, откинув крышку кабины, и в раздражении колотил по панели: чёртов марсоход не заводился.

Засунув левую руку под мешок, я приказал телефону передать код включения. Но нет; воздух стремительно заканчивался, а телефон то ли не слышал меня, то ли не распознавал голос. Свободной рукой я как можно туже затянул горловину

вокруг запястья и шеи, дождался, пока в мешке наберётся достаточно воздуха, а потом повторил:

— Включи марсоход Хуана!

Оставалось надеяться, что тот стоял не слишком далеко. Я всё ещё лежал ничком, и подняться без помощи рук было бы чертовски непросто.

— Включи марсоход Хуана! — крикнул я ещё раз.

Земля под грудью слегка затряслась. Сначала я подумал, что бежит Эрни — на это зрелище я бы полюбовался, — но потом услышал гудок багги. Вскинув голову, я рискнул выглянуть из-под мешка. Кожи снова коснулся ледяной воздух, и всё вокруг заволокло конденсатом, но через пар я разглядел Пиковера буквально в десяти метрах. Он оставил крышу откинутой, и я, натянув мешок, вслепую пошёл в его сторону.

Вскоре я ощутил на себе руки — видимо, Пиковер вылез из багги. Он помог мне вскарабкаться за руль, а потом захлопнул кабину снаружи. Я выдохнул, потом содрал примёрзший к макушке мешок, нажал на кнопку герметизации кабины и дождался поступления воздуха, вернувшего мне способность нормально дышать и слышать.

Я огляделся, пытаясь оценить ситуацию. Она определённо изменилась: Эрни стоял, заложив

руки за голову, под прицелом собственной винтовки. Его караулила Лакшми — вновь на ногах, в шлеме и с кислородными баллонами за спиной. А вот Блонди как сидела с Рэйко, так и осталась — значит, та была жива, пусть и не двигалась.

Пиковер стоял рядом с марсоходом. Он помахал рукой, привлекая внимание, и указал вперёд. Я кивнул, вдавил педаль в пол и понёсся прямо на Лакшми. Спустя три секунды та осознала, что происходит, и перевела винтовку. Она успела попасть в лобовое стекло трижды, и хотя аллокварц пошёл паутиной трещин, она быстро поняла, что остановить меня таким образом не удастся, и бросилась наутёк.

Я и так мчался на полной скорости, поэтому продолжил в том же духе — всё равно бы догнал. Она виляла из стороны в сторону, и приходилось постоянно маневрировать, чтобы не сбиться с курса, но в итоге случилось неизбежное: я настиг её, и…

И да, мышцы у неё атрофироваться действительно не успели. Она подпрыгнула, взмыв в воздух, за секунду до столкновения, и приземлилась на капот багги спиной ко мне. Пружинистые колёса амортизировали удар.

Я врезал по тормозам, надеясь скинуть её, но

она снова подпрыгнула, повернулась вполоборота, поджав ноги, и приземлилась лицом ко мне, коленями помяв капот. Марсоход остановился, и она, приставив дуло винтовки к трещине, оставшейся от прошлого выстрела, прицелилась мне прямо в грудь. Она надеялась, что выстрел в упор окончательно пробьёт аллокварц — и я сам сомневался, что стекло выдержит.

Неожиданно марсоход заходил ходуном: что-то рухнуло на него сзади. Обернувшись, я увидел Пиковера, запрыгнувшего на багажник. Он пробежал по крыше, прыгнул ещё раз и приземлился на капот прямо напротив Лакшми, с ногами по обе стороны от винтовки. Лакшми, отдёрнувшись, наставила её вверх.

Зажатый между крышей и Лакшми, Пиковер не мог толком ударить её, зато мог схватить за плечи. Удерживая руки Лакшми, он постепенно спустился ниже и вырвал у неё винтовку, а потом развернул, направив прямо в лицо, и я решил, что сейчас её шлем разлетится на части вместе с прелестной головкой.

Но Пиковер не решался выстрелить, и Лакшми быстро это осознала. Ужас сошёл с её обворожительного лица. Упав на спину, она упёрлась ногами Пиковеру в подмышки и перекинула

его через себя головой вперёд. Падение было небыстрым, и Рори успел раскинуть руки, но выпустил винтовку. Лакшми развернулась на заднице, спрыгнула с капота и подхватила её. Только целилась она в меня, а не в Рори, и хотя козырёк мог меня защитить, он с точно такой же вероятностью мог разлететься; поскольку шлема у меня не было, Рори явно решил не рисковать и не бросаться на неё сразу.

Лакшми быстрым шагом обошла багги сбоку, и только я собирался включить задний ход, как она остановилась…

И, чёрт бы её побрал, отсоединила эксимерную батарею в боковом отсеке. Все системы, включая жизнеобеспечение, отключились — даже код не понадобился. Хорошенько замахнувшись, Лакшми швырнула батарею как можно дальше — то есть весьма далеко, учитывая её земную мускулатуру, почти отсутствующее сопротивление воздуха и слабую гравитацию Марса.

В кабине пока что хватало кислорода, но теперь я не мог открыть крышу, а значит, и достать батарею. Лакшми бросилась в противоположном направлении, и Рори замешкался, пытаясь понять, куда бежать. Потом, видимо, решил, что мне без кислорода придётся туго, и побежал за

батареей.

Краем глаза я заметил движение по правую руку. То был Эрни Гаргалян, направлявшийся к самолёту. Он не бежал, но шёл быстро, размахивая руками. Явно решил удрать — и, как завещал Саймон Вайнгартен, бросить своего партнёра на Альфе.

Глава 43

Лакшми, заметив Эрни, побежала за ним — хотела, видимо, тоже полетать в самолёте.

Клон Пиковера искал батарею — он не заметил, куда конкретно Лакшми её выбросила. Без рации я не мог ему подсказать, хотя стоило Рори только обернуться, и я бы жестом указал направление.

Я посмотрел на Эрни. Тот, добравшись до самолёта, разворачивал его за кончик крыла.

Блондинка вдруг подхватила Рэйко и прижала к груди. Тело Рэйко обмякло; своим видом они напомнили мне плакат «Запретной планеты», где робот Робби держал на руках Альтаиру. Блонди тоже бросилась к самолёту — поняла, что это самый быстрый способ доставить раненую Рэйко под купол.

Я развернулся к Рори, и тот наконец-то посмотрел на меня. Я, бурно жестикулируя, указал в сторону, куда улетела батарея, и он пошёл искать там. Эксимер не нагревался, так что инфракрасное зрение вряд ли могло помочь, но…

Неужели! Он поднял батарею и трусцой побежал к марсоходу. Лакшми не закрыла дверцу

отсека, но Рори возился довольно долго — видимо, контакты погнулись. Когда он всё-таки справился, я включил питание, и индикаторы приборной панели загорелись. Тогда я нажал на газ. Я не собирался таранить самолёт, но как минимум мог помешать Эрни. Я выехал на открытый участок, ставший нам посадочной полосой, и остановился прямо посередине. Эрни как раз закончил разворачивать самолёт, когда я встал у него на пути.

Блондинке ещё нужно было немного пробежаться, а Лакшми уже добралась. Они с Эрни спорили, бурно размахивая руками. Но винтовка была у дамы, а потому довольно быстро он покорно махнул рукой в сторону кабины, и она забралась на пассажирское кресло.

Эрни тоже вскарабкался, хотя в баклажановом скафандре сделать это было непросто. Оказавшись в кабине, он захлопнул за собой крышу и запустил двигатели; турбины взревели. Я подъехал поближе, загораживая дорогу. Но он, похоже, всё равно готов был рискнуть — кто знает, всё же углеродное нановолокно очень надёжно; может, самолёт бы и выдержал столкновение.

Белокурой богине оставалось бежать ещё метров тридцать. Тряска явно не шла Рэйко на пользу;

склонившись, трансфер осторожно опустила её на землю. А потом сделала то же, что до этого делал Эрни: ухватила самолёт за кончик крыла и повернула носом к массивным булыжникам. Двое людей на борту добавляли веса машине, но Блонди это ничуть не мешало. Эрни ещё мог рискнуть столкновением с багги, но должен был понимать, что висящий на крыле трансфер попортит и так сомнительную аэродинамику. Он заглушил двигатель и не стал ждать, пока Блонди сорвёт крышу кабины: сам разгерметизировал её и откинул назад.

Эрни понимал, что ему можно не выходить — всё же он был здесь пилотом, — но и Лакшми уступать не спешила. Блондинка раздражённо упёрла руки в бока. Подождав секунд пять, она уверенно пошла к кабине пилота.

Пиковер тоже подбежал к самолёту, но с противоположной от Блонди стороны. Даже с винтовкой, Лакшми мало что могла сделать двум трансферам, а потому решила не упрямиться: в конце концов, ухватив за руки, Блонди с Пиковером могли легко разорвать её пополам. Освободив пассажирское кресло, она спрыгнула на землю. Блонди жестом подозвала к себе Пиковера, и они вместе осторожно уложили в

самолёт Рэйко.

Я отогнал багги в сторону, Блонди развернула самолёт к импровизированной взлётно-посадочной полосе, Эрни из кабины лихо показал нам большой палец, и самолёт покатился вперёд, помахивая до нелепости длинными крыльями, будто это помогло бы взлететь.

Вскоре железная птица уже поднялась в небо и взяла курс на восток. По дороге сюда я подсказывал путь, но заметить Нью-Клондайк с воздуха совсем не трудно, и вскоре Эрни должен был засечь городской радиомаяк.

Итого на Альфе остались два трансфера и два простых человека: сборная кремния в лице Пиковера с Блонди и мы с Лакшми в качестве представителей углеродных форм жизни. Пока я отгонял багги, Лакшми лишилась оружия. На этот раз, кажется, Рори даже не пришлось его вырывать — она сама отдала винтовку. В конце концов, со сломанным запястьем книгу особо не напечатаешь.

Рори подошёл к марсоходу. Парой незаметных жестов показав ему новую частоту, чтобы пообщаться без лишних ушей, я включил встроенную рацию на приборной панели.

— Ну, думаю, дальше вы и без меня справи-

тесь, — сказал Пиковер.

— Ты не поедешь в город?

Он помотал головой.

— Я возвращаюсь только за подзарядкой. Мне там нечего делать.

Я выдохнул. Нужно было многое обсудить, но ситуация не располагала.

— Загляни завтра ко мне в офис, — попросил я. — В два тебя устроит? У нас тут есть… кое-какие подвижки, о которых тебе стоит знать.

— Завтра не получится. Нужно заняться раскопками одного сложного образца.

— Тогда послезавтра?

— Ладно. — Подойдя к Блонди, он передал ей винтовку, а потом развернулся ко мне спиной и медленно пошёл на север. Я какое-то время смотрел ему вслед, размышляя.

Из мыслей меня вырвал стук — это Блонди барабанила костяшками пальцев по крыше кабины. Они с Лакшми стояли по другую сторону марсохода. Я решил, что раз уж теперь писательница безоружна, при необходимости я смогу с ней справиться. Только без шлема я не мог выйти из багги, и Блондинка явно хотела запихнуть ко мне Лакшми. Она жестами показывала открыть кабину. Я бы с радостью бросил Лакшми

задыхаться, но Блонди у нас осталась за главную: она забрала себе всё оружие и могла с лёгкостью вскрыть крышу машины снаружи, что могло бы её повредить. Я решил исполнить её желание и откинул прозрачный полог. Воздух вышел. Я не хотел натягивать на голову мешок — у меня ещё осталось чувство собственного достоинства! — но и долго ждать не пришлось.

Белокурая женщина подтолкнула Лакшми к машине. Та недовольно на неё покосилась, но потом покорно забралась на пассажирское сиденье. Я тут же опустил крышу и включил герметизацию.

— Да ладно уж, можешь снять шлем, — крикнул я, когда воздух наполнил салон. — Дорога предстоит долгая.

Лакшми коротко кивнула. Расстегнув шлем, она стянула его и тряхнула шикарной гривой волос. Шлем остался у неё на коленях — она не стала убирать его назад, явно опасаясь, что я отниму его, а сам снова открою кабину. И не зря.

Оставшаяся снаружи блондинка хлопнула по водительской двери, как бы намекая, что пора уже нам шевелиться. Я нажал на педаль; марсоход тронулся, а красотка побежала перед нами, задавая темп, и все вместе мы направились в

расстилающуюся впереди тьму.

Глава 44

За окнами марсохода тянулась ночь. Я посмотрел на Лакшми, тускло освещённую приборной панелью. Она то и дело клевала носом, но вздрагивала и просыпалась; должно быть, вымоталась не меньше моего, но боялась заснуть.

— Ничего, потом отоспишься, сестрица, — сказал я. — Зря ты убила Диану.

— Говорю же, я её не убивала, — ответила она, поглядев на меня.

— Если не ты, то кто?

— Не знаю. Я пришла и нашла её мёртвой.

— Нет уж, не верю. Компьютер на корабле Вайнгартена и О'Райли записал твой разговор. Ты назвала Диану своей страховкой.

— Вот именно! — воскликнула Лакшми. — Зачем мне её убивать? Мы с Рэйко об этом и говорили: Диана была нужна мне живой, чтобы влиять на тебя.

— Но потом ты застала её с жучком, поняла, что она работает на меня, и конец истории.

— Я её не убивала, клянусь.

— Так я и поверил.

— Верь не верь, но сам посуди: если я соврала, чудесно — ты поймал убийцу. Но если нет, то настоящий убийца разгуливает на свободе и всегда может прийти за тобой.

— Мне нечего бояться, — ответил я.

— Диане ты говорил так же?

Её слова задели меня, но я не подал вида.

И вновь потянулись бесконечные километры.

* * *

Наконец впереди показался купол. Блондинка даже не запыхалась. Мы добрались до северного шлюза — того же, через который и выезжали. На парковке, разумеется, обнаружился целёхонький самолёт Эрни.

Будь у меня шлем, я бы оставил марсоход снаружи, но без него пришлось проезжать в шлюз. Дверь за нами закрылась, и мы остались ждать, пока нормализуется давление, а Блонди прошла через шлюз для персонала, который работал куда быстрее. К тому времени, как двери перед нами открылись, она уже ждала по ту сторону, да не одна: рядом стоял — вот так сюрприз! — Дугал Маккрей.

Я вылез из марсохода. Мак быстрым шагом подошёл к нам.

— Лакшми Чаттерджи? — спросил он у писательницы.

— Да.

— Вы арестованы.

— За что?

— Уважаемый Эрнест Гаргалян утверждает, что вы угрожали ему оружием.

Лакшми махнула рукой:

— Что дальше? Даже если и угрожала, это было вне вашей юрисдикции.

Мака это ничуть не смутило.

— Пройдёмте в участок, — сказал он. Я ухмыльнулся. Лакшми думала обеспечить себе безопасность, подкупив Хаксли, но у Эрни хватило денег забраться повыше. Писательница ещё немного повозмущалась, но делать было нечего, и вскоре она красовалась в наручниках. Мак обернулся ко мне: — Алекс, потом мне всё объяснишь. В подробностях.

— Конечно, Мак. Попозже к вам загляну.

— Уж будь добр, — сказал он, и они с Лакшми ушли, оставив нас с блондинкой наедине. Шикарная красотка бросилась ко мне, раскинула руки…

Ух!

И, заключив в объятия, впилась в губы жарким

крепким поцелуем. Я, конечно, не был против такой благодарности, но…

…но она всё целовала и целовала меня, а когда всё-таки отстранилась, то широко улыбнулась. Здесь, под куполом, мы могли наконец-то поговорить; её голос был незнакомым, но знойным, сексапильным и абсолютно пленительным.

— Спасибо тебе! — сказала она. — Я созвонилась с Эрни, когда мы подошли ближе к куполу. Он сказал, что Рэйко прооперировали и её жизни ничего не угрожает. — Она ещё разок чмокнула меня в губы и добавила: — Спасибо, Алекс.

Я был в первую очередь детективом, а потому отметил, что она на короткой ноге с Гаргантюаном, что уж говорить про меня, но сам я всё ещё понятия не имел, откуда взялась эта белокурая богиня.

— Всегда пожалуйста, — сказал я. — Но вы ставите меня в невыгодное положение, мисс…

Никогда не видел у трансфера сверкающих глаз, но у неё они точно блеснули.

— Ох, Алекс! Это же я.

Я озадаченно покачал головой, а она слегка отстранилась и оглядела меня оценивающим взглядом:

— Только посмотри на себя! Какой ты грязный!

Весь в крови, в песке, лицо себе отморозил. Идика приведи себя в порядок, выспись, а я зайду за тобой к шести.

— Зачем? — спросил я.

— Пойдём на свидание, глупенький. Ты задолжал мне ужин в «Блэйни», забыл?

У меня отвисла челюсть, и пришёл в себя я не сразу.

— Диана?

Та улыбнулась от уха до уха.

— Она самая.

Пульс подскочил, на губы выползла улыбка, но в этом деле так часто встречались внезапные повороты, что я должен был убедиться.

— Докажи, — сказал я.

— У тебя левое яичко…

— Понял! Всё понял. Диана! Но… как? Я видел твой труп.

— Точнее, моё тело.

— С дырой от пули во лбу.

Она молчала, и до меня наконец-то дошло.

— Ты её подставила, — сказал я. — Ты хотела, чтобы Лакшми обвинили в убийстве. — Я задумался. — Пистолет с её отпечатками, труп у неё дома… ну, точнее, в Доме Шопацкого. — Я кивнул. — Но зачем? И как? Откуда у тебя деньги на

трансфер?

— Удобно иметь друзей в нужных местах, — сказала Диана.

Я, конечно, знал, что в последнее время она встречалась с кем-то ещё, но… Ну и ну.

— Я даже не знал, что ты знакома с Рэйко Такахаси.

— Она такая очаровашка, согласись? — восторженно прощебетала Диана. — Я как увидела её в «Гнутом зубиле» — мгновенно очаровалась!

— Но зачем вешать на Лакшми убийство?

— Изначально они с Рэйко работали вместе, — сказала Диана. — Ты ведь сам знаешь: Рэйко отдала Лакшми дневник дедушки, потому что та якобы писала про экспедиции Вайнгартена и О'Райли. Лакшми обещала, что если найдёт в дневнике подсказку, которая приведёт к Альфе, то они с Рэйко разделят добычу пополам. Но обманула: сама нашла Альфу, а твердила Рэйко, будто ничего не знает. Нужно было вывести её из игры, а так мы заодно избавились от ненужного тела…

— Но Лакшми знала, где находится Альфа, а вы нет. Зачем от неё избавляться?

— Потому что, мой дорогой Алекс, об Альфе нам мог рассказать ты.

— Откуда ты знаешь? — И тут меня осенило. —

Дирк. Нож. Ты поняла, что раз я снова работаю с Рори Пиковером, то рано или поздно побываю на Альфе, и специально подстроила нападение, чтобы я забрал у него нож с жучком.

Диана кивнула.

— Прости, малыш, но Альфа принадлежит Рэйко, а не вам с доктором Пиковером. С Дирком работала Лакшми, так что когда ты возвращался под купол, данные о твоём передвижении загружались на компьютер в Доме Шопацкого. Поэтому мы с Рэйко забрали его, когда подбросили тело.

— Умно, — сказал я.

— Да, но Лакшми ждала чего-то подобного, потому что все данные были стёрты. А ты, разумеется, уже нашёл и уничтожил жучок.

— А, и вы решили, что проще взять Лакшми в заложники и напрямую узнать, где находится Альфа.

— Не совсем. Её похитила Рэйко. Но я проследила за ними, чтобы помочь Рэйко, если возникнут проблемы — которые, конечно, возникли.

Голова кружилась. Она предала меня, использовала, перехитрила… Отступив на шаг, я посмотрел на неё в полном шоке.

— Ты… — дрожащим голосом сказал я, указывая

на Диану пальцем. — Ты…

Она моргнула голубыми глазами.

— Да?

— Просто невероятна!

— Я такая, — ответила она и улыбнулась. — Прости, дорогой.

— И что теперь?

Она приподняла светлые брови и соблазнительно улыбнулась.

— А теперь мы пойдём в «Блэйни».

— Но тебе же не нужно есть.

— Нет конечно. Но я люблю танцевать.

— А потом?

Она обвела рукой шикарное новое тело.

— Нас будет ждать ночь, которую мы никогда не забудем.

Глава 45

Трансферы не умирали. Для них не существовало похорон — да и о каких похоронах речь? Вся семья Рори Пиковера, если она существовала, осталась на Земле, а друзей на Марсе у него было мало. На деле, наверное, и вовсе один.

Дугал Маккрей передал тела погибших трансферов, включая Рори, «Новому Ты». Поговорив с клоном, который заглянул ко мне в офис, как и обещал, мы направились туда. Дверь, видимо, была оснащена датчиками движения, потому что стоило нам войти в выставочный зал, как из подсобки появился Горацио Фернандес. При виде Пиковера его глаза округлились.

— Джошуа!

Я почесал затылок.

— А, да. Кхм, как бы так объяснить. На самом деле это не Джошуа Уилкинс, а клон доктора Рори Пиковера.

— Боже правый, — выдохнул Горацио. — Серьёзно?

— Да, — сказал я.

— Но тогда где же Джошуа?

— Погиб, — ответил я. — Он впутался в скверную историю, и полиция поджарила его прерывателем.

— Боже мой… Неужели?

— Да, — подтвердил я. И добавил: — Рэйко сегодня работает?

— Нет. И не будет. Я уволил её за несанкционированное использование оборудования для создания трансферов.

— Трансферов? Что, нескольких?

— Ну как минимум одного.

— Будешь подавать в суд?

Горацио пожал массивными плечами.

— Наверху нет камер, сам знаешь. Тяжело будет добыть доказательства. Да и мне в первую очередь нужно думать о репутации. Суд с внучкой Денни О'Райли точно не пойдёт нам на пользу.

— А.

Горацио посмотрел на клона.

— Похоже, не только она работала у меня за спиной.

— Да уж, — сказал я. — Настоящий Пиковер же здесь, я правильно понимаю?

— В мастерской. Вместе с тремя Ослепительными Донами Хатчисонами и Крикором Аджемяном. — Горацио покачал головой. — Честно

говоря, даже не знаю, что с ними делать.

— Позвольте… можно мне… взглянуть на него? — подал голос Рори.

Горацио кивнул и отвёл нас в мастерскую. Уно, Дос и Трес — не обязательно в этом порядке — лежали на полу у дальней стены. Один из рабочих столов занимал труп Стюарта Берлинга со вскрытой грудью, из которой торчали оптоволоконные кабели. А на другом столе лицом вверх лежало тело доктора наук, профессора Рори Пиковера. Его рот был слегка приоткрыт, обнажая искусственные зубы, стеклянные глаза — распахнуты. Но смотрели они не вперёд, а немного вправо, навеки застыв в косом взгляде.

По лицам трансферов сложно было прочитать их эмоции, и потому оставалось только догадываться, о чём думает клон Пиковера, глядя на мёртвого брата. Может, смени он внешность — было бы легче. Нет, он, конечно, прихорошился, убрал седину из волос, избавился от морщин, но в целом так и остался собой — Рори Пиковером, невзрачным учёным.

Клон стоял над ним, не моргая. А я-то думал, что даже у трансферов это автономная функция. Может, он пытался сдержать слёзы — которых всё равно не было, — и это мешало векам шеве-

литься.

— Дашь нам минутку, Горацио? — попросил я.

Тот кивнул и вернулся в выставочный зал. Когда он ушёл, клон поднял голову и посмотрел на меня, жестом указав на мёртвого трансфера.

— Он ведь знал обо мне?

— Он знал, что тебя создали, но не знал, что ты выжил.

— Как он отреагировал?

«Сотрите его. Уничтожьте. Видеть не хочу проклятую дрянь», — так отреагировал настоящий Пиковер. Но я не смог произнести это вслух, глядя клону в глаза.

— Как бы ты отреагировал на его месте?

Снова молчание, затем — едва заметный кивок.

— Могу понять.

Постояв в тишине ещё немного, клон Рори сказал:

— Ладно. Я готов.

Мы вернулись в зал. Горацио сидел за кассой. Мы подошли к нему, и когда он поднял голову, я сказал:

— Я прошу фал-тор-пан, воссоединение.

Будь передо мной любительница старинных фильмов Лакшми, в ответ я бы получил знакомое

«То, чего ты ищешь, не делалось многие поколения и даже тогда было только легендой». Но Горацио только и смог, что сказать:

— Что, прости?

— Пойдём наверх.

Ну, хоть теперь Горацио улыбнулся.

— А я думал, ты уже не предложишь.

Он направился к лестнице, я — за ним, а последним потянулся Пиковер. Поднявшись, я махнул в сторону комнаты сканирования, Горацио открыл дверь, и мы прошли внутрь.

— Ты говорил, что здесь нет камер, — сказал я. — Точно?

Горацио кивнул.

— Вот и отлично, — сказал я. — Будь добр, вскрой ему череп и пересади искусственный мозг настоящему Пиковеру.

Горацио явно не ожидал такой просьбы, но через мгновение всё же кивнул.

— Ну… я могу, конечно… Для этого, правда, придётся откалибровать все системы, но…

— Калибруй, — сказал я. — Всё что угодно.

— Но… Пиковер ведь официально мёртв.

— Об этом знают только копы да ты. Если поползут слухи, что трансферы не бессмертны, пострадает твой бизнес, так что ты точно будешь

держать язык за зубами. А полиция у Гаргаляна в кармане — ну, как минимум их глава. Эрни мне должен, так что о бумажках он позаботится.

Мы вернулись в мастерскую, переложили Стюарта Берлинга на пол, и Горацио занялся настоящим Пиковером.

Вскоре тот лишился макушки, и Горацио извлёк закоротивший, слегла раздавленный мозг. Оказывается, мозги у трансферов были сферическими и не особо напоминали, ну, настоящие биологические мозги. Размером они были с бейсбольный мяч, только бирюзовыми и абсолютно жёсткими. Снизу находился сложный разъём, который подключался к спинному мозгу. Горацио отложил мёртвый мозг на столешницу, установив на штекер, чтобы не укатился, а потом принялся молотком править примятый череп.

Закончив, он повернулся к клону Рори:

— Ладно, снимай рубашку и садись на край стола.

Рори расстегнул и снял рабочую рубашку, а затем запрыгнул на стол. Разъёмов в нём вроде не было, но Горацио каким-то образом подсоединил оптоволоконный кабель, заканчивающийся металлическим штекером, сбоку от пластикового пупка; наверное, он был намагничен.

— Отлично, — сказал он. — В первую очередь нужно повысить болевой порог.

— А так можно? — спросил Пиковер. — Где ты только был раньше!

Горацио вряд ли понял, о чём он, но всё равно улыбнулся и повернулся к консоли.

— Так, хорошо, этого хватит. Больно не будет. Если что — говори.

Вооружившись лазерным резаком, он вскрыл искусственную кожу над бровями клона, который даже не поморщился. Горацио срезал макушку — кожа расходилась, как у обычного человека, но крови не было. Зато на металлическом черепе я заметил шов, очень похожий на сочленения самых обычных скелетов.

Было странно наблюдать за операцией, где хирург работает без перчаток и маски. Аккуратно сняв верхнюю часть черепа, Горацио отложил его на стол вверх дном — титановый скальп, покрытый волосами, напомнил половину кокоса.

— Погоди секунду, — вдруг попросил Пиковер.

Он склонил голову, и я испугался, что круглый мозг вывалится из черепа, но тот был надёжно закреплён. Видимо, он хотел в последний раз оглядеть это тело. Я понимал его чувства. Каждый раз, навсегда покидая очередную квартиру,

я осматривал её на прощание и старался навеки сохранить в памяти.

— Ладно, — тихо сказал Рори. — Я готов.

Горацио повозился с настройками на консоли, затем положил руку на мозг и слегка повернул, отсоединяя. Достав его, он перешёл к другому столу, где лежал труп настоящего доктора Пиковера. На мозге, видимо, были свои отметки, потому что Горацио повернул его, подстраиваясь, поместил в пустой череп, подсоединил, и…

…и глаза трансфера, до тех пор застывшие, двинулись, осматривая мастерскую, а затем его и так приоткрытый рот распахнулся и единственный на свете доктор Рори Пиковер в своей неподражаемой манере сказал:

— Спасибо большое, старина!

Насколько я понимал, при переселении в искусственное тело мозгу требовалось какое-то время, чтобы подстроиться. Но Пиковер, как бывший трансфер, чувствовал себя очень даже комфортно. Он легко сел, перекинув ноги через край стола.

— У этого тела руки на четыре сантиметра длиннее, — предупредил Горацио, — так что пару дней сильно ими не размахивай. А, ещё придётся заново учиться активировать зум и инфракрас-

ное зрение. Эти глаза от другого производителя, и управление чуточку отличается.

Пиковер кивнул без видимого труда. Потом склонил голову, оглядывая тыльную сторону ладони; видимо, привыкал к новому телу.

— Цвета немного отличаются, — сказал Рори, подняв взгляд. — Твоя кожа, волосы Алекса… всё другое.

— В смысле? — спросил Фернандес.

— Как будто слегка… золотое.

— Это поправимо.

— На самом деле мне даже нравится. — Он поднял руки и похлопал себя по груди. Я решил, что он ощупывает тело, но нет. — И как же приятно оказаться в родной одежде!

Настоящий Рори умер в тёмно-синей рабочей рубашке с вышитым на кармане динозавром.

Фернандес занялся его черепом, а я заметил:

— Ну, осталось разобраться с ним, — и указал на пустую оболочку, оставшуюся от клона. — Для всех остальных он был Джошуа Уилкинсом, хотя тот давно уже умер. Нужно избавиться от тела.

— Я… то есть он занимался раскопками, — сказал Пиковер, пока Горацио с помощью инструментов прилаживал ему новую кожу. — Можно выбросить тело где-нибудь на равнине — будет

выглядеть так, будто он вышел из строя и там и умер.

— Нет, — сказал Горацио, резко остановившись. — Ни в коем случае.

Я взглянул на него.

— Вы сами сказали: я продаю если не бессмертие, то как минимум долговечность. Тело не может просто «выйти из строя» само по себе. Не портите мне репутацию, уж будьте любезны.

— Ладно, — сказал я. — Придумаем что-нибудь ещё.

Глава 46

Рори хотел поскорее добраться домой, и я понимал его спешку. В конце концов, его клон не был там с момента создания: он проснулся в примитивном скелете, пережил пытки на борту «Джима Скукума», потом подкорректировал тело, приняв облик Джошуа Уилкинса, и с тех пор месяцами жил на равнине, так ни разу и не вернувшись домой. Поэтому на выходе из «Нового Ты» мы расстались. Я сходил в зал, затем пошёл к себе и проспал до десяти утра.

А когда проснулся, на автоответчике меня ждало сообщение от Эрни Гаргаляна, который просил заглянуть к нему в «Лавку старинныхъ диковинъ».

Я пришёл быстро: нельзя же заставлять ждать самую крупную шишку Марса. Удивительно, но в лавке меня ждал не только сам Эрни, но и Рэйко Такахаси с доктором Рори Пиковером. Рэйко прислонялась к витрине, но выглядела абсолютно здоровой: Эрни, разумеется, оплатил ей лучших врачей — не пристало внучке Денни О'Райли лечиться у мясника Уиндермира.

— А, Алекс, мой дорогой, рад тебя видеть! — сказал Эрни. — Заходи, заходи! — Он махнул мне рукой. — Налить тебе что-нибудь? Есть скотч столетней выдержки — уверен, тебе понравится!

— Давай потом, — ответил я.

— Потом так потом, — согласился Эрни. — Да-да, приличия, мой мальчик, всё верно! Алкоголем сделки не начинают, алкоголем сделки заканчивают. Потом обмоем!

В зале присесть было негде, поэтому Эрни отвёл нас в роскошный кабинет, где я до этого не был. Там обнаружились три кресла, обитых тёмно-красной и, кажется, натуральной кожей. Эрни опустился в то, что стояло за большим резным столом. Рэйко тоже присела, скрестив прекрасные ноги, а я занял последнее. Рори же мог спокойно стоять часами.

— Алекс, из-за тебя у меня возникла проблема, — сказал Эрни, — с которой надо бы разобраться.

— Проблема? — повторил я.

— Да, мальчик мой, именно так. Ты показал мне землю обетованную; открыл для меня месторождение Денни и Саймона. Невозможно даже представить, какие богатства хранит эта залежь.

— И что не так?

— На Земле, — сказал Эрни, туманно махнув рукой вверх, — можно синтезировать всё: золото, алмазы, рубины. Их можно купить за бесценок — а, да что вообще там нельзя купить! Но вот настоящие внеземные окаменелости… за них коллекционеры готовы выложить целое состояние! А знаешь, мой дорогой Алекс, почему?

— Из-за происхождения, — ответил я.

Эрни расхохотался, отчего толстое лицо затряслось, и посмотрел на Пиковера.

— Вы это слышали, уважаемый мой профессор? «Из-за происхождения»! Какие высокопарные слова! — Он снова перевёл взгляд на меня. — Безусловно, подлинность, которую невозможно подделать и синтезировать, придаёт им особую цену. Но этого мало. В конце концов, на продаже лунного грунта особо не заработаешь, хотя установить его происхождение не составит труда; его не заберут даже бесплатно! Но в былые времена он невероятно ценился. А знаешь, почему?

Я догадывался, но предпочитал не перебивать людей, которые рвались поделиться со мной информацией.

— Нет.

— Потому что с 1972 года, когда вернулась первая лунная экспедиция, и до возобновления

лунных перелётов на Земле было всего 382 килограмма лунного грунта. Дефицит, мальчик мой! Спрос и предложение! Алмазы тогда насчитывались тоннами, но… а, дорогой, я же знаю, о чём ты думаешь! Помнишь мой скафандр? Фиолетовый? В него бы поместился весь грунт с «Аполлона». Разумеется, он стоил бешеных денег!

— Понятно, — сказал я. — Хорошо.

— Что же тут хорошего, Алекс, мой дорогой? Да ничего! У меня теперь есть доступ к огромным запасам великолепных марсианских ископаемых — тут тебе и качество, и количество! Но я не могу обнародовать это, о нет. Если я начну продавать местные образцы — конечно, сначала цены будут поражать воображение, но вскоре окаменелости с Альфы заполнят рынок, и не только первичный, но и вторичный. Они станут новыми наркотиками — все будут торговать ими, все будут сбывать только их.

— Ну и что делать? — спросил я.

Эрни улыбнулся, поиграв пористыми щеками.

— Хороший вопрос! А ответ, мой мальчик, таков: мы будем курировать Альфу. Доктор Пиковер будет отбирать образцы для работы, изучать их, сканировать, описывать для науки. Он работает медленно — я знаю, и меня это устраивает. За-

кончив с образцами, он будет передавать их мне, а уже я выведу их на рынок, и мы подыщем хорошего покупателя. Часть доходов отойдёт мисс Такахаси, как внучке моего доброго друга; я лично буду высылать ей долю с каждой продажи.

— Но… на это же уйдут годы.

— Богом клянусь, Алекс, ты прав! Но что с того? Мы живём не просто в век материального изобилия, мальчик мой, мы живём в век бессмертия! Доктор Пиковер уже совершил этот переход, да и мы, полагаю, не намерены стать новыми ископаемыми! Я значительно старше всех вас, но моя жизнь только начинается! А как известно любому добротному бизнесмену, стабильные дивиденды гораздо ценнее кратковременной прибыли.

Я посмотрел на Пиковера:

— И тебя это устраивает, Рори?

Тот пожал плечами:

— Вариант не идеальный, но у меня есть карта Вайнгартена и О'Райли, а Эрни с первых дней работает с чёрным рынком; он поможет найти коллекционеров, у которых хранятся старые образцы. Уиллем Ван Дайк мёртв, так что Эрни — моя единственная возможность отследить те окаменелости и внести их в научные каталоги. Кроме того, я смогу поработать с новыми образ-

цами.

Я обернулся к Рэйко Такахаси:

— А ты что думаешь? Нет возражений?

Она покачала прелестной головкой:

— Нет.

— А как же Лакшми? — спросил я. — Она тоже знает про Альфу.

— Дорогой мой, не забивай себе голову, — отмахнулся Эрни. — Лакшми больше не доставит проблем.

— Она возвращается на Землю? — спросил я.

Брови поползли к зализанным волосам.

— Бедняжка. Не стоило ей сопротивляться аресту.

Я нахмурился; она не сопротивлялась.

— Тело, конечно, вернут домой, — сказал он, а потом склонил толстую голову. — Поговаривают, следующим рейсом прилетит драматург.

Я поглядел на Пиковера, но по его лицу сложно было понять, что творится в его голове.

— Так что остаётесь только вы, мистер Два-икса. — Эрни покачал массивной головой. — Я был знаком со Стюартом Берлингом, он продавал через меня свои находки. Недавно принёс пару потрясающих образцов, разбогател, но так и не смог вернуться домой — кошмар, который ему

довелось пережить на «Б. Травене», оставил свой след. И у тебя похожая ситуация, не так ли, мой мальчик? Берлинг не мог вернуться на Землю, и ты не можешь; его сдерживал страх, тебя сдерживает закон, но результат один, согласись?

Я скрестил руки на груди.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что Альфе потребуется защита, но не такая топорная, как какие-то мины. Тут нужен живой человек. И этим человеком можешь стать ты. Чрезмерное богатство на Марсе ничего не значит, но ты сможешь спокойно платить налоги, не волноваться о счёте в «Гнутом зубиле», а когда придёт время — сможешь позволить себе лучшее из искусственных тел. — Он вскинул полную руку. — Охранять её круглосуточно не потребуется, конечно; у тебя хватит времени и на обычное ремесло. Но стабильный доход будет обеспечен на многие годы.

— Думаешь, мне этого хватит? — поинтересовался я.

— Не возьмусь говорить за тебя, мой дорогой Дваикса! Но лично я считаю, что это беспроигрышный вариант. Что скажешь?

Я подумал о четырёх плитах с Альфы, которые прятал за куполом. Но мои сокровища проле-

жали в земле миллиарды лет — а значит, могут подождать ещё. Может, они даже увидят тот день, когда я смогу вернуться домой.

Поэтому я по очереди оглядел собравшихся: широколицего Гаргантюана Гаргаляна, который всегда умел добиваться своего; хрупкую Рэйко Такахаси, которая добилась того, о чём мечтал я; и пытливого Рори Пиковера, который полез бы в вулкан голышом ради знаний, недоступных ныне живущим.

А потом я перевёл взгляд на Эрни:

— Хочу личный марсоход. И скафандр.

— Будет, — сказал он. — Даже не сомневайся.

— И новый пистолет.

— Куда без него.

— И личный широкополосный прерыватель.

Эрни от души рассмеялся.

— Алекс, мальчик мой, а ты мыслишь на перспективу! И его мы тоже достанем, коли захочешь.

— Ну ладно, — медленно кивнув, сказал я. — Тогда выпьем за это. Где там твой скотч?

* * *

Из-за задержки по времени связываться с обитателями Земли очень сложно; с ними не

поговорить по видеосвязи, не позвонить по телефону, не скинуть быстрое сообщение в чат. Так что за десять лет пребывания на Марсе я ни разу не разговаривал с Вандой вживую.

Я не жалел о решении, которое принял. Не жалел ни секунды. У Ванды не было выбора. Ублюдка нужно было остановить — и она остановила его; просто, быстро и во веки веков. Но тех, кого любишь, нужно беречь — и я хотел уберечь её. Взял вину на себя, а вместо того, чтобы гнить в тюрьме, сбежал под купол бесплодной Красной планеты; иногда думал, что, может, в тюрьму и сбежал.

Что бы ни случилось, человеку нужна рутина, порядок, нужно за что-то держаться. Каждую неделю — каждые семь земных дней — я записывал Ванде видео и передавал его на Землю, не забыв оплатить: Говард Слэпкофф требовал своей доли, и его не интересовало, летишь ты с Земли или на Землю, живёшь или умираешь, а может, и вовсе живёшь мертвецом. Говорить на камеру было неловко; я не привык делиться деталями своей жизни. Но через несколько дней после отправки она каждый раз присылала ответ, и когда я смотрел на неё, полную радости, умиротворения и счастья, то понимал: да, оно

того стоит; и — хотя бы на время — чувствовал себя взаправду живым.

И вот я сел за стол в кабинете, на обоях которого чередовались карамельно-зелёные полосы старого, давно покинутого мной дома, поправил воротник, пригладил волосы, откашлялся, включил камеру и произнёс:

— Здравствуй, сестрёнка…

Глава 47

Диана в новом роскошном теле заехала за мной на багги Хуана.

— Ну, как поболтали с Хуаном? — спросил я.

Она улыбнулась, и хотя улыбка была не та, что я привык видеть, она осталась очень приятной.

— Он такой милый, — сказала она. — Так радовался, что я жива.

— Ещё бы.

— Но… знаешь, забавно. Я знала, что нравлюсь ему, это было так очевидно. Но в этот раз он смотрел на меня по-другому. Я выгляжу в десять раз лучше, чем раньше, а он… — Она слегка пожала плечами. — Может, и правда есть люди, которым ты нравишься просто такой, какая ты есть… или была, точнее.

— Это да, — тихо согласился я.

Мы заехали в «Новый Ты» забрать тело, ранее принадлежавшее клону Рори. По моей просьбе Горацио поместил в его череп мозг мёртвого Пиковера. Как двое матёрых мафиози, мы с Дианой запихнули труп андроида в багажник, а потом поехали к западному шлюзу.

Я уже упоминал, что новички на Марсе часто калечатся, переоценив свою неуязвимость. Скорее всего, у трансферов тоже было нечто подобное: суперсила вкупе с низкой гравитацией — и всё, они воображают себя героями из комиксов. А Джошуа Уилкинс — бедный-несчастный Джошуа Уилкинс, потерявший любящую жену, — вполне мог переборщить с безрассудством.

На Марсе было немало удивительных мест, и если когда-нибудь здесь разовьётся туризм, в рекламных проспектах обязательно появятся долины Маринера и Олимп — самый длинный каньон и самый большой вулкан Солнечной системы соответственно. Нам бы подошли оба, но, к сожалению, находились они на противоположной стороне планеты. Но Рори, знаток геологии, предложил удобное место поближе. В тринадцати километрах от песчаных дюн Нили Патеры с горы спускались затвердевшие лавовые потоки, кое-где превратившиеся в отвесные скалы восьмидесяти метров высотой.

Мы с Дианой захватили альпинистское снаряжение — верёвку из углеродного волокна, крюки, всё остальное, — чтобы создать видимость, будто не-Джош-а-Джошуа решил попытать счастья и спуститься по лавовому потоку. Мы нашли самый

крутой обрыв и принесли к нему труп. Я ухватил его за одну ногу, Диана — за вторую, и вместе мы свесили его через край.

— На счёт три, — сказал я. — Раз, два, три.

Мы разжали руки, и труп полетел вниз, медленно, медленно, медленно опускаясь на высоту небоскрёба в двадцать семь этажей. Ударившись о землю, он поднял мультяшное облако пыли — что ж, таков уж был Марс.

Кто знает, когда тело найдут — могут пройти годы, даже десятилетия, марсианские или земные, но я точно знал, что напишет коронер в заключении: «Погиб в результате несчастного случая». Пожалуй, не худшая смерть — уж лучше так, чем получить пулю в лоб от бывшей жены, быть задушенным кредитором или наткнуться на недовольного клиента с ножом.

Обратный путь занял большую часть дня, и у нас с Дианой было достаточно времени, чтобы поговорить. А через несколько часов, когда солнце за спиной склонилось к горизонту, а небо впереди окрасилось фиолетовым, я решил задать вопрос, который вертелся в голове с момента, как я узнал, что она осталась жива. Но я не мог вывалить его сразу, а потому начал издалека:

— Знаешь, наверное, пора мне попробовать

что-то новое.

— Да? — спросила Диана, повернув ко мне прелестную головку.

— Ага. Надоело быть единственным частным детективом на Марсе.

— И чем же ты хочешь заняться?

— Нет-нет-нет. Я не планирую уходить. Я люблю свою работу; выражаясь словами предшественника, таково моё ремесло. Но я подумываю найти партнёра.

— Спроси Дугала Маккрея, — предложила Диана. — Наверняка он устал возиться с бумажками, сидя в участке.

— Я не про него. — Убрав руку с руля, я провёл ею перед собой, как бы выводя строки текста. — Ты только представь: свет льётся через окно, подсвечивая два имени, и эти имена тенями падают на пол: «Ломакс и Конналли, частные детективы».

Она удивилась — то ли предложению, то ли тому, что я знал её фамилию.

— Ну что? — спросил я. — В «Гнутом зубиле» ты остаться не можешь — кому захочется, чтобы выпивку приносил трансфер? Это всё равно что бармен-мормон — не та атмосфера. Нет, понимаю, тебе больше не нужно платить налог на

жизнеобеспечение, но вряд ли ты решила совсем отказаться от денег?

Она посмотрела на меня блестящими стеклянными глазами и мягко сказала:

— Ох, Алекс…

— Да?

— Алекс, родной, как ты не понимаешь? Я ведь не просто так решила стать трансфером.

— Ну да. Бессмертие, вечная молодость. Все их хотят.

— Дело не в этом. Мне они не нужны. Но, милый, я провела тут двенадцать лет и, в отличие от тебя, не занималась в зале. Мне нужна была сила.

— И ты её получила, — сказал я. — Отличное качество для частного детектива.

Она мягко покачала головой, и светлые волосы заблестели под солнцем.

— Остановись на минуту.

Когда мы остановились, она повернулась и показала куда-то рукой. Сначала я решил, что она подразумевает тело, от которого мы избавились — будто это помешало бы стать частным детективом, — но потом понял, что она указывает на вечернюю звезду, сапфир, сияющий на западном горизонте.

— Земля? — спросил я.

— Земля. Я хочу вернуться домой, но буду весить там в три раза больше. В старом теле путь туда был мне заказан. А в этом я вольна идти, куда пожелаю.

— Но чем Земля лучше Марса?

Вопрос риторический: список уходил в бесконечность. Но ответ меня удивил:

— Там есть Рэйко.

— Но она здесь.

— Это временно. Она хочет вернуться — она не собиралась оставаться здесь насовсем, да и я, в общем-то, тоже, просто так получилось. Рэйко уже купила билеты на «Кэтрин Деннинг».

— Но Рэйко не трансфер. Она тоже будет весить в три раза больше.

— Да. Но она на Марсе всего пару месяцев и занимается спортом. Она адаптируется без труда.

— Не видел её у Галли.

— В этой дыре? Алекс, она занимается в «Амстердаме».

— Я буду скучать.

— Приезжай. Ты ведь для этого поддерживаешь форму? Чтобы однажды вернуться домой?

— Если получится, — тихо сказал я. — Однажды.

Я вновь поднял взгляд на голубую планету,

медленно заходящую за линию горизонта, а потом отвернулся и завёл багги. Следующий час мы провели в молчании, а когда заговорили, то болтали о мелочах.

Вскоре мы добрались до купола Нью-Клондайка. Припарковав багги Хуана, я вернул взятый в аренду скафандр и, разумеется, проводил Диану до дома — время клонилось к четырём утра, хотя сейчас скорее она защитила бы меня, чем наоборот. Я гадал, предложит ли она провести вместе остаток ночи, но на шаткой лестнице в квартиру она сказала:

— Рэйко сегодня ночует у меня. Наверное, уже крепко спит.

Я просто кивнул.

— Сейчас, подожди минутку… — Она открыла дверь и прошла в квартиру, не включив свет; инфракрасное зрение позволяло ориентироваться в пространстве. А когда вернулась, держа в руках простой белый пакет, то подступила ближе и обняла меня — нежно, будто всё ещё боялась не рассчитать силы. — Было весело, Алекс.

Из белого пакета она достала ещё один — подарочный, переливающийся радужным блеском, с перевязанными бантиком ручками.

— Небольшой подарок, — сказала она. — На

память. — Она передала пакет мне. — Открой, не бойся.

Я справился с узлом ничуть не лучше, чем доктор Пиковер с арканом Лакшми. Диана рассмеялась, забрала у меня пакет и развязала бант, подцепив ленточку длинными ногтями. А потом передала пакет мне, и я достал из него новенькую серую шляпу из мягкого фетра, обвитую широкой лентой.

— Ну вот, теперь у тебя есть настоящая шляпа, — сказала она.

Я осторожно водрузил шляпу на голову. Она подошла идеально. Оставалось только опробовать, и я приподнял её, салютуя Диане.

— Спасибо, милая, — сказал я и, склонившись, в последний раз поцеловал её в губы.

— Пожалуйста, — ответила Диана. — Береги себя, ладно, Алекс?

— А как же. Как всегда.

Спустившись по лестнице, я вышел в одинокую ночь.

Благодарности

В феврале 2004 года лауреат премии «Хьюго» Майк Резник пришёл ко мне с предложением, от которого я не смог отказаться: написать «научно-фантастический рассказ о заправском сыщике» для антологии Down These Dark Spaceways Книжного клуба научной фантастики, где он выступал редактором.

Тот рассказ, «Похищенная индивидуальность» (Identity Theft), завоевал испанскую премию UPC de Ciencia Ficción. Это самая большая в мире денежная премия за научно-фантастическую литературу — её призовой фонд составляет шесть тысяч евро. Кроме того, рассказ стал номинантом Канадской премии научной фантастики и фэнтези «Аврора», а также двух высших наград в области научной фантастики: премии Всемирного общества научной фантастики «Хьюго» и премии Американской ассоциации писателей-фантастов «Небьюла». Таким образом, «Похищенная индивидуальность» — первая (и пока что единственная) оригинальная публикация Книжного клуба научной фантастики, когда-ли-

бо номинированная на одну из этих премий. В слегка изменённом виде рассказ «Похищенная индивидуальность» составляет первые десять глав этого романа.

В 2007 году мы с женой Кэролин провели лето в Доме Бёртона, где некогда проживал канадский историк и писатель Пьер Бёртон. Дом Бёртона — одна из самых престижных писательских резиденций Канады, он расположен в Доусоне на территории Юкон, в самом сердце Клондайкской золотой лихорадки. И хотя в качестве предыстории для «Похищенной индивидуальности» я уже использовал Великую марсианскую лихорадку, именно пребывание на Юконе, где я жил через грунтовую дорогу от хижины Роберта Сервиса и в квартале от старого дома Джека Лондона, сподвигло меня по-настоящему углубиться в темы жадности и безумия, которые движут толпами старателей. Большое спасибо администратору Дома Бёртона Эльзе Франклин, а также Дэну Дэвидсону и Сюзанне Сайто, которые присматривали за нами в Доусоне.

Тед Блэйни, Уэйн Браун, Дэвид Ливингстон Клинк, Пэдди Форд, Марсель Ганье, Джеймс Алан Гарднер, Мартин Г. Гринберг, Джон Хелферс, Даг Херрингтон, Эл Катеринski, Херб Каудерер,

Джеффри А. Лэндис, Кирстин Моррелл, Кайла Нильсен, Вирджиния О'Дайн, Ян Педо, Шерри Питерс и Алан Б. Сойер — я признателен вам за помощь и поддержку.

В качестве рабочего названия романа я рассматривал «Великую марсианскую лихорадку», но американский издатель хотел сделать акцент на нуарной тематике. Я обратился к своим подписчикам, и мне пришли сотни различных вариантов. Джеффри Аллан Билер, Назрат Дюран, Андре Пелокен и Майк Пул по отдельности предложили название, которое мы в итоге и выбрали — «Блюз Красной планеты». Большое спасибо им и всем людям, которые внесли свой вклад. Так получилось, что то же название в 1989 году использовал мой большой друг, лауреат премии «Хьюго» Аллен Стил, — так он назвал рассказ, который позже включил в потрясающий роман о Марсе «Лабиринт ночи» (Labyrinth of Night) 1992 года; я использую его с любезного разрешения Аллена.

Напоследок я, как всегда, хотел бы поблагодарить свою жену, лауреата премии «Аврора» поэтессу Кэролин Клинк, которая всегда готова прийти на помощь; своего отца, Джона А. Сойера, который поощрял мой ранний интерес к пале-

онтологии и другим планетам; Адриенну Керр из канадского филиала издательства Penguin Group в Торонто; и Джинджер Бьюкенен из издательства Ace, входящего в состав американского филиала Penguin Group в Нью-Йорке. И, разумеется, огромное спасибо моим агентам — Кристоферу Лоттсу, Винсу Джерардису и покойному Ральфу Вичинанце.

Об авторе

Роберт Джеймс Сойер — член ордена Канады, высшей награды канадского правительства, а также ордена Онтарио, высшей награды родной провинции.

Стал одним из первых представителей Канадского зала славы научной фантастики и фэнтези, первым лауреатом премии за литературные достижения Искусствоведческого совета Миссиссоги, первым лауреатом премии «Гуманизм в искусстве» Ассоциации гуманистов Канады, а также почётным гостем 81-го Всемирного конвента научной фантастики (Ворлдкон 2023) в китайском Чэнду. В общей сложности его романы более пяти лет находились в ежемесячных списках бестселлеров, публикуемых журналом Locus, специализирующимся на научной фантастике.

Роб — один из восьми писателей, удостоившихся трёх самых престижных международных наград за лучший научно-фантастический роман года: его роман «Гоминиды» получил премию «Хьюго» в 2003 году, роман «Смертельный эксперимент» — премию «Небьюла» в 1996-м, а роман

«Мнемоскан» удостоился мемориальной премии имени Джона Кэмпбелла 2006 года.

Творчество Роба отмечено премиями Роберта Хайнлайна и Хола Клемента, мемориальной премией Эдварда Э. Смита, различными китайскими, японскими, французскими и испанскими премиями, а также рекордными шестнадцатью канадскими научно-фантастическими премиями «Аврора».

Наряду с этим он получил премию «Аналитической библиотеки» журнала Analog Science Fiction and Fact, премию Артура Эллиса, присуждаемую авторам детективных романов, премию читателей журнала Science Fiction Chronicle и премию «Гомер» за лучший рассказ года.

Роман Роба «Вспомни, что будет» лёг в основу одноимённого телесериала канала ABC, где он выступил в качестве сценариста. Также он написал сценарий финальных серий популярного веб-сериала «Звёздный путь продолжается».

Роб проживает в канадском Торонто вместе с женой, поэтессой Кэролин Клинк. Его сайт и блог можно найти по адресу sfwriter.com, а в социальных сетях (Facebook[3], Patreon, Twitter) он

[3] Примечания: 3

Facebook — проект компании «Мета», признанной экстремистской в РФ.

пользуется ником RobertJSawyer.